

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Захаркив Екатерина Васильевна

Дискурсивные слова в новейшей русско- и англоязычной поэзии

Специальность: 5.9.8. — Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук
Соколова Ольга Викторовна

Москва – 2023

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ: ДИСКУРСИВНЫЕ СЛОВА И ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС	23
1.1. Разнородность класса дискурсивных слов. Структурно-семантические и прагматические особенности	23
1.2. Основные теоретические подходы к изучению дискурсивных слов	26
1.2.1. Компонентный анализ	26
1.2.2. Дискурсивно-прагматический подход	28
1.2.3. Когнитивно-прагматический подход	34
1.2.4. Современные направления исследования дискурсивных слов	36
1.3. Поэтический дискурс: ключевые понятия.....	38
1.3.1. Коммуникативно-прагматические особенности поэтического дискурса	41
1.3.2. Поэтическая коммуникация	42
1.3.3. Адресация	47
1.3.4. Дейксис	50
1.3.5. Метаязыковая рефлексия.....	52
1.3.6. Определение поэтического дискурса.....	54
1.4. Выводы	55
ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ДИСКУРСИВНЫХ СЛОВ В НОВЕЙШЕЙ ПОЭЗИИ	57
2.1. Пошаговый анализ дискурсивных слов в поэтическом дискурсе	59
2.2. Метатекстовые дискурсивные слова	63
2.2.1. Дискурсивные слова вывода (<i>в общем, итак, so</i>)	65
2.2.2. Дискурсивные слова каузальной связи (<i>следовательно, therefore</i>)	73
2.2.3. Дискурсивные слова детализации (<i>точнее</i>)	80
2.2.4. Дискурсивные слова экзemplификации (<i>for example</i>).....	84

2.3. Контекстуальные дискурсивные слова.....	87
2.3.1. Дискурсивные слова субъективной модальности (<i>бесспорно*</i> , <i>возможно*</i> , <i>вероятно*</i> , <i>I think, in fact, perhaps</i>)	89
2.3.2. Дискурсивные слова характеристики ситуации во времени и пространстве (<i>you, here, there, now, уже</i>)	97
2.4. Интерперсональные дискурсивные слова	107
2.4.1. Реактивные дискурсивные слова (<i>да, нет, yeah, no</i>).....	108
2.4.2. Фатические (этикетные) дискурсивные слова (<i>пожалуйста, please</i>).....	114
2.4.3. Дискурсивные слова хезитации (<i>ну, well like</i>)	118
2.4.4. Эмоциональные дискурсивные слова (<i>o!, wow</i>)	126
2.5. Полифункциональность дискурсивных слов в русско- и англоязычной поэзии.....	131
2.6. Выводы	136
ГЛАВА 3. ДИСКУРСИВНЫЕ СЛОВА КАК СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В НОВЕЙШЕЙ ПОЭЗИИ	138
3.1. Роль показателей субъективной модальности <i>бесспорно, возможно,</i> <i>вероятно</i> в новейшей русскоязычной поэзии	138
3.2. Контекстуальная ресемантизация дискурсивных слов в новейшей русско- и англоязычной поэзии	149
3.3. Семантика противительности и прагматика противопоставления в новейшей русско- и англоязычной поэзии (<i>с другой стороны,</i> <i>on the other hand, тем не менее, nonetheless</i>)	163
3.4. Выводы	170
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	173
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ.....	183
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	184
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	218
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	220

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена изучению функционирования дискурсивных слов в поэтическом дискурсе с учетом комплексного анализа, включающего методы лингвистической поэтики, лингвистической прагматики, теории дискурса, теории коммуникации, лексикографии и корпусной лингвистики.

Мы используем понятие «новейшая поэзия», опираясь на терминологию Р.О. Якобсона [Якобсон 1921], который актуализировал значимость изучения поэтического языка в синхронии¹. Хотя поэтический язык и поэтический дискурс активно изучаются в современной лингвистике в русле лингвистической поэтики, большее внимание лингвистов получило исследование поэтической семантики и синтактики, в то время как поэтическая прагматика до сих пор остается менее изученной. Обращаясь к прагматическим аспектам функционирования поэтического языка, в настоящей работе мы используем термины «прагматика», «прагматический», «прагматическое измерение языка» в соответствии со сложившейся в лингвистике традицией их употребления. Понимание прагматики в современных гуманитарных науках восходит к двум основным теориям. Если Ч. Пирс [Пирс 2000] сформулировал логико-философское основание прагматики, заложившее фундамент философии американского прагматизма У. Джеймса, Дж. Дьюи и Дж. Сантаяны, то Ч. Моррис разработал теорию трех измерений семиозиса², из которой исходит лингвистическое изучение прагматики, или прагматического измерения языка (см.: [Арутюнова 1999; Демьянков 2017; Золян 2014; Падучева 2019; Степанов 1985 и др.]). Понятие «поэтическая прагматика» используется в работе по аналогии с устоявшимися в лингвистике терминами «поэтическая семантика», «поэтическая грамматика» и «поэтический синтаксис»

¹ Термин «новейшая поэзия» используется в ряде исследований современной литературы [Evgraskina, Stahl 2018; Орлицкий 2020] наряду с термином «современная поэзия». В настоящей работе превалирует термин «новейшая поэзия», так как он позволяет эксплицировать актуальный период существования анализируемой поэзии.

² Семиотическая триада включает семантическое, синтактическое и прагматическое измерения семиозиса, или семантику, синтактику и прагматику (где предметом прагматики является «отношение знаков к интерпретаторам») [Моррис 2001: 50].

[Григорьев 1979; Гик 2015; Золян 2013, 2016; Зубова 2021; Ковтунова 1986б; Северская 2013; Фатеева 2017 и др.].

Помимо меньшей изученности прагматики поэтического дискурса (далее — ПД), необходимо отметить продуктивность применения прагматического подхода при изучении комплекса вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом и коммуникативной ситуацией, включая поэтическую автокоммуникацию, автореферентность, дейксис и т.д. Кроме того, в работе учитывается внимание современных поэтов к языку в его употреблении как к объекту научного, в частности, философского знания [Бахманн-Медик 2017; Feshchenko 2020]. Этот интерес к функциональному аспекту речевой деятельности восходит к «Философским исследованиям» Л. Витгенштейна, где предлагается переосмысление самой сущности значения слова как «его употребления в языке» [Витгенштейн 2018: 43].

В новейшей поэзии наблюдается тенденция к взаимодействию с разговорным языком и сближению с научным дискурсом. Включение элементов разговорного языка (в частности, дискурсивных слов) позволяет осуществить поэтическую рефлексию речевой конвенции, реализовать самоидентификацию субъекта и указать на его отношение к тексту как к высказыванию, производимому в актуальной коммуникативной ситуации. Эффект непосредственной ситуации общения достигается за счет поэтической трансформации дистантной модели коммуникации, характерной для письменного формата речевой интеракции.

Прагматический подход особенно релевантен для исследования поэзии в условиях новых медиа, в которых изменяется не только канал и код сообщения, но и стратегии адресации и субъективации. На современном этапе ПД получает дополнительные языковые (и медиа-) средства для коммуникативного эксперимента, которые включают в себя новые интерфейсы, псевдиdialogические модели, характерные для онлайн-переписки, разговорные паттерны, устойчивые «коммуникативные фрагменты» (в терминологии Б.М. Гаспарова [Гаспаров 1996]) и дискурсивные единицы, используемые в онлайн-коммуникации. При

этом необходимо учитывать специфику поэтической коммуникации, которая связана, помимо «неоднозначности поэтической референции» [Якобсон 1975], с особыми стратегиями субъективации и адресации. Эти стратегии выражаются с помощью двунаправленной адресации (к внутреннему и внешнему собеседнику одновременно), множественной внешней адресации (при «расщепленности как субъекта речи, так и адресата» [Там же]) и другими способами.

Анализ поэтической прагматики позволяет выявить, как расширяется сфера применения метаязыковой функции, основополагающей для научного дискурса, что реализует связь научного анализа с поэтической рефлексией (Н.А. Фатеева обозначает метаязыковое осмысление в поэзии как «лингвистика поэта» [Фатеева 2017]). Применительно к прагматике, метаязыковая рефлексия позволяет выявить функции ДС, имеющие отношение к процедуре речепорождения, поскольку они реферируют к самому процессу высказывания (выражают «процедурное значение» [Blakemore 1987]), а не к внеязыковой действительности. В ходе анализа корпуса текстов новейшей поэзии мы выявили, что функционирование прагматических единиц (в частности, ДС) выводится в фокус внимания и становится объектом метаязыковой рефлексии и прагматического эксперимента, осуществляемого в рамках поэтического дискурса³.

Мы обращаемся к анализу ДС, поскольку они позволяют исследовать прагматическое измерение поэтического дискурса, наряду с дейктиками, иллокутивными глаголами и показателями модальности. В поэзии эти единицы структурируют высказывание в аспекте метатекстовой организации, формируют прагматическую позицию говорящего, который выступает в роли не только субъекта речи, но и (авто)адресата⁴, а также осуществляют референцию к коммуникативной ситуации.

³ Учитывая установку поэтического дискурса на языковой эксперимент (в области семантики и синтактики [Мейлах 1974; Фещенко 2004; Фатеева 2016 и др.]), можно говорить о «прагматическом эксперименте» в поэзии.

⁴ (Авто)адресат — дериват от термина «автоадресация» — присущий поэтической коммуникации вид адресации, концепция которой восходит к модели поэтической «автокоммуникации», предложенной Ю.М. Лотманом [Лотман 2000]. Помещение приставки «авто» в скобки акцентирует двунаправленность такой адресации (на внешнего и внутреннего адресата).

Обладая интерактивной и метатекстовой функциями⁵, дискурсивные слова (далее — ДС) активно употребляются, с одной стороны, в разговорной речи, а с другой — в научном дискурсе, что связано с их стереотипностью и, вместе с тем, полифункциональностью, а также способностью структурировать текст. Эти единицы частотно используются и в других типах дискурса (политическом, рекламном, художественном), в том числе в поэтическом. При этом специфика их функционирования обусловлена коммуникативными условиями определенного дискурса, что требует соответствующего подхода к их изучению. В поэзии эти единицы структурируют высказывание в аспекте метатекстовой организации, осуществляют референцию к коммуникативной ситуации, а также формируют прагматическую позицию говорящего, который выступает в роли не только субъекта речи, но и адресата.

Учитывая существующие подходы к исследованию ДС в рамках отечественного направления [Баранов, Плунгян, Рахилина 1993; Анна А. Зализняк 2001, 2006; Кобозева 2007; Карасик 2016; Падучева 2008], англо-американского подхода [Schiffrin 1997; Fraser 1996; Blakemore 2002; Hyland 2005; Maschler 2009, 2016], французской традиции [Ducrot 1980; Culioli 1990; Paillard 2009], а также ориентируясь на различные определения дискурсивных маркеров (далее — ДМ) и ДС⁶, мы формулируем рабочее определение ДС, под которыми понимаем слова, словосочетания и устойчивые конструкции, участвующие в прагматической и структурной организации высказывания, обладающие интерактивной и метатекстовой функциями.

Внимание к ДС мотивировано осуществленным в лингвистике поворотом от структурализма к «антропоцентризму». Так, в рамках теории Ю.С. Степанова, развитой им далее в русле «философии эгоцентрических слов», язык определяется

⁵ Эти языковые функции, выделенные М. Халлидеем и Р. Хасан (“interpersonal” и “textual”) [Halliday, Hasan 1976: 26], лежат в основе исследований ДС (или дискурсивных маркеров — ДМ) как «незнаменательных слов или словосочетаний, регулирующих дискурсивный процесс между говорящим и адресатом» [Кибрик, Подлесская 2009а]; «отвечающих за отношения между коммуникантами» и «обеспечивающих связность дискурса» [Викторова 2014].

⁶ Подробный обзор существующих подходов к анализу ДС представлен в первой главе диссертации.

как «семиотическая система, основные референционные точки которой непосредственно соотнесены с говорящим индивидом» [Степанов 1974: 14]. Этот подход основан на концепции субъективности (как местоименной категории) Э. Бенвениста, в которой выявляются отношения языка и субъекта, «овладевающего» языком [Бенвенист 1974 (1956): 28]⁷.

Большое значение для изучения субъективности в языке имеет теория шифтеров Р.О. Якобсона⁸, в качестве которых он выделяет частицы и местоимения. Развивая концепцию шифтеров О. Есперсена, Р.О. Якобсон отнес их к классу «индексов», или «индексных» символов, который в свою очередь определил как сложную категорию, локализованную на пересечении кода и сообщения и находящуюся в реальной связи с обозначаемым объектом [Якобсон 1972: 97]. Концепцию шифтеров можно считать отправным пунктом для исследования ДС.

Одним из первых к изучению модальных слов и частиц как прагматических единиц языка обратился В.В. Виноградов⁹, согласно которому их функционально-семантическое значение заключено в выражении отношения к действительности (возможность, (не)реальность, достоверность и т.д.). Дальнейшие исследования дискурсивных единиц (прежде всего, частиц) в отечественной традиции были продолжены в 1970-е гг. в связи с развитием коммуникативного подхода, лингвистической прагматики, теории пресуппозиции и лингвистики текста [Крейдлин 1979; Копыленко 1981; Николаева 1985 и др.]. В 1990-е гг. Д. Пайар и другие французские лингвисты в сотрудничестве с отечественными исследователями А.Н. Барановым, В.А. Плунгяном, Е.В. Рахилиной и др.

⁷ Систематизация различных научных направлений, обращавшихся к исследованию антропоцентрической сущности языка, предложена в работах [Алпатов 1993; Болдырев 2015; Демьянков 2016].

⁸ Эта концепция предложена в работе Р.О. Якобсона “Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verbs”, впервые опубликованной в 1957 г.

⁹ В.В. Виноградов выделяет единицы, отражающие эмоциональное отношение к действительности (*чего доброго, право, как-никак, авось, небось*), оценку с точки зрения достоверности (*вероятно, несомненно, видимо*), отношение содержания речи к общей дискурсивной последовательности (*кстати, кроме того, например*), оценку способа выражения (*буквально, вообще говоря, словом*) и др. [Виноградов 1986: 603–607].

разработали контекстно-семантический подход для описания ДС [Киселева, Пайар 1998: 11] и выпустили теоретико-лексикографические исследования: «Путеводитель по дискурсивным словам русского языка» (далее — «Путеводитель» [Путеводитель 1993]) и «Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания» [Дискурсивные слова 1998].

Отталкиваясь от идей Л. Витгенштейна, в западной традиции основы изучения прагматики языка заложили Дж. Остин и Дж. Серль [Серль 1986], сформулировав прагматически ориентированную теорию речевых актов. Их идеи получили развитие в трудах, посвященных логическому анализу языка Г. Райла, П. Стросона и др. Среди подходов, имеющих особое значение для нашего исследования, назовем принцип кооперации Г. Грайса и его концепцию прагматической имплицатуры [Grice 1975], а также теорию релевантности [Sperber, Wilson 1986]. Еще одной важной в этой области работой является классическое исследование когезии в английском языке М. Халлидея и Р. Хасан: изучение категории связности текста, реализующейся при помощи связующих языковых средств, как зависимости каждого предложения от его окружения [Halliday, Hasan 1976: 26].

Исследуя функционирование ДС, мы также опираемся на работы англо-американского направления, представленные трудами Д. Шиффрин [Schiffrin 1994, 1997, 2001, 2015], Б. Фрейзера [Fraser 1990, 1996, 1999, 2009], Д. Блэкмор [Blakemore 2002, 2009], К. Хайланда [Hyland 2005], Я. Машлер [Maschler 2009, 2015, 2016] и др.

Многообразие подходов к изучению ДС влечет за собой и большое количество терминов, служащих для их обозначения. В западной традиции используются такие понятия, как “discourse markers” (‘дискурсивные маркеры’) [Blakemore 2002, 2006; Jucker 1998; Maschler 2009, 2016; Lenk 1998a; Lenk 1998b; Schiffrin 1997, 2001, 1994; Kroon 1998]; “pragmatic markers” (‘прагматические маркеры’) [Schiffrin 1987; Fraser 1996, 2006]; “discourse particles” (‘дискурсивные частицы’) [Schourup 1999; Abraham 1991; Kroon 1995; Fischer 2006]; “pragmatic connectives” (‘прагматические коннекторы’) [van Dijk 1979]; “cue phrases”

(‘сигнальные фразы’) [Knott, Sanders 1998]; “discourse operators” (‘дискурсивные операторы’) [Redeker 1990, 1991]; “sentence connectives” (‘коннекторы предложений’) [Halliday, Hassan 1976] и др.

Среди исследований отечественного направления также отмечается многообразие терминов. В.В. Виноградов использовал понятия «модальные слова» и «частицы речи» [Виноградов 1986], последнее из которых также употребляется в фундаментальном труде И.Б. Левонтиной [Левонтина 2023]. Опираясь на подход англо-американского направления, термином «дискурсивные маркеры» оперируют А.А. Кибрик и В.И. Подлесская [Кибрик, Подлесская 2007]. Также в российской традиции распространены понятия «частицы» [Циммерлинг 2009], «партикулы» [Николаева 2008], «модальные частицы» [Шведова 1980; Аверина 2016; Добровольский, Левонтина 2015], «дискурсивные слова» [Баранов, Плуныян, Рахилина 1993; Анна А. Зализняк 2001, 2006; Кобозева 2007; Карасик 2016; Падучева 2008], «дискурсивы» [Викторова 2014; 2015], «маркеры дискурса» [Егорова 2009], «модальные операторы» [Радбиль 2011], «прагматемы» [Богданова-Бегларян 2014], «дискурсивные единицы» [Баранов, Добровольский 2020]; выделяется отдельный класс ДС, употребляемых в качестве реактивной репликовой единицы, — «коммуникативы» [Шаронов 2015; 2016; 2018].

Следуя отечественной традиции и опираясь на комплексный подход Анны А. Зализняк и Е.В. Падучевой [Зализняк, Падучева 2018; 2019; 2020], мы ориентируемся на функционально-семантическую вариативность этих языковых единиц, которая обусловлена зависимостью от контекста их употребления, и понимаем контекст как на микроуровне (отдельный текст), так и на макроуровне (весь дискурс).

Эмпирическим материалом, на котором проводится анализ функционирования ДС, часто служат художественные тексты (однако при этом не учитывается их особая природа как художественных высказываний), а также записи устной речи, зафиксированные в языковых корпусах (авторских и национальных) [Aijmer 2002; Кибрик, Подлесская 2009а; 2009б; Богданова-

Бегларян 2014; Колмогорова 2015; Шмелев 2005; Dobrovol'skij 2015; Шаронов 2015; Шилихина 2015; Апресян, Шмелев 2017].

Мы обращаемся к материалу современной поэзии с целью не только изучить «аномальное» функционирование ДС, но и выявить специфику прагматики поэтического дискурса, которая проявляется в употреблении прагматических маркеров. Под «аномальным» функционированием мы понимаем отклонения, возникающие в результате нарушений в области лексики, грамматики и синтаксиса в пределах языковой системы, а также за счет прагматических и логико-семантических сдвигов и в отдельных случаях — формального эксперимента (специфическое употребление графических знаков, эрративное написание слов и т.д.). Описывая черты категории абсурдности (или аномальности) в языке как отклонения от нормы, А.Э. Левицкий среди различных форм ее проявления выделяет окказионализмы, как такие инновации, которые «создаются для удовлетворения потребностей коммуникации, но не входят к определенному историческому моменту в систему языка. Подобные единицы характеризуются абсурдностью по отношению к системе языка — ненормативностью, нерегулярностью употребления, непривычностью и новизной в процессе восприятия, экспрессивностью и контекстуальной зависимостью» [Левицкий 2020: 123]. основополагающие труды в этой области принадлежат Ю.Д. Апресяну, Н.Д. Арутюновой, Т.В. Булыгиной, А.Э. Левицкому, Т.Б. Радбилю, Б.А. Успенскому и др. [Апресян 1990; Арутюнова 1987; Булыгина, Шмелев 1997; Успенский 2007; Радбиль 2012].

Важной для анализа поэтического дискурса является теория языковых функций Р.О. Якобсона, в рамках которой был разработан подход к изучению грамматической формы субъекта, включающей коммуникативные и прагматические отношения [Якобсон 1975 (1960)]. Также для нашей работы имеет значение недавнее открытие в архивах Э. Бенвениста неизвестных до этого работ ученого по исследованию ПД и поэтической модальности, реализуемой посредством уникальной лексической сочетаемости и аномальных

синтаксических связей¹⁰. Среди других подходов к изучению ПД необходимо назвать работу немецкого лингвиста и семиотика Р. Познера, акцентировавшего особый режим «поэтического использования языка», при котором «элементы знакового материала <...> несут функцию средств передачи информации» [Познер 2015: 164]. Также мы основываемся на лингвистических исследованиях, посвященных отдельным аспектам коммуникативно-прагматической природы ПД [Сидорова 2000; Ковтунова 2006; Северская 2013 и др.].

Опираясь на дискурсивно-коммуникативный подход к исследованию поэзии, мы изучаем автореферентность ПД, под которой понимаем «направленность (*Einstellung*) на *сообщение* как таковое» [Якобсон 1975: 202–203], исследование собственного плана выражения, а также рефлексию прагмасемантических возможностей и процессов производства конкретного поэтического высказывания.

В настоящем исследовании мы рассматриваем специфику поэтического использования ДС на фоне их конвенционального функционирования в других типах дискурса. Мы оперируем понятием «обыденный язык» (далее — ОЯ), понимая под ним конвенциональное употребление языка, или языковую норму (в узком, сложившемся в лингвистике смысле), «как результат кодификации, совокупность предписаний, касающихся употребления языковых единиц» [Крысин 2017: 23].

На современном этапе в лингвистике для обозначения нормативного использования языка существуют разные термины: «обыденный», «повседневный» и «естественный» язык. «Естественный язык», как правило, противопоставляется компьютерному или другим формальным языкам [Кибрик 1998; Воронина 2008 и др.], что не соответствует проблематике нашего исследования. Хотя «повседневный» понимается как язык повседневного общения [Бархударов 1975; Серио 2008], мы оперируем термином «обыденный язык», ориентируясь на философию обыденного языка Л. Витгенштейна (*ordinary*

¹⁰ Подробнее о неопубликованных ранее архивных работах Э. Бенвениста см.: [Laplantine 2008; Фещенко 2018a].

language — ‘обыденный язык’) и работы по лингвистической прагматике [Wittgenstein 1953; Knobe 2003; Adams, Steadman 2004], а также наследуя отечественной лингвистической традиции [Арутюнова, Падучева 1985; Падучева 2005; Демьянков 2007, 2013 и др.].

Термины «речевая конвенция», «конвенциональный речевой акт» (и производные: «конвенциональное речевое взаимодействие», «конвенциональная коммуникация»), которые мы используем в работе, восходят к классическим трудам по прагматике, которые изучают коммуникацию с точки зрения выполнения условий успешности [Остин 1986; Серль 1986], соответствия принципам кооперации [Grice 1975] и релевантности [Sperber, Wilson 1986]. Субъект выражает речевую интенцию в наиболее ясной адресату формулировке, используя соответствующую коммуникативной ситуации дискурсивную стратегию¹¹ и соблюдая принятые в языковом сообществе принципы, относящие к семантике и синтактике. В случае устной коммуникации говорящий привлекает невербальные сигналы (жесты, тон и т.д.), которые усиливают вербальное сообщение. Адресат в свою очередь декодирует сообщение, стремясь интерпретировать его с наименьшим искажением.

Хотя и в конвенциональной коммуникации могут использоваться средства отклонения от речевой конвенции (неснятая полисемия, неологизмы, аграмматизмы и т.д.), их употребление обычно связано с достижением специальных эффектов (юмористического, манипулятивного и др.) в разговорной речи (см. подробнее в [Золотова и др. 2004]) или в разных типах дискурса (рекламного, политического и др.) (см. подробнее в [Иссерс 2008]). Однако в отмеченных выше случаях отклонения от конвенции преследуют утилитарные цели, в основе которых лежат апеллятивная или экспрессивная функции, и не являются специальными языковыми приемами, ориентированными на

¹¹ «Речевая коммуникация — это стратегический процесс, базисом для него является выбор оптимальных языковых ресурсов» [Иссерс 2008: 10]. «Коммуникативная стратегия — это оптимальная реализация намерений говорящего для достижения определенной цели общения» [Левицкий 2019: 18].

актуализацию эстетических свойств языка, в основе которых лежит поэтическая функция, как в поэтическом дискурсе (см. подробнее в [Радбиль 2012; Северская 2013; Фатеева 2017 и др.]).

Разграничивая ПД и ОЯ, мы также опираемся на теорию Э. Бенвениста, который использует понятия «поэтический дискурс» и «обыденный дискурс», тем самым делая акцент на специфике их коммуникативной и референциальной функций. Согласно Э. Бенвенисту, обыденный дискурс устанавливает контакт между двумя участниками коммуникации и реферирует к внешнему миру, тогда как ПД отсылает к собственной форме и конструирует собственный смысл (цит. по: [Фещенко 2018а: 229]). Ключевые структурно-семантические особенности «поэтического» и «обыденного языка» выделяет Л.В. Зубова: поэзия характеризуется «ориентацией не только на коммуникативную, но и на эстетическую функцию языка, особой эмоцией формы, смысловой многоплановостью поэтического слова, тенденцией к преодолению автоматизма в порождении и восприятии языковых знаков, ориентацией на нелинейное восприятие поэтического текста, тенденцией к преобразованию формального в содержательное, тенденцией к деформации языковых знаков в связи с особой позицией языка поэзии по отношению к норме литературного языка» [Зубова 2017: 5].

Говоря о внутренних параметрах ПД, относящихся ко временным, пространственным, а также логико-семантическим координатам, мы оперируем термином «поэтический мир», опираясь на работы Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1976], Е.В. Падучевой [Падучева 1984], О.Г. Ревзиной [Ревзина 1999]¹², теорию возможных миров в поэзии С.Т. Золяна [Золян 2014] и на исследования В.З. Демьянкова, посвященные категориям возможности и вероятности в языке [Демьянков 2020, 2021а, 2021б, 2022]. В рамках обсуждения внетекстовых

¹² «Поэтический мир — это та языковая действительность, с которой соотносится поэтический текст. [...] Поэтический мир — сложное понятие; в него включается “картина мира”, т.е. “совокупность объектов, событий, ситуаций, положения вещей” [Падучева 1984: 291] и видение мира (“мышление о мире” [Арутюнова 1976: 378], т.е. то представление о его структуре, которое выдвигается поэтом» [Ревзина 1999].

обстоятельств мы оперируем понятием «внешняя / внетекстовая действительность». Отмечая коммуникативную специфику ПД, мы используем понятие поэтической коммуникации вслед за И.И. Ковтуновой [Ковтунова 1986а], О.И. Северской [Северская 2020] и др.¹³ Указывая на параметры поэтической и конвенциональной коммуникации, не выраженные эксплицитно в самом акте сообщения, но связанные с ним, мы используем термин «ситуация», или «конситуация» [Кафкова 1979].

Для описания модификаций нормативного функционирования ДС, аномальной реализации их прагмасемантического потенциала и других отклонений от конвенционального употребления этих единиц в ПД мы оперируем понятием «сдвига»¹⁴.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что современные лингвистические исследования все чаще обращаются к анализу дискурсивных слов в разговорной речи и в разных типах дискурса (политическом, юридическом, военном, художественном и др.). Однако, несмотря на неослабевающее внимание к дискурсивным словам, функционирование их в поэзии в целом и в новейшей поэзии в частности до сих пор не становилось предметом специального изучения. Кроме того, актуальность исследования связана с появлением большого количества научных работ, посвященных особенностям поэтического языка и дискурса, а также вопросам языкового эксперимента и языковых аномалий.

Объектом исследования является поэтический дискурс в его прагматическом измерении.

Предметом исследования являются дискурсивные слова, используемые в поэтических русско- и англоязычных текстах 1990–2010-х годов, которые определяют специфику прагматического измерения поэтического дискурса.

¹³ Подробнее об этом см. в главе 1.

¹⁴ Мы используем это понятие по аналогии с теорией дейктического сдвига, которая была обоснована в коллективной монографии 1995 г. “Deixis in narrative: a cognitive science perspective” [Duchan, Bruder, Hewitt 1995].

Цель диссертационного исследования состоит в изучении особенностей функционирования дискурсивных слов посредством анализа их употребления в новейшей поэзии. Достижение поставленной цели требует решения следующих **задач**:

1. Проанализировать подходы отечественных и зарубежных ученых к исследованию дискурсивных слов (или дискурсивных маркеров).

2. Рассмотреть ключевые понятия, относящиеся к концепциям поэтического дискурса, поэтической коммуникации и поэтической прагматики.

3. Сформировать авторский корпус, включающий два подкорпуса текстов новейшей русско- и англоязычной поэзии.

4. Выделить функционально-семантические группы дискурсивных слов на основании специфики их использования в новейшей поэзии.

5. Провести пошаговый анализ дискурсивных слов в поэтическом дискурсе.

6. Систематизировать особенности аномального функционирования дискурсивных слов в новейшей поэзии на фоне их употребления в обыденном языке.

7. Выявить основные характеристики поэтического дискурса, включая стратегии субъективации, автокоммуникации и автоадресации.

8. Изучить общие тенденции и специфические черты употребления дискурсивных слов в новейшей русско- и англоязычной поэзии.

9. Провести анализ корпусных данных и сформировать статистические выводы об употреблении дискурсивных слов в поэзии.

Новизна исследования обусловлена меньшей изученностью поэтической прагматики по сравнению с поэтической семантикой и синтактикой; связана с исследованием функционирования дискурсивных слов в условиях прагматического эксперимента, осуществляемого в поэтическом дискурсе. Кроме того, новым является:

- уточнение понятия поэтического дискурса;
- выделение и описание коммуникативных характеристик новейшей поэзии;

- исследование особенностей поэтической прагматики на фоне прагматики обыденного языка;
- выделение трех функционально-семантических групп дискурсивных слов;
- количественный корпусный анализ дискурсивных слов в поэзии в сопоставлении с данными НКРЯ и СОСА;
- качественный анализ 34 русско- и англоязычных дискурсивных слов в новейшей поэзии;
- сопоставление специфики функционирования дискурсивных слов в русско- и англоязычной поэзии.

Теоретической базой стали фундаментальные положения в области антропоцентрического подхода и изучения эгоцентрических единиц; принципы лингвопоэтики, лингвопрагматики и теории дискурса; функционально-семантический и лексикографический анализ дискурсивных слов; изучение коммуникативных стратегий; принципы компонентного анализа; качественные и количественные корпусные исследования.

Гипотеза предпринятого исследования заключается в том, что в силу своей полифункциональности, семантической «диффузности» и подвижности синтаксической позиции ДС выступают в новейшей поэзии в роли регуляторов намеренного нарушения структурно-семантической связности текста и коммуникативных конвенций. Частотное употребление ДС в новейшей поэзии обусловлено не меньшей значимостью поэтической прагматики, чем семантики и синтактики.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Взаимодействие поэтического дискурса с обыденным языком выражается с помощью метаязыковой рефлексии прагматических единиц и моделирования поэтической коммуникативной ситуации, направленной на преодоление дистантной письменной коммуникации.

2. Разновидности аномального функционирования дискурсивных слов в новейшей поэзии соотносятся с тремя функционально-семантическими группами: а) метатекстовыми ДС, участвующими в нарушении когезии и

когерентности; б) контекстуальными ДС, служащими для указания на поэтическую коммуникативную ситуацию; в) интерперсональными ДС, реализующими двойную направленность высказывания на внешних участников поэтической коммуникации и на самого поэтического субъекта.

3. В новейшей поэзии меняется роль метаязыковой функции, которая традиционно лежит в основе употребления дискурсивных слов, указывающих на сам процесс использования языка. Метаязыковая функция, во-первых, обуславливает взаимодействие поэтического дискурса с научным, а во-вторых, формирует контекстуальный эксперимент со значением прагматических единиц и с процессами грамматикализации и десемантизации с целью дестереотипизации языковых клише и деавтоматизации восприятия адресата.

4. Специфика функционирования ДС в новейшей поэзии проявляется за счет отклонения от нормативной семантической и синтаксической сочетаемости, а также модификации логико-семантических отношений, включающих нарушение линейности смыслообразования, контекстуальную ресемантизацию, формирование окказиональных валентностей и синтаксических ролей, участие в модификации диалогической структуры.

Материалом для данного исследования послужили современные русско- и англоязычные поэтические тексты (1990–2010-х гг.), отобранные на основании следующих критериев:

1. Хронологический критерий: для анализа были отобраны поэтические русскоязычные и англоязычные тексты, написанные в 1990–2010-е годы. В некоторых случаях мы отходили от заданной хронологической рамки и включали тексты более раннего периода, что связано с высокой степенью релевантности этого материала для данного исследования.

2. Критерий отбора по профессиональному признаку: в корпус включены поэтические тексты профессиональных поэтов, опубликованные в «толстых» журналах; авторские сборники, выпущенные в признанных издательствах; тексты, опубликованные на электронных профессиональных поэтических площадках, и др.

3. Отбор по типу системы стихосложения: преимущественно тексты, написанные в форме свободного стиха, что соответствует современным тенденциям в стихосложении.

4. Функциональный критерий: неприкладная поэзия (не рекламная, не юмористическая).

Мы проанализировали 1209 текстов англоязычной и 1612 текстов русскоязычной поэзии, в том числе стихотворения следующих авторов: Д. Давыдова, А. Драгомощенко, Н. Денисовой, Х. Закирова, Г.-Д. Зингер, С. Львовского, Г. Рымбу, Н. Сафонова, А. Скидана, Е. Соколовой, С. Тимофеева, Е. Фанайловой, М.-М. Berssenbrugge, Ch. Bernstein, A. Carson, R. DuPlessis, E. Ostashevsky, M. Palmer, S. Roggenbuck, R. Silliman, L. Hejinian, R. Waldrop, B. Watten и др.

Исходя из заявленных критериев отбора, в авторский корпус преимущественно вошли те поэтические тексты, в которых проявлена установка на языковой эксперимент и метаязыковую рефлексию¹⁵. В ходе выявления специфики функционирования дискурсивных слов в новейшей поэзии на фоне обыденного языка мы отбирали примеры конвенционального использования этих единиц из национальных языковых корпусов: НКРЯ и СОСА¹⁶.

Методы исследования включают лингвистическую поэтику, лингвистическую прагматику, дискурсивный, лексикографический и корпусный анализ, а также компьютерную обработку данных при помощи программы *AntiConc*.

¹⁵ Данные из поэтического подкорпуса НКРЯ не привлекались, так как он сформирован по другим критериям (преимущественно силлабо-тоническая поэзия), что связано с его двусторонней направленностью: «Этот корпус должен был обеспечивать как потребности исследователей *русского языка*, так и потребности исследователей *русской поэзии*, в том числе стиховедов, заинтересованных в изучении формальных особенностей русского стиха — метрики, ритмики, каталектики, рифмы, строфики и т.п.» [Гришина, Корчагин, Плунгян, Сичинава 2009]. Учитывая, что современная англоязычная, в частности, американская, поэзия написана преимущественно в форме свободного стиха, при отборе материала русскоязычной поэзии мы руководствовались критерием подобия по типу стихосложения.

¹⁶ Обращение к СОСА обусловлено составом англоязычного подкорпуса, сформированного по большей части из текстов американских поэтов, принадлежащих направлению «языкового письма», наиболее обширного по количеству представителей, продолжительного по периоду существования, влиятельного в американской культуре и потому наиболее репрезентативного для нашей работы (о «языковом письме» см. подробнее в [Фещенко, Пробштейн 2022]).

Методологической базой работы послужили труды по анализу дискурса (Н.Д. Арутюнова, Т. ван Дейк, В.З. Демьянков, А.А. Кибрик, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова и др.), в том числе в области дискурсивных слов (или маркеров) (К. Аймер, А.Н. Баранов, Д. Блэкмор, Е.Ю. Викторова, И.Б. Левонтина, И.А. Шаронов, Б. Фрейзер, А.В. Циммерлинг, Д. Шиффрин и др.), по лингвистической прагматике (А. Джакер, Дж. Остин, Е.В. Падучева, Дж. Серль, Т.Е. Янко и др.), лексической и грамматической семантике (Ю.Д. Апресян, В.В. Виноградов, Д.О. Добровольский, Анна А. Зализняк, И.М. Кобозева, М.Л. Ковшова, Г.И. Кустова, Дж. Лайонс, А.Э. Левицкий, Й. Мейбауэр, И. Новек, В.А. Плунгян, Э. Трауготт, Б. Хейне, М. Штейнбах и др.), лингвопоэтике и лингвопрагматике ПД (В.П. Григорьев, Л.В. Зубова, И.И. Ковтунова, Р. Познер, Т.Б. Радбиль, О.Г. Ревзина, О.И. Северская, О.В. Соколова, Н.А. Фатеева, В.В. Фещенко, А.Н. Черняков, М.И. Шапир, Р.О. Якобсон и др.); лингвокреативности (И.В. Зыкова, О.К. Ирисханова, Р. Лэнекер и др.).

Теоретическая значимость работы состоит в развитии прагматического подхода к анализу поэтического дискурса как ориентированного на языковой эксперимент. Теоретически значимой является разработка комплексного метода исследования дискурсивных слов и описание специфики их функционирования в новейшей русскоязычной и англоязычной поэзии.

Предложенный в работе пошаговый анализ дискурсивных слов в поэзии на фоне их функционирования в обыденном языке открывает **перспективы** для дальнейшего изучения специфики их употребления в разных типах дискурса. Расширение материала исследования и проведение сопоставительного анализа функционирования дискурсивных слов в новейшей поэзии и в поэзии предшествующих периодов даст возможность выявить специфику функционирования этих единиц в диахроническом срезе.

Практическая значимость заключается в возможности использования результатов исследования для составления спецкурсов по лингвопоэтике, лингвопрагматике, теории дискурса, коммуникативной лингвистике, а также в практике преподавания иностранных языков.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования обсуждались на следующих 16 научных конференциях: XLVIII Международная филологическая научная конференция (СПбГУ, 2019); Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2019» (МГУ, 2019); «Дискурс и язык в эпоху “больших данных”: лингвокреативные пределы и возможности» (ИЯз РАН, 2019); «“Вакасия поэта” в русской и зарубежной литературе рубежа XX–XXI веков» (Воронеж, 2019); Международная конференция «Третьи Григорьевские чтения “Текст — Идиолект — Идиостиль”» (ИРЯ РАН, 2020); Восьмая конференция-школа «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (ИЯз РАН, 2021); Международная конференция «Язык, культура, творчество в трансдисциплинарном измерении: традиции и инновации (приурочена к 90-летию со дня рождения В.Н. Телия и 100-летию Белорусского государственного университета)» (Белорусский государственный университет, 2021); «Дискурс и язык в эпоху “больших данных”: лингвокреативные пределы и возможности» (ИЯз РАН, 2021); Круглый стол «Методы когнитивной лингвистики: Гордость или предубеждение?» (МГЛУ, 2021); Международная конференция «IV Григорьевские чтения» (ИРЯ РАН, 2022); 50-я Международная научная филологическая конференция имени Л. А. Вербицкой (СПбГУ, 2022); 13-я Международная лингвистическая конференция «Основные направления лингвистической и лингводидактической мысли в XXI веке (лингвистика, методика, перевод)» (Рязанский государственный университет, 2022); «Интерфейсы современного поэтического дискурса» (ИЯз РАН, 2022); Международная конференция «Четырнадцатые Шмелевские чтения “Русская разговорная речь начала XXI века”» (ИРЯ РАН, 2023); «Между поэтическим и повседневным: дискурс — медиа — коммуникация» (ИЯз РАН, 2023); «Дискурс и язык в эпоху “больших данных”: лингвокреативные пределы и возможности» (ИЯз РАН, 2023).

По теме диссертации опубликовано и подготовлено к публикации 14 работ, из них 5 статей в ведущих рецензируемых российских журналах (список ВАК по научной специальности 5.9.8), 1 из которых — в соавторстве; 4 статьи — в

журналах, входящих в WoS и Scopus, 1 из которых — в соавторстве; 1 глава в коллективной монографии — в соавторстве; 2 статьи в научных сборниках и иных периодических изданиях, 1 из которых — в соавторстве; 1 статья в материалах научных мероприятий; 1 статья в соавторстве, опубликованная в других изданиях по вопросам профессиональной деятельности.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ: ДИСКУРСИВНЫЕ СЛОВА И ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

1.1. Разнородность класса дискурсивных слов. Структурно-семантические и прагматические особенности

Класс ДС пополняется за счет единиц, изменивших свой статус в результате процессов транспозиции, грамматикализации и прагматикализации: наречий, модальных слов, частиц, междометий и фразеологических сочетаний, которые обретают прагматические функции. К.Л. Киселева и Д. Пайар неоднородность данных единиц «по своей категориальной принадлежности и функциям»: среди них есть частицы, наречия, вводные и модальные слова и словосочетания и др.; их объем и границы варьируются от одного языка к другому, а та или иная парадигма исследования влияет не только на выбор соответствующего термина, но и на сам инструмент описания [Киселева, Пайар 1998: 7].

Значимость изучения процессов грамматикализации и прагматикализации не только в диахронии, но и в синхронии обусловлена категориально-семантическими процессами и модификациями в современном употреблении, чему посвящены исследования Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, В.А. Плуногьяна, Н.Н. Болдырева, Анны А. Зализняк, Б. Хейне, Э. Трауготт и П. Дж. Хоппер [Апресян 1995; Майсак 2000; Левицкий 2001; Плуногьян 2001; Heine 2003; Норрег, Traugott 2003; Зализняк 2013, 2018] и др. В рамках теории семантических переходов Анны А. Зализняк результатом грамматикализации является переход неграмматической единицы в грамматическую или обретение единицей большего количества грамматических свойств, входящих в универсальный грамматический набор [Зализняк, 2013]¹⁷. Прагматикализация, в свою очередь, рассматривается

¹⁷ Особенности формирования группы дискурсивных единиц рассматривала Р.И. Бабаева («Незнаменательная лексика в немецком обиходном дискурсе (прагматический аспект)» [Бабаева 2008]). В английском языке грамматикализация рассматривалась в работах Н.Б. Гвишиани, Т.А. Клепиковой, И.Ю. Колесова и др. [Гвишиани 1979; Клепикова 1999; Колесов 1994]. Классификация семантических источников частиц в аспекте компаративного подхода предложена Э. Кёнигом в 1991 г. [König 1991].

как «грамматикализация дискурсивных функций» [Зализняк 2018: 1], которая реализуется в результате эволюции ДС, возникших из знаменательных слов, грамматических форм и конструкций [Там же]. Роль ДС и их многочисленные функции выводятся из конкретных примеров употребления, которые классифицируются, но возрастающее число новых функций в новых контекстах приводит к осложнению фиксации ДС как ограниченного однородного грамматического класса. «Диффузность» и «дивергентность» ДС являются результатом их полисемичности и полифункциональности. По замечанию Д.Н. Шмелева, диффузность — это «совместимость отдельных лексических значений, когда их разграничение не осуществляется (и не представляется необходимым)» [Шмелев 1990: 328]. Е.Ю. Викторова определяет диффузность как особую характеристику слова или предложения, проявляющуюся в недифференцированности, недискретности его значений [Викторова 2014: 27]. Мы говорим о дивергентности ДС в связи с их зависимостью от контекста употребления, в результате чего одно и то же ДС может приобретать многообразные функционально-семантические значения.

Принадлежность слова к классу ДС определяется главным образом на основании синтаксических и прагматических характеристик и критериев. Проблема особого синтаксического статуса дискурсивных слов в различных языках рассматривается в работах [Schiffrin 1987; Abraham 1991; Сиротинина 2008; Циммерлинг 2009, 2021; Maschler, Bracha 2014]. В работе «Дискурсивные слова русского языка опыт контекстно-семантического описания» К.Л. Киселева и Д. Пайар выделяют функциональные свойства ДС, такие как отсутствующий денотат, способность обеспечивать связь между фрагментами дискурса, зависимость ДС от контекста¹⁸. Кроме того, исследователи отмечают, что ДС могут использоваться как полнозначные слова в т.н. недискурсивных употреблениях, а также указывают на субъективный фактор, влияющий на выделение значений ДС [Киселева, Пайар 1998].

¹⁸ Так, для описания ДС анализируются обширные контексты.

В современных исследованиях ДС подчеркивается их регулятивная функция. Так, в определении А.А. Кибрика и В.И. Подлесской эти единицы определяются как «незнаменательные слова или словосочетания, регулирующие дискурсивный процесс между говорящим и адресатом» [Кибрик, Подлесская 2009а: 146]. Е.Ю. Викторова выделяет два основных типа ДС (дискурсивы-регулятивы и дискурсивы-организаторы), где в качестве наиболее многочисленной представлена группа регулятивов. Дискурсивы-регулятивы «...реализуют в дискурсе авторское, индивидуальное начало, отвечают за связь между говорящим и слушающим (автором и читателем), выражают субъективные мнения, оценки, авторские комментарии и отношения» [Викторова 2014: 15]. Дискурсивы-организаторы выполняют текстовую функцию и выражают дискурсивную информацию [Там же]. Однако мы находим эту классификацию не вполне применимой к ПД, так как она не учитывает группы ДС, реферирующих к коммуникативной ситуации (времени и пространству) высказывания.

Г. Андерсен [Andersen 1998: 147] также подчеркивает способность ДС обеспечивать когерентность в тексте, и, кроме того, предоставлять слушающему инструкции по обработке пропозиции или иллокутивной силы и регулировать межличностные отношения. Э. Трауготт [Traugott 1995: 6] указывает на «метатекстовую работу», которую выполняют ДС, позволяя говорящему выражать свою оценку при помощи указания на не содержание сказанного, а структуру. К. Фишер [Fischer 2006] характеризует ДС с помощью широкого ряда функций, среди которых: индикация дискурсивных отношений, структурирование дискурса, регулирование коммуникации, проявление вежливости.

Теоретически значимо предложенное И.А. Шароновым разграничение ДС на дискурсивы и коммуникативы на основании функционально-семантического критерия. Согласно его формулировке, «коммуникативы — это особые употребления слов, фразем и коротких предложений в позиции ответных реплик диалога для стереотипного выражения оценки, мнения и эмоции как реакции на высказывание собеседника» [Шаронов 2016: 608], в то время как дискурсивы

понимаются им в качестве модификаторов высказывания. Исследователь подчеркивает, что семантика единицы в дискурсивной и в репликовой функции принципиально различается: «дискурсивные компоненты значения свойства ее «выветриваются», интенциональные значения меняются» [Там же]. Так, например, ДС *возможно* в репликовой функции выражает неуверенное или уклончивое согласие, а в дискурсивной — маркирует сообщение говорящего в качестве предположения (неуверенного мнения) (см. п. 3.1.). Для нашего исследования это разграничение имеет особое значение, что обусловлено частотной в новейшей поэзии стратегией диалогизации, в рамках которой мы анализируем некоторые случаи употребления ДС в функции коммуникативов.

В ПД дискурсивные слова несут иллокутивную нагрузку (выражают коммуникативное намерение), направленную на формирование прагматической позиции говорящего, который выступает в роли не только субъекта, но и адресата высказывания (автокоммуникация). В своем исследовании мы ориентируемся на формулировку функций ДС в ПД и способов их реализации О.В. Соколовой: «ДС в современной поэзии являются частью процедур, направленных на самоидентификацию автора и преодоление стандартной коммуникации с помощью 1) нарушения когезии и когерентности; 2) редукции индексов мены коммуникативных ролей; 3) деавтоматизации восприятия сообщения адресатом; 4) использования окказиональных элементов, разрушающих иерархию семантически и коммуникативно значимых компонентов и т.д.» [Соколова 2019: 241].

Далее мы рассмотрим детальнее основополагающие подходы и центральные понятия, обладающие теоретической значимостью для настоящей работы.

1.2. Основные теоретические подходы к изучению дискурсивных слов

1.2.1. Компонентный анализ

В рамках контекстно-семантического подхода к описанию ДС, представленного в работах **К.Л. Киселевой** и **Д. Пайара** [Дискурсивные слова

1998, Киселева, Пайар 2003; Пайар 1995; Киселева 1996] на основании теории языка А. Кюльоли («лингвистика высказывания» (фр.: ‘linguistique énonciative, d’énonciation’) подробно рассматривается семантическая вариативность ДС и предлагается аналитический метод. Авторы отмечают принципиально важное свойство ДС — их связь с функционированием дискурса, именно поэтому изучать их можно только через непосредственное употребление. Так, в основе подхода лежит концепция варьирования плана содержания слова под влиянием контекстуального фактора. В исследовании выделяются внешний и внутренний типы варьирования семантики ДС.

В рамках «внутреннего варьирования» в фокус выдвигается определенный семантический компонент ДС и выявляются соотношения компонентов плана содержания слова, тогда как «внешнее варьирование» предполагает изменение семантики ДС («деформации») в результате воздействия контекста. Еще один выделяемый тип варьирования связан со способом взаимодействия ДС с высказыванием либо его частью. Эта идея семантического варьирования важна для настоящего исследования, в частности при рассмотрении ДС в аспекте их способности к контекстуальной ресемантизации (см. п. 3.2.).

При обсуждении различных «конфигураций», с помощью которых дискурсивная семантика наделяет определенными свойствами фрагмент, маркированный конкретным ДС, исследователи оперируют понятием «сферы действия». К. Бонно и С.В. Кодзасов, также ставящие перед собой задачу выявления механизмов «семантического варьирования» ДС, и того, как эти процессы отражаются на их размещении в предложении и интонировании, уделяют особое внимание сфере действия ДС [Бонно, Кодзасов 1998]¹⁹.

¹⁹ Это понятие, как отмечают исследователи, возникло в рамках генеративной модели, а затем область его применения была расширена за счет добавления к рассмотрению нелексических дискурсивных средств (ср. с «фразовыми акцентами» [Кодзасов 1996]). Сферой действия ДС может выступать концептуальный план высказывания. Концептуальные планы, входящие в сферу действия ДС, могут быть различными: план пропозиции (диктум/модус), план номинации, план иллюции, эпистемический план и др. К вербальным сферам действия дискурсивных слов К. Бонно и С.В. Кодзасов относят коммуникативные и синтаксические составляющие.

Авторы «Путеводителя» отмечают проблему описания ДС, которая обусловлена сильной связью этих единиц с контекстом [Путеводитель 1993]. В этом труде предпринимается попытка предоставить детальную фиксацию контекстного поведения этих лексем, для чего предлагается ряд учитывающих их специфику понятий. Одно из центральных понятий — «операция» — описывает образ слова, сохраняющийся во всех контекстах (общее значение). Так, в силу контекстуально зависимого характера ДС, эти единицы рассматриваются как комплекс модификаций основной операции над планом содержания высказывания. В своем анализе мы также используем термин «операция» при попытке обозначить общее, наиболее краткое описание функции ДС.

«Деформация» или «модификации» видоизменяют или дополняют основную операцию, в то время как факторы, определяющие появление тех или иных модификаций и особенности контекстуального поведения слов перечисляются в разделе «семантических эффектов» [Там же].

1.2.2. Дискурсивно-прагматический подход

В рамках данного параграфа мы рассмотрим основополагающие для анализа ДС концепции **Д. Шиффрин, Б. Фрейзера и Я. Машлер**.

Д. Шиффрин представляет качественный и количественный анализ использования дискурсивных маркеров (ДМ) на материале авторского корпуса социолингвистических интервью и предлагает теоретический инструментарий для интерпретации ДМ. Она определяет ДМ как лингвистические, паралингвистические или невербальные элементы, которые сигнализируют об отношениях между единицами речи на уровне «локальной» и «глобальной» когерентности [Schiffrin 1987: 322–325].

На микроуровне (выражающем связь двух следующих друг за другом высказываний) и на уровне «глобальной» когерентности (связи несмежных, не следующих друг за другом реплик) ДМ, согласно **Д. Шиффрин**, обладают свойствами синтаксической изолированности, рядом различных просодических контуров, способностью функционировать на различных планах и уровнях [Там

же]. Некоторые ее тезисы подверглись обсуждению, как, например, выдвинутое ею положение о частотности «инициальной позиции» во фразе не было поддержано другими лингвистами. Так, Б. Фрейзер подчеркнул, что ДМ (в его терминологии — «прагматические маркеры») могут употребляться как в середине, так и в конце высказывания [Fraser 1996]. Помимо этого, обсуждению подвергся минималистский подход Д. Шиффрин к семантическому значению ДМ, на котором основана идея о выводимости полного функционального набора того или иного маркера, а также его грамматических характеристик из анализируемых речевых интеракций [Redeker 1991]. И хотя Д. Шиффрин прямо указывает на то, что употребление некоторых маркеров (*y'know* и *I mean*) тесно связано с их буквальным значением (лексическим значением компонентов), в целом вопрос о том, способствует ли значение ДМ их функции и каким именно образом, остается открытым. Анализ единиц (*and, because, but, I mean, now, oh, or, so, then, well, you know*) проводится на пяти «уровнях речи» ('planes of talk'): 1) «идеационная структура» ('ideational structure') 2) «структура действий» (речевые акты) ('action structure'); 3) «структура обмена» ('exchange structure'); 4) «структура участия» ('participation framework'); 5) «информационное состояние» ('information state').

Д. Шиффрин разделяет лингвистические и нелингвистические структуры. «Идеационная структура» отличается от структур «действия» и «обмена» тем, что состоит из языковых единиц (с собственным смысловым содержанием), тогда как две другие структуры хотя и реализуются посредством использования языка, не являются языковыми сами по себе. «Структура участия» (*oh, so, well, now, I mean, y'know*) относится ко всем внутри- и межиндивидуальным различиям, которые охватывают понятия «говорящий» и «слушающий». Этот аспект определяется различными способами, которыми говорящий и слушающий могут выразить свое отношение друг к другу или к собственному сообщению²⁰. Лингвистическое

²⁰ Согласно Д. Шиффрин, выражение говорящим отношения к собственному высказыванию в свою очередь влияет на отношения между самими участниками коммуникациями. Именно этот тезис позволил нам отнести ДС субъективной модальности к группе контекстуальных ДС, так как они выражают отношения говорящего с высказыванием или миром высказывания, что в ПД выводится на первый план (в силу его автокоммуникативности и автореферентности), но в то же

выражение «структуры обмена» — это последовательно определенные единицы, включающие в себя условно релевантные части пар смежности, такие как вопросы и ответы. «Структура действия» рассматривается Д. Шиффрин с точки зрения взаимоотношений речевых актов, то есть их (линейной) последовательности и взаимообусловленности. Последним компонентом модели связности дискурса является «информационное состояние», основанное на общем когнитивном фоне участников коммуникации. Д. Шиффрин подчеркивает, что каждый конкретный ДМ, в первую очередь относясь к одному конкретному плану, вместе с тем является полифункциональной и дивергентной единицей.

В проводимом исследовании мы учитываем понятие глобальной когерентности сообщения, ограниченного текстом и обусловленного концептуально-стилистическим направлением или особенностями авторского идиостиля. На уровне локальной когерентности мы указываем на ее аномальность, достигаемую посредством логических и грамматических нарушений. Мы выделяем способность некоторых ДС (метатекстовых) выступать в качестве «дисконнекторов» (термин О.В. Соколовой [Соколова 2019: 240]), когда они нарушают когезию текста, подчеркивая его нелинейную структуру. Так, мы развиваем положение Д. Шиффрин о полифункциональности и многоплановости ДМ, выделяя их способность к функциональным модификациям, в ПД — вплоть до функции, противоположной по отношению к ковенциональному употреблению.

В своей основополагающей для исследования ДС работе “Pragmatic Markers” **Б. Фрейзер** указывает, что, с одной стороны, в высказывании содержится пропозиция, «отображающая состояние мира, на которое говорящий хочет обратить внимание адресата» (согласно Дж. Серлю, за эту часть отвечает индикатор пропозиции [Серль 1986]), с другой — «все остальное»: маркеры оценки, настроения, структурные единицы и др. Основная идея работы Б. Фрейзера заключается в установлении различия между пропозициональным,

время не отменяет влияние этих отношений на регулирование интерперсонального взаимодействия. При этом подчеркнем, что в фокусе нашего исследования находятся другие ДС.

содержательным и прагматическим значениями [Fraser 1996]. Непропозициональная (прагматическая) часть значения высказывания выражается прагматическими маркерами, соответствующими различным типам потенциальных прямых сообщений, которые передает речевой акт. Согласно Б. Фрейзеру, прагматические маркеры представляют собой лингвистически закодированные элементы, сигнализирующие о коммуникативных намерениях говорящего.

Сообщения и маркирующие их единицы делятся на четыре типа: «базовые», «комментирующие», «параллельные» и «дискурсивные маркеры». Базовые маркеры имеют «репрезентативное значение, что означает, что они вносят концептуальную информацию в дополнение к пропозициональному значению» [Там же], то есть об иллокутивной силе маркируемых ими сообщений²¹. Базовые прагматические маркеры подразделяются на несколько типов: структурные (декларативная, императивная и интеррогативная структуры); лексические (перформативные выражения и прагматические идиомы); гибридные базовые прагматические маркеры. Укажем на некоторые из них, включающие единицы, рассмотренные в настоящей работе.

Структурные прагматические маркеры проявлены на уровне синтаксиса, интонации/графического оформления, лексические перформативные выражения представлены перформативными глаголами. Прагматическими идиомами Б. Фрейзер называет единицы, имеющие закрепленное функциональное значение в рамках интерперсональной коммуникации (*thank you, hello, please, oh, ah, aha* и т.д.). Комментирующие маркеры содержат как собственный репрезентативный смысл, так и процедурное значение, сигнализирующее о том, что сообщение функционирует в качестве комментария к основному сообщению или его части (*frankly, bluntly, metaphorically speaking, certainly, conceivably, indeed* и др.). Параллельные маркеры обладают самостоятельным коммуникативным смыслом,

²¹ Так, высказывание «Я сожалею, что он еще не ушел» является сообщением сожаления, с базовым прагматическим маркером *(мне) жаль*, а «Признаюсь, я был принят» — сообщением признания с маркером *признаюсь* [Там же].

добавочным к основному высказыванию сообщением — это вокативные маркеры (обращения), маркеры привлечения внимания (*here, listen, well*) и др.

Последний тип прагматических маркеров — дискурсивные маркеры (ДМ), сигнализирующие об отношении сообщения к предшествующему дискурсу. Согласно Б. Фрейзеру, ДМ вносят вклад не в репрезентативное значение предложения, а только в процессуальное: они предоставляют адресату «инструкции» о том, как в отношении окружающего контекста следует интерпретировать высказывание, к которому присоединяется ДМ²². ДМ подразделены на несколько групп: «маркеры смены темы» ('topic change markers') (*speaking of, incidentally*); «контрастивные» ('contrastive markers') (*however; instead*); «поясняющие» ('elaborative markers') (*in other words, what is more*); «маркеры вывода» ('inferential markers') (*after all, so*).

Классификация Б. Фрейзера представляется нам наиболее полной и подробной, но при этом, заимствуя некоторые положения этого особенно значимого для нашей области исследования, мы выстраиваем свою собственную классификацию, в большей степени соответствующую специфике ПД.

В своей концепции **Я. Машлер** исходит из позиций функциональной интерактивной лингвистики (M. Selting, E. Couper-Kuhlen), для которой, как и в рамках подхода Д. Шиффрин, отправным пунктом служит дискурс в его конкретных примерах употребления [Maschler 2009]. Термин Я. Машлер 'metalinguaging' ('метаязыковая деятельность') основан на концепции метакоммуникации ('metacommunication' (G. Bateson) и различии между языком ('language') и языковой деятельностью ('linguaging' (B.J. Becker)). Последнее различие восходит к концепции Ф. де Соссюра, впервые предложившего трехчастную концепцию языка (состоящего из языка, речи и речевой деятельности), тем самым разграничив язык как систему лингвистических отношений, продукт социального существования и речь как индивидуальный акт [Соссюр 1999].

²² Таким образом, для Б. Фрейзера ДМ является гипонимом для более широкого класса — прагматических маркеров.

Для Я. Машлер речь в аспекте употребления ДМ — это сообщение о процессе использования самого языка: дискурсивным маркером считается высказывание, которое имеет метаязыковую интерпретацию в окружающем контексте. Такое высказывание отсылает не к экстралингвистической сфере, а к самому тексту, «интерперсональным отношениям между его участниками (или между говорящим и текстом) и/или к их когнитивным процессам» [Maschler, Schiffrin 2015: 194]. Таким образом, ДМ позволяют говорить о меж- и внутрдискурсивном взаимодействии, а не о внеязыковом мире. Как мы покажем в ходе анализа, в новейшей поэзии метаязыковая функция приобретает особенную интенсивность, что, в том числе, связано с активным взаимодействием разных типов дискурсов в связи с реализацией в интернет-пространстве, когда дискурсивные стратегии выводятся в фокус благодаря контрасту, возникающему на их границе. В современной лингвистике вопросу интердискурсивности отводится значительное место, так, например, междискурсивное взаимодействие рассматривается в художественной литературе [Олизько 2007; Коблова 2017], а также в кинодискурсе [Зыкова 2021] и др.

Я. Машлер рассматривает текст как взаимодействие ограничений, которые обеспечивает его контекст. Метаязыковые высказывания ограничены различными контекстуальными сферами: лингвистической структурой, межличностными отношениями, предшествующим текстом, референцией, медиумом и невербальным смыслом. Функция передачи информации об организации дискурса позволяет обозначить обсуждаемые единицы как ДМ. Я. Машлер отмечает, что для конкретного маркера ограничения одной области выражены более интенсивно, чем другие.

Кратко рассмотрим предложенную Я. Машлер классификацию, разработанную на билингвальном материале английского языка и иврита. В группу единиц, относящихся к референтной сфере, входят маркеры двух видов: временные и пространственные дейктики (*now, here*), которые выполняют функцию, аналогичную их дейктической референции во внетекстовой реальности. Это группу ДМ, указывающих на характеристики коммуникативной

ситуации, мы учитываем при формировании собственной классификации (контекстуальные ДС). Второй тип маркеров референтной сферы указывает на отношения между двумя или более вербальными действиями (например, «причина-следствие», «контраст», «отступление»). Медиальные маркеры указывают на изменение когнитивного фона говорящего. К этой группе отнесены маркеры хезитации (*uh*), междометия (*a*, *oh*) и другие единицы, часто встречающиеся на границе речевых актов. В группу интерперсональных маркеров входят единицы, выражающие подтверждение и возражение, глаголы восприятия, а также различные единицы, выполняющие апеллятивную функцию и, кроме того, служащие показателями дистанции между участниками коммуникации. Структурная сфера отвечает за соединение или разъединение компонентов высказывания, организацию порядка речевой деятельности. В эту группу входят такие единицы как *and*, *also*, *by the way*, *first of all*. Как и Д. Шиффрин [Schiffirin 1987: 329], Я. Машлер отмечает возможность функционирования определенного маркера более чем в одной сфере.

1.2.3. Когнитивно-прагматический подход

В рамках данного параграфа мы рассмотрим значимые для анализа ДС концепции **П. Грайса**, **Д. Спербера** и **Д. Уилсон**, а также **Д. Блэкмор**.

В основе концепции **Д. Блэкмор**, представленной в работе “Relevance and linguistic meaning. The semantics and pragmatics of discourse markers” [Blakemore 2002], лежат положения теории релевантности, предложенной **Д. Спербером** и **Д. Уилсон** [Sperber, Wilson 1986]. Теория релевантности нацелена на объяснение механизмов кодирования и декодирования имплицитной информации, содержащейся в высказывании в дополнение к той, что передается непосредственно — при помощи вербального выражения. Из релевантного высказывания, согласно Д. Сперберу и Д. Уилсон, можно произвести некоторое количество выводов, приложив при этом соответствующее количество усилий для интерпретации: степень релевантности влияет на процент затраченных усилий, минимизируя или максимизируя их.

Контекст в понимании сторонников теории релевантности меняется в зависимости от хода коммуникации и соотносится с понятием когнитивной среды, обусловленной различными эпистемическими и перцептивными координатами коммуникантов. Закономерным образом, в своем исследовании Д. Блэкмор также обращается к понятию импликатуры **П. Грайса**, сыгравшему важную роль в дискуссиях о прагматическом значении, не соотносимом с истиной. П. Грайс выделяет два вида импликатуры: конвенциональную и коммуникативную, последняя из которых определяется отклонениями от соблюдения коммуникативного кодекса, в состав которого входит принцип кооперации [Grice 1975]. Этот принцип представлен П. Грайсом как единство четырех максим: количества информации, качества, релевантности и ясности. Д. Блэкмор в большей степени апеллирует к конвенциональной импликатуре, которая позволяет выводить смысл благодаря кооперации участников общения и наличию общего контекста. Она проводит различие между семантическим значением, которое является результатом процессов концептуального декодирования, и прагматическим, которое выражает итог процессов вывода. Это различие, на которое исследовательница указала в своей предыдущей книге [Blakemore 1987], стало известно как различие между концептуальным и процедурным кодированием.

Д. Блэкмор подчеркивает значимость ДМ как способов импликации информации, относящейся к процедурному кодированию, и как организаторов процесса интерпретации. Она подчеркивает, что ДМ кодируют информацию о контекстах, в которых уместны содержащиеся их высказывания, а не информацию об их пропозициональном содержании. Нам близок тезис Д. Блэкмор о том, что невозможно исследовать прагматический потенциал сообщения в отрыве от его семантического содержания. Поэтому в главе, посвященной анализу ДС, мы, выделяя функционально-семантические группы, обращаемся к лексико-графическим описаниям единиц, а также с особым вниманием подходим к вопросам семантики: полисемии, паронимии, семантической сочетаемости и т.д.

Итак, согласно Д. Блэкмор, процесс первого типа осуществляется языковой

системой — грамматикой, — которая предназначена для отображения отношений между лингвистическим стимулом (высказыванием в коммуникативно-прагматическом аспекте) и семантикой этого высказывания. Другой тип процесса — процесс вывода — интегрирует результат декодирования конкретного высказывания с контекстуальной информацией, чтобы сформулировать предположение об информативном намерении говорящего. В своем исследовании мы учитываем оба процесса: в ПД особое внимание уделяется плану выражения, за счет аномального характера которого (в грамматическом и семантическом аспектах) реализуются различные прагматические сдвиги, на макроуровне нацеленные на метаязыковое осмысление. При этом локальный контекст высказывания позволяет интерпретировать конкретные интенции поэтического субъекта.

1.2.4. Современные направления исследования дискурсивных слов

В современной лингвистике активно развивается направление изучения ДС в устном общении. Можно отметить большое количество работ, в которых исследуется функционирование ДС в спонтанной диалогической речи и выделяются различные классификации этих единиц [Кибрик, Подлеская 2009а; Кобозева, Иванова, Захаров 2019; Малов, Горбова 2007; Федорова 2014; Fraser 1999; 2017; Schiffrin 1987; Jucker, Ziv 1998; Lenk 1998a; Lenk 1998b; Louwerse, Mitchell 2003 и др.]. Материал разговорной речи связан с непосредственной (*face-to-face*) коммуникативной ситуацией, в рамках исследования которой невозможно пренебречь экстралингвистическими параметрами. Так, немало исследований посвящено жестовым сопровождениям ДС [Ирисханова, Прокофьева 2017; Кобозева, Захаров 2007; Малов, Горбова 2007 и др.].

В отношении просодического аспекта ДС в устной речи укажем, что в лингвистике уже давно проводятся исследования, посвященные данной проблеме ([Николаева 1985; Баранов, Кобозева 1988; Кодзасов 1996; Бонно, Кодзасов 1998; Янко 2001]) и послужившие основой для более поздних подходов к

просодическому оформлению ДС.²³ Среди более современных работ можно назвать «Синтаксис и просодия самоисправлений говорящего по данным корпуса с дискурсивной разметкой» [Подлеская 2009]; «Дискурсивные и просодические особенности слова «ну» в устной речи» [Потемкина, Рачева 2020]; работы И.М. Кобозевой и Л.М. Захарова [2007, 2012]; “Prosodic constraints for discourse markers” [Raso 2014]; “The interaction of discourse markers and prosody in rhetorical questions in German” [Dehe, Wichner, Einfeldt 2022]; “Lexicalized prosody and the polysemy of discourse markers” [Levontina 2016] и др.

Особенно ценен для лингвистики вклад в изучение устного дискурса, сделанный А.А. Кибриком и В.И. Подлеской в монографии «Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса», посвященной лингвистическому анализу корпуса устных рассказов детей и подростков о своих сновидениях. В монографии рассматриваются просодическое и семантико-синтаксическое членение речевого потока, паузация, тональные акценты, темповые различия, иллокутивная и фазовая структура, полипредикативность, речевые сбои и затруднения и др. Значимым для настоящей работы является раздел, посвященный элементарным дискурсивным единицам, выполняющим регуляторную функцию (организация и регулирование дискурсивного потока), а также лексическим маркерам речевых сбоев и затруднений, сигнализирующим «об эмоциональной реакции говорящего на неожиданно возникшие трудности вербализации или обнаруженную в своей речи ошибку, нуждающуюся в исправлении» [Кибрик, Подлеская 2009а: 184]. К таким маркерам исследователи относят междометия *ой*, *фу* и другие единицы междометного характера. К маркерам поиска относится единица *ну*, *сейчас*, *значит*. Кроме того, исследователи выделяют маркеры препаративной подстановки — местоименные единицы *это*, *это самое*, *как его* и т.д.

²³ Ударный и безударный варианты произнесения ДС различаются в соответствии со значением этих единиц (см. [Кодзасов 1996]). Поэтому Э. Г. Шимчук и М. Щур ввели в словарную статью ДС специальную помету об ударности / безударности лексемы в целом или отдельных ее лексико-семантических вариантов [Шимчук, Щур 1999].

Устная коммуникация часто представлена в диалогическом формате, с которым связано определенное функциональное разнообразие ДС, используемых не только в иницирующих репликах, но и в реактивных. Мы уже отмечали ранее важные для нашей работы подходы к изучению особых дискурсивных единиц — коммуникативов [Киприянов 1983; Шаронов 1996; 2009; Колокольцева 2001; Казачихина 2008 и др.], лексически совпадающих с ДС, но несущих отличную от ДС иллокутивную нагрузку. Характеризующие ДС признаки, как и набор значений, резко контрастируют с функциональным «лаконизмом» коммуникативов [Шаронов 2016]. Так, И.А. Шаронов указывает на описание единицы *именно*, представленное в «Путеводителе», в котором предлагается 13 контекстных употреблений сценариев употребления ДС и только один — для коммуникатива.

Помимо контекстов непосредственной коммуникации ДС исследуются в различных типах дискурса: в дискурсе военно-морского дела [Массалина, Новодранова 2009]; дискурсе криминалистической экспертизы [Борисова 2011]; рекламном дискурсе [Соколова 2014]; дискурсе молодежной онлайн-коммуникации [Мишиева 2015]; дискурсе прозы [Добровольский, Левонтина 2017] и др. Отметим также современные сопоставительные исследования ДС в разных языках [Инькова-Манзотти 2014; Furko, Abuczki 2015; Bonola 2010] и др.

1.3. Поэтический дискурс: ключевые понятия

В своем подходе к определению ПД мы исходим из существующих разработок в области теории дискурса и привлекаем исследования, сфокусированные на более узко очерченной специфике ПД.

Мы опираемся на определение дискурса, данное В.З. Демьянковым через понятие текста и связанным с ним контекст, обусловленный не только говорящим, но и воспринимающим. В его формулировке, дискурс — это «произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения» и определяемый «не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который “строится” по ходу

развертывания дискурса» [Демьянков 1995]. В более поздней работе В.З. Демьянкова представлен историографический подход к анализу термина «дискурс» и выявление его междисциплинарной природы, а также разграничиваются понятия дискурса и текста [Демьянков 2007]. Текст определяется как «вербальная составляющая коммуникации», состоящая из языковых элементов, которые обладают смыслом, интерпретируемый читателями. Вместе с тем, «за текстом» можно проследить «протекание дискурса», мыслимое как процесс, в ходе которого как «устраняется референтная неоднозначность», так и «определяется коммуникативная цель каждого предложения» [Там же]²⁴.

В контексте изучения ПД особенно значимо выведение на первый план роли интерпретатора — наравне с тем, кто создает дискурс. Художественному дискурсу в целом свойственна поливариантность понимания, что в большей степени можно отнести к ПД, для которого характерна амбивалентность не прямых смыслов, неконкретность формулировок и т.д. Так, смысл не задается автором, по мысли Р. Барта, но его вариативные проявления реализуются в процессе восприятия «восстановленного в правах» читателя [Барт 1994]. Классификацию неоднозначности в ПД приводит Н.В. Перцов, соотнося каждый тип неоднозначности с порождающими ее языковыми единицами. Он выделяет лексическую, синтаксическую, морфологическую, граммемную и анафорическую неоднозначность [Перцов 2015: 56].

В силу того, что мы обращаемся к коммуникативно-прагматическому аспекту поэтических текстов и наш анализ посвящен исследованию ДС, мы оперируем термином «дискурс», а не «текст». Также этот выбор обусловлен вниманием к различным уровням дискурса (макро- и микро-) и к контексту коммуникативной ситуации — конситуации. При этом мы соглашаемся с

²⁴ Таким образом, к тексту и дискурсу применяются различные интерпретационные операции. В ходе интерпретации дискурса реконструируется «мысленный мир», обладающий дейктическими координатами и рядом специфических свойств. В своем исследовании мы используем понятие дискурса в качестве гиперонима, включающего и текстовую составляющую плана выражения с его семантикой, но различные импликации плана содержания.

положением Е.С. Кубряковой, согласно которому однозначно категорическое разграничение текста и дискурса не представляется возможным [Кубрякова 2001]. С лингвокогнитивной точки зрения их связывают не только социально опосредованные условия и коммуникативная направленность, но и причинно-следственные отношения. Е.С. Кубрякова отмечает, что текст создается в дискурсе: если в случае изучения текста можно пренебречь культурологическими и социально-историческими данными и анализировать его как завершенное языковое произведение, то в случае с дискурсом необходимо привлечение экстралингвистических параметров²⁵.

В своем классическом определении дискурса Н.Д. Арутюнова определяет его как «связный текст», обусловленный «экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами», а также как речь – целенаправленное социальное действие, предпринимаемое в процессе человеческих интеракций и когнитивных процессов. «Дискурс — это речь, “погруженная в жизнь”» [Арутюнова 1990]. Таким образом, изучение дискурса подразумевает учет всех условий и факторов его реализации. Согласно Е.С. Кубряковой, в ходе анализа дискурса его семантическое пространство рассматривается «как связанное тысячью нитей с условиями его создания, целями и задачами данного текста в связке с аналогичными для него текстами и т.п.» [Кубрякова 2001].

Другой значимый для нашего исследования подход к изучению дискурса разработан Т. ван Дейком, который на рубеже 1970–1980-х гг. сформулировал следующее определение: «Дискурс — это коммуникативное событие, представляющее собой сложное единство языковой формы, значения и действия» [van Dijk 1989: 121–122]. Ван Дейк подчеркивает, что такое коммуникативное событие может быть устным и письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие, и приводит примеры разговора с другом, диалога между врачом и

²⁵ То же можно отнести и к понятиям контекста и конситуации: они действуют совместно, не исключая друг друга, а наоборот, дополняя друг друга. При этом роль невербального компонента может быть решающей для семантизации определенного высказывания.

пациентом, чтения газеты. Заметим, что в наше время существует особый формат дискурса непосредственной коммуникации в социальных сетях, для обозначения которого используются термины «неконтролируемая письменная речь» [Кронгауз 2009], «“устно-письменная” система коммуникации» [Лутовинова 2008] и др. Это явление активно осмысляется в ПД, отражающем тенденции письменной речи, на что мы укажем в ходе анализа во второй и третьей главах.

Ван Дейк выделяет уровни макро- и микроструктуры дискурса, объясняя эти понятия на примере прагматики литературы. Он указывает на то, что литературная функция текста может быть выявлена на макроуровне, то есть тогда, когда текст исследуется целиком. При этом на микроуровне отдельных фрагментов текста могут осуществляться различные речевые акты такие как утверждение, просьба, вопрос и т.д. «Если мы возьмем произвольное предложение из романа или стихотворения, это предложение может быть правдой по факту, функционировать как утверждение, и поэтому ничего в самом предложении не укажет на его «литературную» функцию. Следовательно, прагматический статус дискурса должен в конечном счете быть определен на глобальном уровне» [ван Дейк 1989]. В своем исследовании мы рассматриваем микро- и макроуровни поэтического дискурса в совокупности.

1.3.1. Коммуникативно-прагматические особенности поэтического дискурса

В первую очередь обозначим концепцию функций языка Р.О. Jakobson, среди которых он выделяет коммуникативную (референтивную), аппеллятивную, экспрессивную, фатическую, метаязыковую и поэтическую функции [Jakobson 1975]. Поэтическую функцию Р.О. Jakobson определяет как «направленность (‘Einstellung’) на сообщение, сосредоточение внимания на сообщении ради него самого» [Там же: 202]. Подчеркнем, что, согласно Р.О. Jakobsonу, в рамках ПД реализуется не только поэтическая функция, хотя она и является центральной. Как он пишет, «эта функция, усиливая осязаемость знаков, углубляет фундаментальную дихотомию между знаками и предметами» [Там же].

Концепция Р.О. Якобсона подверглась обсуждению в работах В.В. Виноградова и Ю.М. Лотмана. Ученые трактовали идею об автореферентности сообщения как заявление о замкнутости текста на плане выражения и формулировали свое понимание поэтической функции, подчеркивая, что в ее основе лежит именно коммуникация. Поэтическая функция, согласно В.В. Виноградову, подчинена не только эстетическим, но и социально-историческим закономерностям искусства [Виноградов 1963: 155]. Подробно рассматривающий эту полемику в своей статье С.Т. Золян возражает В.В. Виноградову, отмечая, что Р.О. Якобсон в работе «Новейшая русская поэзия» предлагает определение поэзии в качестве высказывания «с установкой на выражение [...] Поэзия есть язык в его эстетической функции» [Якобсон 1921: 11]. Таким образом, Р.О. Якобсон не исключает коммуникативную функцию поэтического языка, и так же, как и В.В. Виноградов, оперируя понятием «высказывание», выделяет коммуникативную направленность как основание для «эстетической надстройки» [Золян 2009].

Другое важное положение концепции Р.О. Якобсона касается проекции принципа эквивалентности с оси селекции на ось комбинации. Это означает, что эквивалентность выступает конституирующим принципом в последовательности компонентов поэтического высказывания. Кроме того, выше мы упоминали недавние открытия, сделанные в архивах Э. Бенвениста, в результате которых были опубликованы до этого неизвестные работы ученого по исследованию ПД. В.В. Фещенко отмечает, что в своем поэтологическом труде Бенвенист рассматривает поэзию как отдельный тип дискурса, обладающий определенной спецификой. В формулировке Э. Бенвениста ПД представлен как функционирование поэтического языка (цит. по [Фещенко 2018a]).

1.3.2. Поэтическая коммуникация

Несмотря на выбор прагматического подхода и терминологии, применимых в ходе анализа коммуникативной составляющей художественного текста, важно отметить, что прямой перенос параметров описания речевого акта на ПД требует учета существующих между ними различий. Для начала укажем на

основополагающее понятие режима интерпретации, включающее разграничение на речевой (диалогический) и нарративный режим [Падучева 2010, 2011; Апресян 1986]. В статье Е.В. Падучевой и Анны А. Зализняк противопоставляются первичные и вторичные эгоцентрики: вторичные допускают проекцию (когда роль говорящего выполняет какой-либо другой субъект), тогда как первичные эгоцентрики проекции не допускают [Падучева, Зализняк 2018]. В рамках ПД проявлена вторичная эгоцентричность.

Что касается темпорально-пространственной специфики, то в отличие от непосредственной коммуникации, в которой локутивный акт темпорально неразрывен с осуществлением иллокутивного акта (процессуально они совпадают во времени), художественная коммуникация характеризуется дистанцией между адресантом и адресатом в координатах времени и пространства. При этом в ПД часто происходит имитация спонтанности порождения текста, производящая эффект синхронности произведения высказывания и его восприятия [Арутюнова 1981]. Этот эффект достигается за счет того, что фоновые для разговорного языка компоненты семантики эгоцентрических элементов в поэзии становятся основными: например, маркеры присутствия поэтического субъекта.

Говоря о реализации функции сообщения в ПД, необходимо провести различие между адресатом речевого акта и адресатом поэтического высказывания. Во-первых, при восприятии поэтического текста читатель не является участником коммуникации в реальном времени, и поэтому реакция на речевой акт не обязательна, а оценка коммуникативного смысла не должна быть незамедлительной²⁶. Во-вторых, согласно Н.Д. Арутюновой, читатель не может воспринять интенции автора непосредственно на свой счет, и в силу этого автор не обязан соблюдать принцип прагматической релевантности [Арутюнова 1981: 362]. Кроме того, в отличие от диалоговых ситуаций в поэтической коммуникации

²⁶ Отметим, что в случае современных поэтических текстов, публикуемых в социальных сетях, возможна мгновенная интеракция с читателем, благодаря чему темпорально-пространственная дистантность поэтической коммуникации приобретает иной (по сравнению с печатным на бумаге текстом) характер.

восприятие «вынуждается» не этикетными и правовыми нормами, а этическими представлениями, эстетическими установками и индивидуально-психологическими особенностями адресата.

В отечественной традиции к пионерским исследованиям в области поэтической прагматики относится статья И.И. Ковтуновой «Поэтическая речь как форма коммуникации», где рассматривается коммуникативная структура поэтической речи [Ковтунова 1986а: 3]. Она отмечает, что в ПД языковые элементы, апеллирующие к условиям коммуникации, в частности, интерперсональные единицы, относятся к сфере внутренней речи, отображающей диалог субъекта с собой, персонажем или с максимально неопределенным и широким собеседником — мирозданием. Так, ПД сближается с внутренней речью, перенимающей, в свою очередь, стратегии внешней коммуникации.

Среди исследователей, чей вклад в изучение поэтической прагматики значим для данного исследования, необходимо назвать М.И. Шапира, который формулирует понятие прагматики определенного литературного направления / течения («прагматика авангарда», «прагматика постмодернизма») [Шапир 1995]. Феномен поэтической коммуникации подробно рассматривает лингвист и семиотик Р. Познер. В своей работе он охватывает синтаксический, семантический и прагматический аспекты языковых и неязыковых знаковых процессов, а также исследует отдельные способы интерпретации поэтических текстов. Р. Познер выделяет особый режим «поэтического использования языка», при котором элементы высказывания содержат, помимо основного сообщения, дополнительную информацию, передающуюся посредством «предварительно не кодированных свойств знакового материала» (как, например, звукоподражание или темп повествования) [Познер 2015: 164]. Опираясь термином «поэтическая коммуникация» и исходя из положений русских формалистов и пражских структуралистов, Р. Познер выделяет ряд конституирующих ее условий и установок. Он отмечает деавтоматизацию отношения реципиента «обществу и реальности», что осуществляется за счет косвенной тематизации кодов (что означает использование необязательных или вторичных знаковых формирований,

образующих эстетический код произведения и открывающих доступ к скрытым фрагментам действительности) [Там же: 168].

Таким образом, согласно Р. Познеру, поэтическая коммуникация не столько нацелена на взаимодействие по модели «отправитель–получатель», сколько открывает новые возможности для взаимодействия реципиента с реальностью. Это соотносится с идеей С.Т. Золяна, исходящего из положений прагмасемантики, о том, что «поэзия выступает как языковой (а в ряде случаев — и метаязыковой) механизм, позволяющий перечислить все допустимые альтернативы мира и тем самым описать мир» [Золян 2014: 113]²⁷. Поэтические миры, по мысли С.Т. Золяна, выступают не только как онтологическая область, но и как способ ее языкового конструирования. При этом современные поэтики выводят в фокус средства описания или «создания миров в качестве поэтических объектов» [Там же: 113]. По мнению А.Э. Левицкого, именно эта возможность конструирования «гипотетических объектов» при помощи языковых средств, позволяет участникам коммуникативной ситуации выйти «за пределы [их] актуального опыта» [Левицкий 2018: 16], что, во-первых, эксплицирует субъективное отражение действительности, а во-вторых, деавтоматизирует восприятие адресата и модифицирует коммуникативно-когнитивные стратегии. Художественный вымысел также обсуждается в соотношении с возможными мирами в работе В.З. Демьянкова [Демьянков 2021б]. В исследовании осмысляются условия конструирования такого возможного мира, соответствующего вымыслу: он должен обладать мотивирующими деталями, придающими логическую «связность», непротиворечивой последовательностью повествования, а также динамикой, достигаемой посредством фокусировки на описании [Там же: 11]. При этом «поэтический мир» существенно отличается от мира художественного вымысла в нарративных произведениях и задается «отклонениями» от правил, а не их соблюдением: это выражено в логико-семантических нарушениях, неопределенности, противоречивости и других параметрах, обсуждаемых в

²⁷ Примечательно, что Ю.С. Степанов предложил определять «дискурс» как «возможный альтернативный мир» [Степанов 1995: 45].

данной работе. Таким образом мир поэтического произведения соотносим с «логически невозможными» возможными мирами [Хинтиikka 1980: 232] и противопоставлен понятию вероятности, близкому по значению к правдоподобности [Демьянков 2020]. Рассуждая о вымышленных мирах, смоделированных в сказочных нарративах, Т.Н. Никульшина и А.Э. Левицкий отмечают, что сказочный денотат является когнитивно преобразованным объектом реального (материального мира) и при этом не столько важен сам это денотат, сколько его «волшебные свойства», так как именно они отображают желаемое в той или иной лингвокультуре [Левицкий Никульшина 2023: 14]. Добавим, что в поэтическом мире такими «желаемыми свойствами» выступают сами отклонения от норм и правил ОЯ (то есть язык как преобразованный объект), нацеленные на метаязыковую рефлексию.

В отечественной традиции среди значимых подходов к изучению поэтической коммуникации необходимо назвать подход О.И. Северской, которая разрабатывает классификацию коммуникативно-дискурсивных стратегий ПД, отмечая, что основной коммуникативной стратегией ПД принято считать самопрезентацию, в рамках которой транслируется образ и оптика поэта, и вместе с тем обеспечивается читательская эмпатия посредством реализации стратегии сближения [Северская 2015]. Следующая стратегия — стратегия установления перспективы, которая позволяет читателю распознать, принять и спроектировать на свое знание о мире точки зрения и перспективы (чувственные, пространственно-временные и др.) поэтического мира. Подробнее О.И. Северская рассматривает такую стратегию как актуализация, представляющую собой интерпретационную практику и заключающуюся в соотнесении слов и выражений с реальными представлениями говорящего и действительностью — с внешним миром и «возможным миром» поэтического текста [Северская 2020]. Актуализация воплощается в тактиках непосредственного введения в ситуацию (звукосмысловые жесты, прямое указание на референт, фрейминг, использование дейктических единиц). Стратегия театрализации подразумевает под собой

«речевой театр» семантических транспозиций или описание ситуации как «происходящей на глазах» у читателя [Северская 2020].

Стратегию диалогизации, особо значимую для нашего исследования, О.И. Северская формулирует, исходя из разработок И.И. Ковтуновой, исследовавшей поэтическую коммуникацию в аспекте синтаксиса. Выделяя средства диалогизации поэтического текста, И.И. Ковтунова указывает на основные: обращение, второе лицо, повелительное наклонение и вопрос [Ковтунова 1986: 61].

Последнюю стратегию О.И. Северская обозначает как «инсайд-аут» («выворачивание наизнанку»), определяя ее в качестве преобразующей внеязыковую действительность в возможный мир в режиме реального времени [Северская 2020].

1.3.3. Адресация

Проблема адресации, активно исследуемая в прагматике и коммуникативной лингвистике [Якобсон 1975; Арутюнова 1981; Ковтунова 2006; Демьянков 2012] и др., становится все более актуальной при анализе художественного дискурса и ПД [Северская 2010; Фатеева 2003; Азарова 2012; Зубова 2010; Соколова 2015]. Подход к поэтическому произведению как к особому типу коммуникации мотивировал рассмотрение «фактора адресата» [Арутюнова 1981] в художественном дискурсе.

М. М. Бахтин ставил диалогические отношения в центр человеческого существования (проявленного в речевой практике) («Быть — значит общаться диалогически» [Бахтин 1979: 294]), указывая на то, что высказывание подразумевает интерактивность в самой его конструкции. Это свойство особым образом проявлено в поэтическом высказывании, в котором не только подчеркивается установка языка на диалогичность, но и раскрывается множественный характер адресации.

В обсуждаемой выше работе Р.О. Якобсон указывает на неоднозначность поэтической референции, чему соответствует «расщепленность адресанта и

адресата». Тезис о расщепленности адресанта раскрывает С.Т. Золян, который, обращаясь к проблеме «я» поэтического текста, отмечает его субъектное раздвоение: «я» в тексте («семантика “я” сводится к системе внутриязыковых противопоставлений представленных в тексте единиц») и «я» текста («семантика “я” возникает в момент актуализации текста и в этом смысле является внешней по отношению к тексту»). При этом «расщепленность адресата»²⁸ также требует внимательного рассмотрения [Золян 2014: 199]. Эксплицитно адресация реализуется с помощью *tu*-центрических²⁹ языковых средств, указывающих на субъектов (как с конкретным, так и с обобщенно-личным значением), таких как глаголы в форме повелительного наклонения второго лица единственного и множественного числа и местоимения второго лица единственного или множественного числа. Имплицитно поэтическая адресация осуществляется посредством целевого «шифрования» текста, в результате чего читатель «приглашается» к коммуникации без прямого к нему обращения (согласно концепции «лексикода» Эко [Эко 2006]). Таким шифрованием в поэтическом тексте может выступать специальная лексика, понятная определенной группе людей. Также отметим, что поэтическое высказывание может быть направлено на любого потенциального субъекта, приобретающего уникальный опыт интерпретации поэтического текста. Такого адресата может отличать спонтанный характер (например, в современных условиях реализации поэтического дискурса в социальных сетях).

На наш взгляд, в ПД присущая языку «диалогичность» тесно связана с автоадресацией в том смысле, что поэтическое высказывание помещено между двумя режимами речи: внешней и внутренней. Такое пограничное положение предполагает взаимообусловленность этих коммуникативных векторов, когда внутренняя речь обращена к самому субъекту высказывания, а ее внешне-

²⁸ На расслоение «я» также указал Ю.С. Степанов «Я» как подлежащее предложения, «я» как субъект речи, Я как внутреннее Эго, которое контролирует самого субъекта» [Степанов 1985: 218].

²⁹ «*Tu*-центрическими» называются слова и конструкции, «семантика которых включает отсылку к адресату речи [Падучева 2019].

разговорный режим — к «Другому». Н.А. Фатеева отмечает, что отношения, которые устанавливаются функцией автокоммуникации, «суть адресатные отношения к миру и языку одновременно», организующие диалогическое взаимодействие субъекта с объектами и адресатами его мира в языковой функции [Фатеева 2003: 47]³⁰.

Автоадресация может осуществляться эксплицитно с помощью местоимений первого лица (личных и притяжательных), возвратного местоимения, глаголов в форме первого лица и императива: *я пишу себе письма в будущее: / «Не живи дальше. Живи здесь. Скоро время взорвет наши тела»* (Г. Рымбу); *но говорю себе: «наша речь похожа на карманный фонарик» [...] но говорю себе: «смотри, их последнее августовское тепло дыхания принимай как ответ [...]»* (О. Брагина). Другой способ автоадресации осуществляется при помощи конструирования другого по отношению к адресату, воображаемого субъекта поэтического мира, которому приписывается высказывание, обращенное к реальному поэтическому субъекту: *только манит меня заминированный / перелесок на том берегу / [...] виделось мне, / что там по открытой площадке / ходит добрый собачник[...] / что ты тупишь, кричит через реку, / проезд ведь уже оплачен* (Е. Соколова).

Укажем на такое частотное в ПД явление, как *автокоммуникативный конфликт*, под которым мы понимаем автокоммуникативную стратегию³¹, включающую в себя столкновение противоположных оценок и мнений, что достигается при помощи частотных маркеров несогласия (*But this is a false tart, the trap door insecurely latched, a tear in the velvet / curtain. Yet the tear was but a drop*

³⁰ Рассуждая об *автокоммуникации*, Р. Якобсон приводит соображение Ч. Пирса в отношении внутренних диалогов человека с самим собой, происходящих таким образом, «как если бы это был кто-то другой» [Якобсон 1985]. Посредством этого воображаемого Другого, по мысли Якобсона, речевое взаимодействие «захватывает и временные аспекты языковой коммуникации, связывая воедино прошлое, настоящее и будущее одного человека».

³¹ Формулируя этот термин, мы опираемся на концепцию автокоммуникации Ю.М. Лотмана [Лотман 2000], а также, вслед за Т. Е. Янко, подразумеваем под коммуникативной стратегией совокупность коммуникативных намерений, распределения квантов информации по коммуникативным составляющим, и выбор порядка следования коммуникативных составляющих [Янко 2001: 38].

of glycerin sliding down her cheek. Nonetheless skin is not porcelain, however it spots (R. Silliman)), антонимических конструкций (*Нет, хотя и да. Да, но и нет, потому что не может быть* (А. Драгомощенко)), либо посредством имплицитного противопоставления (*в тесной квартире [...] / в военной городке, где, убирая кровать, / скатывают матрас — потому что клопы. / Но здесь, в общем, даже уютно* (С. Львовский)). В результате актокоммуникативного конфликта демонстрируется невозможность однозначно положительной или отрицательной реакции на предполагаемый иницирующий контекст (в том числе контекст внутренней речи), а также достигается эффект неоднозначности, противоречивости высказывания и выражение сомнения субъекта в адекватности собственного восприятия и в способе его артикуляции. Наконец, «сгущение» противительных маркеров отражает повышение степени выражения эмоционального отношения к описываемой действительности³².

1.3.4. Дейксис

ПД характеризуется наличием особо функционирующего дейксиса — моделируемой в произведении системы координат. Дейктические категории в речи привязаны к исходному дейктическому центру, нулевой точке (*origo*): говорящий («я»), место («здесь») и время произнесения («сейчас») [Бюлер 1993]. Понятием дейктического центра в контекстно зависимой речи обусловлена интерпретация глаголов в повелительном наклонении, указательных местоимений, локативов и т.д. Значимой для изучения дейксиса является теория шифтеров Р.О. Якобсона, где в качестве центральной грамматической категории вводится понятие «шифтера» как языкового знака, обозначающего прагматическую позицию участников коммуникативного акта [Якобсон 1972]³³.

³² Ср. с понятием коммуникативного саботажа, введенного в лингвистику Т.М. Николаевой, подразумевающей по ним «коммуникативные установки, которые направлены на срыв идеально прозрачного обмена информацией в беседе» [Николаева 1990: 226].

³³ Историю становления и развития концепции эгоцентричности в языке и разновидности эгоцентрических единиц ('indexical symbols' у Ч. С. Пирса, 'egocentric particulars' у Б. Рассела, 'dasein-designatoren' у М. Хайдеггера, 'shifters' у О. Есперсена и Р. Якобсона, 'mots auto-referentiels' у Э. Бенвениста и др.) см. в работе Ю. С. Степанова [1985: 230].

А.А. Кибрик определяет дейксис как «использование языковых выражений и других знаков, которые могут быть проинтерпретированы лишь при помощи обращения к физическим координатам коммуникативного акта — его участникам, его месту и времени» [Кибрик 2014].

В ПД читатель также наделяется особой оптикой, перемещаясь по мысленному пространству, конструируемому вокруг *origo* и отличному от реальности. Описывая это явление, К. Бюлер вводит термин “*Deixis ad phantasma*” [Бюлер 1993], а П. Стоквелл с позиций когнитивной поэтики разводит понятия текстового и когнитивного дейксиса, где первый отвечает за связную репрезентацию системы знания в тексте, а второй за фреймы, форматирующие эту систему на содержательном уровне [Stockwell 2002]. Подробный обзор теоретических подходов к изучению дейксиса в ПД представлен в работе В.В. Фещенко «Дейксис как присутствие субъекта в поэтическом тексте» [Фещенко 2018б].

В своем исследовании мы учитываем концепцию внутритекстового дейксиса, а также персонального, пространственного, временного и предметного дейксиса, принимая во внимание специфику ПД. Также мы используем понятие дейктического сдвига в значении смены перспектив указания, что сигнализирует о переключении фокуса восприятия и такие стратегии, как отстранение, дистанцирование, “*zooming in*”, “*zooming out*” и т.д. И.И. Ковтунова и вслед за ней В.В. Фещенко отмечают особое дейктическое «сгущение», присущее ПД, что сопровождается частотностью дейктических сдвигов [Ковтунова 1986б; Фещенко 2018б]. Так, например, многочисленные сдвиги в области персонального дейксиса маркируют физические координаты положения субъекта и указывают на актуальную коммуникативную ситуацию. Согласно Д. Ахапкину, поэтический дейксис состоит из ряда дейктических полей, включающих в себя набор языковых единиц и выражений, которые нацелены непосредственно на актуализацию читательского внимания путем включения определенных когнитивных механизмов и процессов [Ахапкин 2012].

Мы выделили ключевые характеристики поэтического дейксиса, позволяющие выявить специфику поэтического дейксиса по отношению к другим типам дискурса. Это коммуникативные («двойная» поэтическая коммуникация), референциальные (авторереферентность сообщения и конструирование координат поэтического мира), структурные (нелинейная структура поэтического текста, формирующая нелинейные связи между языковыми единицами) и языковые (грамматические и лексические средства выражения) свойства, а также специфика поэтического высказывания (интенсивность экспликации дейктических координат).

1.3.5. Метаязыковая рефлексия

Понятие метаязыковой рефлексии, или метаязыковой деятельности, исходит из теории Р.О. Якобсона о функциях языка, в которой он среди прочих обозначил метаязыковую функцию как особого рода «высказывания, ориентированные на код» [Якобсон 1987: 203].

Значимым трудом, заложившим основы широкого понимания такого синонимичного метаязыковой рефлексии понятия, как метатекст, является работа А. Вежбицкой «Метатекст в тексте» [Вежбицка 1978]. Согласно ее пониманию, «метатекст» характеризуется диалогическим или комментирующим отношением к основному тексту, иногда выступая в качестве отдельной системы текста. А. Вежбицкая приводит прагматические параметры, позволяющие выделить группы метатекстовых единиц с их ситуативно-прагматическим содержанием (в том числе паравербальным — полиграфическим). Понятия метатекста и метаязыковой рефлексии разводятся в работе Н.П. Перфильевой, посвященной их детальному разбору как в предшествующих исследованиях, так и в современных автору [Перфильева 2006]. Согласно Н.П. Перфильевой, предметом метаязыковой рефлексии может выступать как язык в широком понимании (в синхроническом срезе), так и язык определенной языковой личности, тогда как «метатекст — это результат метаязыковой деятельности Говорящего применительно к данному

конкретному тексту и его компонентам (частям, высказываниям, словам, фразеологизмам)» [Там же: 36].

В настоящей работе мы используем термин «метатекстовые ДС» в узком смысле — это ДС, которые структурируют дискурс с точки зрения грамматической связности и логической последовательности. Метаязыковую рефлексию мы понимаем шире, подразумевая под ней осознанный выбор субъектом речи языковых средств и способа их организации. В результате в фокус помещается план выражения отдельного стихотворения и в более широком смысле — язык вообще, особенно учитывая, что ПД вступает в интеракцию с другими типами дискурса, нацелен на осмысление конвенциональной коммуникации и языковых средств, деавтоматизацию восприятия и дестереотипизацию языковых клише.

Поэтическая метаязыковая рефлексия получила название «лингвистики поэта» (Н.А. Фатеева) или «поэтической филологии» (Л.В. Зубова, А.Н. Черняков, А.Т. Хроленко). Это явление довольно подробно изучено в лингвистике как на материале ОЯ, так и на материале художественного дискурса [Блинова 1989; Вепрева 2005; Лукина 2011; Черняков 2007; Фатеева 2017; Шумарина 2011]. В данном исследовании мы обращаемся к понятию метаязыковой рефлексии, подразумевая под ним осознанный выбор субъектом речи языковых средств и способа их организации, в совокупности помещая в фокус план выражения отдельного стихотворения и в более широком смысле — язык вообще.

Как отмечает А.Н. Черняков, исследовавший метаязыковую рефлексию в текстах раннего русского авангарда, «наивная» метаязыковая рефлексия³⁴ имплицитована в языке и проявляет себя в широком пласте метаязыковых пословиц, использовании концепта «язык», затрагивающем разные его значения, обыденных метаязыковых комментариях и т.д. [Черняков 2007: 4–5]. Наравне с

³⁴ Приведем определение М.Р. Шумариной «наивной» метаязыковой рефлексии, которую она обозначает в качестве «деятельности сознания (индивидуального или коллективного), направленной на осмысление фактов языка/речи и необязательно непосредственно связанной с собственной речевой деятельностью рефлектирующей личности» [Шумарина 2011: 3].

этим в авангардистских текстах также выявляются множественные стратегии реализации метаязыковой рефлексии: через заимствование из сферы научного метаязыка универсальных терминов, посредством интертекстуальности, междискурсивности, установки на грамматический эксперимент, номинативного и инфинитивного письма и др. [Там же: 117].

В новейшей поэзии метаязыковая рефлексия может выражаться как с помощью нарушения норм употребления и графического выделения прагматических маркеров, так и посредством введения терминов прагматики, например, как в названии поэмы Р.Б. ДюПлесси “Draft 33: Deixis”, или во фрагменте из текста А. Драгомощенко: «Основание — референция, репрезентация, прозрачность, описательность, репродуцирование, позитивизм. / Слова — окна, заместители, имена вещей, фигуры в черном в театре Но. / Коммуникация — обмен готовыми товарно-смысловыми пакетами (А. Драгомощенко). Упомянем также обозначенное Б. Уоттенем в примечаниях к поэме “Notzeit (After Hannah Höch)” выделение курсивом и красным цветом «всех местоимений, относительных местоимений и дейктиков времени и места».

1.3.6. Определение поэтического дискурса

Итак, на основании существующих концепций дискурсивной природы поэзии, можно сформулировать следующее определение поэтического дискурса. **Поэтический дискурс** — это совокупность поэтических высказываний (текстов), которые характеризуются особой системой отношений между элементами. Эти отношения обусловлены нелинейной композиционной структурой, связанной с намеренным выбором автором слов и их расположением, что влияет на смыслообразование текста и формирует аномальные парадигматические, синтагматические и семантические отношения. Для поэтического дискурса характерны такие специфические черты, как автореференция, автокоммуникация и автоадресация.

Раскрывая основные особенности ПД, уточним, что поэтическая референция отлична от референции в других типах дискурса, поскольку она

отсылает не к внешней действительности, а к поэтическому миру и вместе с тем — к плану выражения поэтического текста (свойство автореферентности). Поэтический дейксис характеризуется «поэтическим режимом интерпретации высказывания», выражаемым особой формой поэтического «Я» (в рамках автокоммуникации и автоадресации), регулярно соотносящегося с грамматическими формами второго и третьего лиц (в т.ч. в режиме дейктических сдвигов, стратегии диалогизации и дистанцирования говорящего от собственного «Я»). Отмеченные характеристики влияют на реализацию субъективации и адресации в поэтическом тексте как актуальном поэтическом высказывании.

1.4. Выводы

В первой главе были рассмотрены наиболее значимые для данного исследования подходы к изучению ДС и выделены ключевые концепции функционирования ДС. Во-первых, мы обозначили идею семантического варьирования, которая важна для настоящего исследования, в частности, в рамках рассмотрения ДС в аспекте их способности к контекстуальной ресемантизации (см. подробнее гл. 3). Во-вторых, мы обратились к понятию когерентности сообщения (глобальной и локальной). Глобальная когерентность ПД ограничена текстом, концептуально-стилистическим направлением или особенностями авторского идиостиля. На уровне локальной когерентности мы указали на ту или иную степень ее несоблюдения посредством локальной логической и грамматической несочетаемости и асимметрии, которые характерны для ПД.

В главе было расширено положение о полифункциональности ДС, поскольку в ПД эти единицы приобретают ряд дополнительных способностей. Мы обсудили и развили положение о том, что исследование прагматического потенциала этих единиц невозможно в отрыве от их семантического содержания и контекста, что особенно проявлено в рамках ПД.

Кроме того, мы рассмотрели предпосылки к изучению ПД в коммуникативно-прагматическом аспекте и определили специфику ПД, которая

выражается в особой реализации адресации, дейксиса, метаязыковой рефлексии, а также предложили определение ПД.

ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ДИСКУРСИВНЫХ СЛОВ В НОВЕЙШЕЙ РУССКО- И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ

Мы учитываем исследования ДС, в которых предпринимаются попытки классификации данных единиц. В основном они относятся к дискурсу в целом (Б. Фрейзер, К. Эймер, Е.Ю. Викторова), хотя в современных исследованиях появилась тенденция к классификации ДС в отдельных типах дискурса (например, в онлайн-коммуникации [Мишиева 2015]). Мы выделили три функционально-семантические группы ДС, исходя из специфики ПД.

Мы ориентируемся на теорию М. Халлидея и Р. Хасан, выделивших эндофорический и экзофорический уровни текста, где экзофорическая референция относится к коммуникативной ситуации, а эндофорическая — к текстовой организации [Halliday, Hasan 1976: 37]. На основании этого различия, а также указанной выше концепции Я. Машлер группы референтных ДС мы формулируем следующую классификацию:

Мы помещаем все маркеры, относящиеся к структурированию дискурса (реализующие эндофорическую референцию), в группу **метатекстовых** маркеров в связи с их нацеленностью на нелинейную организацию текста. В эту группу входят единицы, которые Б. Фрейзер называет «дискурсивные маркеры», и аналогичные им ДС.

В группу **контекстуальных** ДС мы включили единицы, которые реализуют экзофорическую референцию и чья прототипическая функция относится к сфере дейксиса. Кроме того, в эту группу вошли показатели эпистемической модальности. Мы совместили эти два значения в связи с тем, что поэтический мир выстраивается дискурсивно, таким образом, сообщение и выражаемая посредством этого сообщения реальность не могут быть разделены однозначным образом. В классификации Б. Фрейзера эти единицы получили название «комментирующих маркеров» [Fraser 1999].

В группу **интерперсональных ДС** вошли единицы, определяемые Б. Фрейзером в качестве прагматических идиом, имеющих закрепленное функциональное значение в рамках интерперсональной коммуникации и обозначенных Я. Машлер как интерперсональные маркеры. Эта группа включает единицы, выражающие подтверждение и возражение, степень дистанции между участниками коммуникации, а также различные маркеры, выполняющие апеллятивную функцию, функцию хезитации и выражающие эмоции говорящего.

В своем анализе и выделении функционально-семантических групп ДС мы опираемся не только на типологию англо-американского направления, но и на отечественные работы. Для нашего исследования значимы указанные во введении и в первой главе подходы к лексикографическому описанию ДС, осуществленному на основе учета взаимодействия коммуникативных единиц с контекстом ([Путеводитель 1993; Дискурсивные слова 1998; Шимчук, Щур 1999] и др.). В этих трудах отражена проблема семантической инвариантности ДС, для описания которых необходимо выделение большого количества параметров.

Также для нашего анализа особую значимость имеет подход к выявлению специфики функционирования языковых единиц А.В. Бондарко. В рамках его теории функциональной грамматики отмечается, что «функционально-грамматическое исследование стремится раскрыть особого рода систему взаимодействия грамматической формы, лексики и контекста, систему закономерностей и правил функционирования языковых средств, служащих для передачи смысла высказывания» [Бондарко 1983: 3]. Так, при рассмотрении ДС в конкретных контекстах мы придерживались принципа единства системно-структурного и функционального аспектов грамматики и анализировали стратегии реализации функций ДС, не пренебрегая особенностями их семантики, грамматики и взаимодействия с контекстом. Специфика функционально-семантического потенциала ДС, с одной стороны, проявляется в каждом конкретном лингвокреативном³⁵ употреблении в ПД, а с другой —

³⁵ Вслед за И.В. Зыковой мы понимаем под лингвокреативностью «процесс построения языковой системы (ее разных уровней), особую роль в котором играет культура и личность (коллективная

детерминируется системой конвенционально функционирующих единиц и связанных с ними механизмов, относящихся к различным уровням языка. Таким образом, наш анализ распространился на расширенную сферу прагматики ПД во взаимодействии с элементами разных языковых уровней, участвующих в выражении смысла и осуществлении микро- и макродискурсивных функций ПД. В рамках данного исследования мы опираемся на принцип компонентного анализа, предложенный в «Путеводителе дискурсивных слов» [Путеводитель 1993], с учетом необходимости разработки интегрального метода для анализа ПД. Поскольку наш анализ нацелен на выявление и исследование неконвенционального, «поэтического» употребления ДС, мы выделяем функционально-семантические компоненты единиц, которые выражают специфику этого аномального использования единиц.

2.1. Пошаговый анализ дискурсивных слов в поэтическом дискурсе

На основании установленных критериев отбора поэтических текстов был сформирован оригинальный двуязычный **авторский поэтический корпус** (далее — **АПК**), включающий 2873 текстов (1664 текстов современных русскоязычных поэтов (русскоязычный корпус) и 1209 текстов современных англоязычных поэтов (англоязычный корпус)). Анализ корпусных данных позволил выявить особенности функционирования ДС в новейшей поэзии на основе специфики контекстуальной реализации, сочетаемости и вариативности. Данные авторского поэтического корпуса (АПК) были обработаны через программу *AntConc*, что позволило извлечь и отсортировать данные в количестве 15 ДС в русскоязычном корпусе (из первоначального списка в количестве ≈ 200 единиц) и 19 единиц в англоязычном³⁶. Подчеркнем, что в рамках своего исследования мы не ставили задачи привлечь к анализу семантически и функционально аналогичные единицы

и индивидуальная), и процесс использования в практике живого речевого общения между представителями одного или разных лингвокультурных сообществ» [Зыкова 2017: 628].

³⁶ Мы приводим общее количество всех единиц, привлеченных к анализу, при этом в отдельных случаях мы рассматривали функционирование пары или группы ДС в связке (например, *да и нет*, а также *here, there, now*).

двух языков, и, таким образом, провести сопоставительный анализ как между двумя языками (русским и английским), а также выявить особенности поэтической прагматики на фоне прагматики, характерной для речевой конвенции. Мы предприняли попытку выявить специфику функционирования ДС в ПД на фоне конвенционального употребления, привлекая данные из словарей, Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и Corpus of Contemporary American English (COCA). В выводе к главе мы указали на основные различия в специфике поэтического употребления ДС в двух языках.

Вслед за компьютерной обработкой все данные были подвергнуты индивидуальной обработке с целью отделения единиц с дискурсивным употреблением от недискурсивного. Общее количество проанализированных употреблений ДС в ПД: 94 (из ≈ 8520 употреблений вообще (дискурсивных и недискурсивных)). В «Приложении 1» представлена таблица, в которой указаны индексы частотности в виде процентного соотношения: рассчитан процент употребления той или иной единицы на количество всех единиц (слов) в корпусах (АПК, основного корпуса НКРЯ и СОСА). В «Приложении 2» представлены примеры употребления ДС из национальных корпусов обоих языков.

Разработанный для анализа ДС пошаговый анализ включает:

1) дистрибутивный и статистический (количественный) анализ корпусных данных (в том числе подсчет процентного соотношения употребления единицы на количество всех единиц в корпусе соответствующего языка);

2) описание ДС, включающее как лексикографические данные из существующих словарей, так и выведенное нами общее функциональное значение, сохраняющееся во всех контекстах (операция)³⁷;

³⁷ Учитывая многозначность и полифункциональность ДС, часто служащих причиной обширных лексикографических описаний, мы приводим только релевантные для нашего анализа выдержки из словарей. Также мы предприняем попытку сформулировать основное функциональное значение единиц (*операция*), основываясь на стратегии, предложенной в «Путеводителе», и исходя из существующих описаний и рассмотренных контекстов. В первом примере анализа единицы в *общем* формулировка операции была привлечена из «Путеводителя».

3) отбор примеров конвенционального употребления (по данным НКРЯ и СОСА);

4) отбор примеров функционирования в ПД (на материале авторского поэтического корпуса);

5) обобщенное толкование функционирования ДС в ПД.

Отметим, что данный пошаговый анализ представлен в полном варианте только в первом, наиболее репрезентативном примере анализа единицы *в общем*. Далее в целях экономии места мы сократили пункты с количественными показателями и подсчетом процентного соотношения употребления ДС ко всем словам корпусов («Употребление») и примеры функционирования единиц в национальных корпусах («Конвенциональное функционирование»). Эти данные перенесены в Приложения («Приложение 1» и «Приложение 2»).

В данном исследовании была предложена функционально-семантическая типология ДС, основанная на особенностях реализации ДС в ПД и включающая три группы. ДС, отмеченные «*», рассмотрены отдельно в главе 3 в соответствии с конкретной коммуникативной поэтической стратегией, в реализации которой они участвуют. При этом пошаговый анализ в главе 3 не эксплицирован в связи со специальной целью этой части исследования — выявить и рассмотреть некоторые прагмасемантические тенденции в языке новейшей поэзии, а не детально рассмотреть функционирование каждого отдельного ДС.

Таблица 1 — Функционально-семантические группы дискурсивных слов

Метатекстовые ДС		Контекстуальные ДС		Интерперсональные ДС	
русск.	англ.	русск.	англ.	русск.	англ.
<i>в общем</i>	<i>so</i>	<i>бесспорно*</i>	<i>in fact</i>	<i>да, нет</i>	<i>yeah</i>
<i>итак</i>	<i>thus</i>	<i>вероятно*</i>	<i>perhaps</i>		<i>no</i>
<i>следовательно</i>	<i>therefore</i>	<i>возможно*</i>	<i>I think</i>	<i>ну</i>	<i>well</i>

<i>с другой стороны*</i>	<i>on the other hand*</i>	<i>вот</i>	<i>here, now, there³⁸</i>		<i>like</i>
	<i>anyway*</i>	<i>уже</i>		<i>пожалуйста</i>	<i>please</i>
	<i>nonetheless*</i>				
<i>точнее</i>					<i>wow</i>
	<i>for example</i>			<i>o!</i>	

1. Метатекстовые ДС относятся к эндофорической, или внутритекстовой референции, структурируют процесс коммуникации с точки зрения грамматической связности и логической последовательности. В эту группу вошли единицы: *в общем, итак, с другой стороны, следовательно, точнее, anyway, for example, on the other hand, so, therefore, thus.*

2. Контекстуальные ДС служат для отсылки к художественной коммуникативной ситуации, относятся к экзофорической, или внешнеконтекстуальной референции, выражают отношение говорящего к коммуникативной ситуации и отсылают к остальным параметрам коммуникативного акта (время, пространство, цель, намерение и др.). Единицы: *бесспорно, вероятно, возможно, вот, уже, here, in fact, I think, now, perhaps, there.*

3. Интерперсональные ДС — группа слов, обладающих двойной референцией, имеющих внутреннюю и внешнюю направленность, в зависимости от коммуникативной цели высказывания: могут употребляться в контекстах, направленных на внешнего адресата (читателя) или на «автоадресата» (поэтическое «я»). Единицы: *да, нет, ну, o!, пожалуйста, like, no, please, well, wow, yeah.*

Выделение этих трех групп, помимо отмеченных выше оснований, также обусловлено спецификой формирования модальных значений. С точки зрения модальности, в ПД можно выделить два основных модуса: субъективный, выражающий отношение к содержанию высказывания и к ситуации, и

³⁸ ДС, указанные в паре или группе в одной ячейке, проанализированы с точки зрения общих функционально-семантических характеристик.

иллокутивный, когда говорящий выступает «как субъект речи, обращенной на адресата» [Падучева 2019: 89]. Такое разграничение центров модальности, в роли которых может выступать субъект пропозициональной установки (субъективная модальность) и субъект речи (иллокутивная модальность), соответствует двум направлениям высказывания по отношению к действительности: как «сообщаемый факт» и как «факт сообщения» [Якобсон 1972: 95–114]. Подчеркнем, что эта двунаправленность модальных значений коррелирует с основными видами референции: «экзофорической», или «ситуационной» референции к «контексту» (включая адресацию) в коммуникативном акте, и «эндофорической», или «текстуальной» референции, структурированной грамматически.

2.2. Метатекстовые дискурсивные слова

Специфика группы метатекстовых ДС (далее — МДС) обусловлена следующими параметрами ПД: референтные (автореферентность сообщения), структурные (нелинейная структура поэтического текста, формирующая нелинейные связи между языковыми единицами), языковые (особые грамматические и лексические средства выражения), прагматико-перцептивные («деавтоматизация» восприятия, метаязыковая рефлексия).

Отметим, что МДС, частотное употребление которых характерно как для научного дискурса, так и для других типов дискурса, характеризующихся письменным форматом реализации, выступают в качестве структурных единиц связности текста. В ПД когерентность не является ключевой задачей, более того, данные единицы часто выступают в роли «дисконнекторов», дезорганизирующих внутритекстовые грамматические связи. Благодаря такой дезорганизирующей функции реализуется стратегия деавтоматизации восприятия посредством помещения фокуса внимания на плане выражения, что способствует

осуществлению метаязыковой рефлексии, направленной на тот дискурс, с которым в анализируемом случае взаимодействует ПД³⁹.

Мы рассмотрели маркеры вывода (*в общем, итак, thus, so*); каузальной связи (*следовательно, therefore*); детализации (*точнее*); экзemplификации (*for example*); противопоставления (*с другой стороны, anyway, on the other hand*). Единицы, отмеченные «*» и включенные в подгруппу «МДС противопоставления», проанализированы в третьей главе в рамках исследования семантики контрастивности и прагматики противопоставления в ПД.

Таблица 2 — Метатекстовые дискурсивные слова

МДС вывода	МДС каузальной связи	МДС детализации	МДС экзemplификации	МДС противопоставления
<i>в общем</i>	<i>следовательно</i>	<i>точнее</i>	<i>for example</i>	<i>с другой стороны*</i>
<i>итак</i>	<i>therefore</i>			
<i>so</i>				<i>anyway*</i>
<i>thus</i>				<i>on the other hand*</i>
				<i>nonetheless*</i>

Самые многочисленные подгруппы — МДС вывода и противопоставления. В случае с выводными МДС это связано с тем, что они апеллируют к инференционной модели декодирования сообщения, являющейся базовой в конвенциональном речевом взаимодействии [Sperber, Wilson 1995]. Хотя в коммуникации отношения между языковыми репрезентациями не всегда основаны на выводимости, а операция вывода не ограничена сферой использования языка, специфика функционирования именно этих МДС

³⁹ Так, например, в одном из стихотворений Л. Юсуповой через использование в ПД фрагментов судебной экспертизы, характеризующейся максимально «отчужденным» (бюрократическим) языком со множественными включениями ДС (в том числе МДС), судебный дискурс обличается в качестве дискурса насилия: [...]не является жизненно важным органом / что, безусловно, улучшает положение осужденного / в качестве смягчающего обстоятельства / повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего [...] **Вместе с тем**, судом в качестве смягчающего/ обстоятельства, в соответствии со ст. 61 УК РФ, / рассматривается явка с повинной подсудимого.

представляется особенно показательной в рамках ПД. Она демонстрирует отличие поэтической обработки данных (как поэтом, так и читателем), предлагая «деавтоматизированные» стратегии декодирования сообщения в обход основных логико-дискурсивным механизмов. То же касается МДС противопоставления, маркирующих комплексные и разноаспектные противительные отношения между элементами языковой структуры. Эти отношения охватывают всю языковую систему [Ишханова 2007] и являются результатом базовой когнитивной процедуры сравнения, отражающей субъективную точку зрения на обсуждаемую действительность [Там же], чье выражение подвергается активной рефлексии в ПД.

2.2.1. Дискурсивные слова вывода (*в общем, итак, so*)

В общем

Употребление:

АПК: 22: 665 739 = 0,0033%

НКРЯ (основной): 27 805: 321 712 061 = 0, 0086%⁴⁰

Лексикографическое описание: ‘1.0. Употр. для выражения того, что говорящий, отказываясь от подробностей, кратко излагает суть дела. 1.1. Употр. при окончании речи для выражения того, что далее следует вывод, подводящий итог сказанному’ [Морковкин 2003: 58].

Операция: Вводит характеристику ситуации Р, то есть параметр ситуации или описание ситуации, которое представляется говорящему наиболее адекватной для описания ситуации Р [Путеводитель 1993: 119].

Конвенциональное функционирование:

Можно обучить всю ИТ-команду на курсах и даже попытаться сдать сертификационный экзамен. В общем, можно взяться за дело собственными

⁴⁰ В целях экономии места и в связи с невысокой степенью значимости этой информации, далее она будет представлена в приложении (Прил. 1).

силами и, вполне вероятно, в конце концов удастся достичь результата. [Наталья Дубова. Вокруг ITSM // «Computerworld», 2004].⁴¹

Функционирование в поэтическом дискурсе (примеры из АПК):

1. *в тесной квартире, на Фернвуд-стрит, в Портсмуте,
в военном городке, где, убирая кровать,
скатывают матрас — потому что клопы.*

Но здесь, в общем, даже уютно.

(С. Львовский)

В приведенном фрагменте (1) употребление *в общем* можно соотнести с употреблением *в общем-то*, описанном в «Путеводителе...», при котором сам говорящий воспринимает характеристику, вводимую указанной единицей, как изначально неочевидную. В словарной статье говорится о том, что эффект внезапности достигается в связи с употреблением частицы *-то*. Однако мы можем проследить здесь эффект такого «разрыва» (в отсутствии частицы *-то*) при нарушении принципа, описанного в «Путеводителе...»: объективно логическая связь предыдущих высказываний с выводом нарушена, хотя с точки зрения субъекта высказывания эта связь не представлена как неочевидная. Такое употребление может по-своему соответствовать модификации операции, данной к значению «резюме» [Там же], в рамках которой *в общем* вводит оценку ситуации, представляющуюся говорящему «за счет устранения второстепенных деталей» наиболее адекватной для итогового описания [Там же]. Однако в связи с представленным нарушением логической связи возможные «второстепенные детали» вступают в противоречие с данным описанием в тексте. Обратим также внимание на подтверждающую эту мысль частицу *даже*, предшествующую субъективной оценке *уютно*. По замечанию А.Б. Шапиро, *даже* сообщает о неожиданном высказывании — того, «что можно было бы и не предполагать» [Шапиро 1953: 278].

⁴¹ Привлеченные к анализу примеры конвенционального функционирования ДС перенесены в приложение (Прил. 2).

Таким образом, в приведенном фрагменте представлен вывод, логически противоречащий приведенному выше описанию, что служит показателем нарушения взаимодействия значений (логико-семантический сдвиг): компоненты смысла с семантикой уюта находятся в диссонансе с описанием квартиры, предшествующим употреблению ДС *в общем (потому что клопы)*. Посредством этого сдвига достигается эффект иронии над домашним бытом в его обыденном понимании, а также намеренное занижение собственной потребности в комфорте, что выражает в свою очередь попытку примирения с обстоятельствами. Кроме того, такое употребление ДС свидетельствует об автокоммуникативном конфликте. Аналогичный диссонанс представлен в следующем фрагменте, в котором посредством несоответствия пресуппозиции оценки (*потихоньку*) также достигается эффект (само)иронии:

2. Здравствуйте, мы воры из провинциальной гостиницы.

[...]мы иногда мы сами себе подсыпаям

Кефалина и грабим друг друга, чтобы не растерять навыки.

Потом «жертва» просыпается со страшной головной болью,

А «грабитель» уже наготове с холодным компрессом и крепким

*Чаем. **В общем,** живем себе потихоньку.*

(С. Тимофеев)

Толкование в ПД:

Употребление ДС приводит к нарушению логической связи с непосредственным контекстом и выражает противоречие ожидаемому выводу. Помимо эффекта (само)иронии, это может служить выражением автокоммуникативного конфликта. В рамках этого приема говорящий осмысляет вводимую характеристику как неочевидную, однако намеренно выносит парадоксальную оценку описываемым обстоятельствам. Таким образом, принципы конвенционального употребления *в общем* сохраняются (метатекстовое функционирование), но в модифицированном виде: взвешенная

«усредненная» [Путеводитель 1993: 122] оценка противоречит ожиданиям, что помимо отражения автокоммуникативности, вносит иронический оттенок и реализует интенцию субъекта на примирение с обстоятельствами.

Итак

Лексикографическое описание: ‘Употр. для присоединения предложения, сообщающего о событии, явлении, факте, к-рые являются выводом, следствием того, о чем сообщалось ранее, предыдущем контексте (употр. в начале присоединяемого предложения)’ [Морковкин 2003: 148].

Операция: 1. Характеризует вводимую информацию в качестве логического заключения из приведенных ранее положений. 2. В непосредственной коммуникации демонстрирует интенцию говорящего вернуться к линии повествования, после отступления.

Функционирование в ПД:

3. *Не обнять*

Небытие.

Прошлое и будущее

Итак, начинаю стихотворение,

Подложив том Гессе под бумагу-

Влагу.

(В. Филиппов)

В примере (3) ДС *итак* (следующее после двойного графического отступа) маркирует резкую смену мысленных нарративов, разрыв, паратакис (в лингвистической теории устного дискурса называемый *frame shifting* [Becker 1979, Chafe 1994, Maschler 1997]). Учитывая, что приведенный фрагмент помещен в середину текста, маркированное ДС утверждение *начинаю стихотворение* логически противоречит семантике фазового глагола *начинать*.

Также отметим, что, как правило, в научном дискурсе после *итак* следует глагол в настоящем времени множественного числа «итак, рассмотрим» (Итак, рассмотрим [...]; Итак, мы видим, что [...]; Итак, в поле «звук» наблюдаем [...]) [Фатеева 2017]). В поэтическом же дискурсе глагол после единицы *итак* употребляется в другой форме (единственного числа) и в другой семантике — это фазовый глагол, маркирующий окончание предуведомления и начало основного действия⁴². Поскольку рефлексия репрезентируется в ПД в процессе высказывания, можно предположить, что в этом случае поэтическая, метаязыковая и когнитивная функции языка вступают в тесную интеракцию. *Итак* здесь характеризуется функцией апелляции к внутренней речи (автокоммуникации), что подтверждается использованием глагола первого лица единственного числа (*начинаю*), и маркирует попытку упорядочения мыслительных процессов. Учитывая, что ДС *итак* в конвенциональном использовании задает рамку выводного обобщения («заключительный союз» [Ушаков 2004: 324]), здесь эта функция находит свое характерное отражение: вслед за перечислением абстрактных понятий и тезисов подводится итог при переходе к обобщенному понятию начальной фазы процесса письма⁴³. Можно сказать, что субъект высказывания таким образом возвращается к исходной интенции, напоминая самому себе о своей изначальной цели.

*4. Отдаление просело в сумерках, шерсть
серебрится, задетая индексом срока, так жлдлжщлжди
покидает навстречу свитому на шее единству брошенных
взглядов один к одному & коридоров архива, по которым
пятится отлив, **итак**: аванпост архива, край глаза один на
один.*

(К. Коблов)

⁴² Фазисный глагол после «итак» также употребляется в разговорном языке: (ср. с: «Итак, начинаем хит-парад» (Илья Утехин. Стекло на вырез // «Неприкосновенный запас», 2002.07.14)).

⁴³ Именно так начинается стихотворение — в размышлениях, чья дискретность передана при помощи парцелляции.

Во фрагменте (4) *итак* маркирует помещение фокуса внимания на ранее обозначенном объекте зрения (*архив*), что соотносится с операцией, обозначенной под номером 1.1. Принципиальное отличие состоит в том, что вследствие множественных грамматических и семантических аномалий (*отдаление просело; жлдлжщлждщ покидает навстречу; взглядов один к одному; пятится отлив; аванпост архива*) невозможно проследить событийную последовательность повествования. Так, возвращение к важной линии рассуждения/нарратива, о котором в обыденном языке сигнализирует единица *итак*, модифицируется в повторный фокус на ранее употребленном слове.

Толкование в ПД:

В отличие от конвенционального употребления *итак* (по данным словарей и НКРЯ), в ПД отмечается формирование дополнительных значений в связи с нарушением сочетаемости. *Итак* маркирует процесс, а не итог рефлексии, как в примере (3), а также употребляется в середине предложения (4), дополнительно реализуя дейктический сдвиг, выраженный в специфической по отношению к конвенциональному употреблению локализации ДС. При этом выражение вывода из вышесказанного подвергается метаязыковой рефлексии. Метатекстовая функция осуществляется в качестве организационной операции, в (3) — в виде упорядочения мыслительных процессов, приобретая таким образом дополнительное значение автокоммуникативности; в случае фрагмента (4) — в качестве указания на повтор ранее употребленного слова.

So

Лексикографическое описание: ‘Используется как вводная частица. Часто с оттенком умаления значимости обсуждаемого вопроса; междометие, чтобы указать на осведомленность об открытии или удивленное несогласие)’ [Merriam-Webster: www].

Операция: 1. Иницирует реплику, с целью привлечь внимание слушающего. 2. Вводит характеристику ситуации со значением удивления. 3. Вводит характеристику ситуации с эффектом умаления значимости.

Функционирование в поэтическом дискурсе:

5. —*Is it Otis?*

—*I'm...*

—*Otis, so it is.*

—*Am I?*

—*'Tis Otis.*

—*I am...*

—*So, it's Otis.*

—*I am William.*

—*O, Otis, sit.*

(Ch. Bernstein)

В примере (5) представлен абсурдистский диалог, в котором реплики выстраиваются по принципу анаграммы, что реализует эстетическую функцию языка. Таким образом, *so* относится к маркированию следствия на этом основании: «итак, вы Отис» [потому что это имя составлено из букв, содержащихся в остальных словах моей реплики]. По мысли Д. Шиффрин, в коммуникативной реализации *so* осуществляет связь при смене реплик в диалогическом взаимодействии (структура обмена), выражает контакт между говорящим и слушателем (структура участия) и способствует организации и управлению (мета)знаниями, потому что посредством *so* вводится новая информация. В общих чертах Д. Шиффрин [Schiffrin 1987: 191] описывает *so* как «маркер результата» и перехода к «единице основной идеи», то есть суждения, которое считается первостепенным по значимости в речи. Во фрагменте (5) текст оформлен как диалог, однако успешного речевого взаимодействия не происходит, так как каждая из реплик является поэтическим высказыванием, направленным на само себя (исследующим собственный план выражения). Здесь можно говорить об иронической имитации коммуникативной неудачи, или о метаязыковой иронии

над коммуникацией и принципами П. Грайса. Этот концептуалистский подход нацелен на рефлексию и критику дискурсивных и коммуникативных конвенций. С другой стороны, ДС *so* связывает противоречащие реплики персонажей текста посредством введения общего элемента разговора в формате выяснения имени одного из актантов диалога.

6. *So, Alyosha, maybe it is true
that we live in perhaps.
Perhaps the earth... perhaps the sky...
chemical winds, auroras, tides,
chalk hills and blistered pines
and the microtonal bells.*

(M. Palmer)

Во фрагменте (6) ДС *so* употреблено в абсолютном начале стихотворения, выполняя функцию вероятной смены реплик — такой вывод можно сделать на основании следующего за ДС эксплицитного обращения (*Alyosha*). Так, *so* в данном примере создает эффект случайно вырванного из временного континуума фрагмента речи и приобретает интерактивный характер, вовлекая читателя в самостоятельное достраивание возможного диалога.

Рассмотрим фрагмент (7), в котором *so* выполняет более распространенную функцию маркирования вывода:

7. *I can't distinguish duration that separates two instants from my memory that connects them.
Duration continues what has passed with now; it implies consciousness, for which time flows.
Brain steps down energy radiating from stars through optic nerve to pineal gland and arranges these myriad photons into a neurological, space-time grid.
It conveys the influx of light as a field, mentality.
So thought is a form of organized light.*

(M.-M. Berssenbrugge)

Аргументация здесь выстраивается на воображаемых основаниях при помощи псевдонаучных фактов и при нарушении нормативного выражения эпистемической модальности. Таким образом, *so* участвует в создании поэтического псевдонаучного высказывания, в котором имитируется организация текста по типу доклада и используется лексика из дискурса естественно-точных наук.

Толкование в ПД:

ДС *so*, частотно выполняющее функцию маркирования вывода в конвенциональной коммуникации, в ПД также реализует функцию инференции, но не в рамках логической операции, а на основании фонетического созвучия. Участвует в имитации коммуникативной неудачи, в рамках которой производится ироническое осмысление норм конвенциональной коммуникации. Кроме того, посредством ДС *so* достигается эффект случайно вырванного из временного континуума фрагмента речи, что придает дискурсу характер интерактивности, вовлекая читателя в самостоятельное достраивание возможного диалога. Так как *so* частотно употребляется в научном дискурсе, в ПД осмысляется это явление посредством участия *so* в создании поэтического псевдонаучного высказывания. Говорящий занимает метапозицию по отношению к своему высказыванию, осмысляя средства его выражения.

2.2.2. Дискурсивные слова каузальной связи (*следовательно, therefore*)

Следовательно

Лексикографическое описание: ‘Употр. для присоединения слов, словосочетаний или части сложносочиненного предложения и указывает на то, что их содержание является выводом, который основывается на том, о чем сообщается в предыдущей части. Син.: *значит, вследствие этого, в силу этого,*

поэтому (книжн.) (присоединяет чл. предл. и предл. со зн. следствия)’ [Морковкин 2003: 319].

Операция: Характеризует вводимую информацию с точки зрения говорящего субъекта в качестве логического вывода, основанного на предшествующих положениях.

Функционирование в поэтическом дискурсе (примеры из АПК):

В примере (8) представлен ряд синтаксических конструкций с прямой последовательностью компонентов (подлежащее-сказуемое-дополнение и т.д.), за исключением второй части бессоюзного предложения в пятой строке (*Пуля покидает тело сворачивается время*). При этом логическая организация высказывания, в частности каузальная связь, маркированная *следовательно*, представляется нарушенной с точки зрения конвенционального понимания логических отношений в ОЯ:

8. Он бросил собаку что неожиданно

Собака ест птицу следовательно

Она парит в воздухе kua kai he kuli etani

Ты съешь собаку без перевода

Пуля покидает тело сворачивается время

Птица видит мальчика собака летит —

Человек смертен искусство огромно

(А. Драгомощенко)

По мнению А.С. Скидана, поэзию А. Драгомощенко можно рассматривать в качестве «поэзии апорий», интерпретация которых не представляется возможной в рамках позитивистского знания [Скидан 2011]. Мы говорим об идее позитивизма благодаря частотному включению элементов научного дискурса и в том числе терминологии «точных наук» в текстах А. Драгомощенко⁴⁴. Можно

⁴⁴ Именно точные науки принимаются позитивизмом за стандарт достоверности и точности для всех дисциплин [Почебут 2019].

предположить, что на глобальном уровне дискурса (макроуровне, согласно понятию Т. ван Дейка [van Dijk 1989]) посредством неконвенционального употребления ДС, коррелирующих с научным дискурсом и соседствующих с соответствующей академической лексикой, в приведенном примере рефлексится проблема невозможности исчерпывающего описания реальности, само понятие которой оказывается научно не детерминируемым⁴⁵. Такой тезис подтверждается и последующим приведением глоссов из полинезийского разговорника (пример (8)), трансформируемых в данном контексте в поэтическую материальность, в которую вплетается афоризм Гиппократа, также несколько преобразованный, со смещенным противопоставлением: в оригинальной цитате⁴⁶ представлены прямые антонимы (*brévis — lónga*). В варианте поэта антитеза нарушена (*смертен — огромно*). Это коррелирует с идеей открытой истинностной валентности в поэтическом высказывании [Золян 2014] при сохранении структурных принципов организации текста. Кроме того, отсутствие знаков препинания и создание эффекта комбинаторности предикатов, в рамках которой зрение делегируется птице (хотя, согласно конвенциональной логике, раз она съедена собакой, она не может видеть мальчика, как и быть увиденной), полет — собаке («так как» она съела птицу), собаку «съест» адресат текста и т. д., что также создает эффект открытого смысла.

Другим примером такой «открытой» истинностной валентности служит фрагмент (9), в котором представлен ряд риторических вопросов с неполными конструкциями в форме интеррогативной парцелляции:

9. [...] *Не забывай мертвых.*

Убежден, их много. Городов, мертвых и пр. Но что правильно?

Кому это? Тем, кто не выбрался? Следовательно — куда?

Те, что с годами утрачивают «связь друг с другом»?

⁴⁵ Таким образом реализуется метаязыковая направленность ПД.

⁴⁶ *Vita brévis, ars lónga* (дословный перевод с лат. — «Жизнь коротка, искусство длинно»; наиболее часто встречается вариант «Жизнь коротка, искусствоечно»).

(А. Драгомощенко)

Следовательно в этом примере апеллирует к следствию не из предыдущего высказывания, а к неочевидной последовательности этапов мыслительной операции рассуждения. Сначала задается вопрос об объекте высказывания (*кому?*) и далее о его предикате (*выбрался*), и поэтому (*следовательно*) очередным этапом этой множественной интеррогации представляется вопрос, связанный с обстоятельством места (*куда?*). Также заметим, что согласно словарной помете, *следовательно* сближается с разговорным употреблением, если помещается в начале реплики [Ушаков 2004: 1006]. Таким образом, рассматриваемое ДС маркирует имплицитное обращение к адресату, что подтверждается темпоральностью всего высказывания, выраженной формами настоящего времени и нулевыми глагольными связками (режим первичного дейксиса). Императив в начале цитаты указывает на то, что вопросы задаются в качестве ответной реплики (опять же, нарушая привычную логику последовательности «вопрос–ответ»), из чего можно заключить, что в этом фрагменте реализуется поэтическая автокоммуникация.

Толкование в ПД:

В ПД единица *следовательно* выражает отклонение от конвенционального способа реализации причинно-следственной связи и нормативных отношений языка и знания: характер отношений в рамках поэтического мира противопоставлен обыденной инференции. Также поэтическое употребление *следовательно* включает в себя нарушение сочетаемости, направленное на метаязыковую рефлекссию, участие в реактивных неполных интеррогативных конструкциях, реализующих автокоммуникацию. Субъект высказывания использует маркер каузальной связи, конструируя алогические связи, и таким образом демонстрируя неподчиненность мышления доступным нам операциям логической организации и исчерпывающего описания, что подчеркивает усиленную метаязыковую функцию, реализующуюся в рамках поэтического высказывания.

Therefore

Лексикографическое описание: ‘По этой причине: следовательно; из-за этого; на этом основании’ [Oxford: 34 331].

Операция: Демонстрирует субъективный взгляд говорящего на логическую согласованность вводимой информации с предыдущими положениями по принципу следствия.

Функционирование в ПД:

10. *I do not know English, and therefore I can have nothing to say about this latest war, flowering through a night-scope in the evening sky.*

(M. Palmer)

В приведенном фрагменте (10) реализуется логико-семантический сдвиг в причинно-следственных отношениях от фактивного к пудативному аспекту: незнание языка не предполагает отсутствие мнения (*have nothing to say* — отсутствие позиции). Неслучайно употребление модального глагола *can* (*не могу ничего сказать* или *могу ничего не говорить*), посредством которого заявляется об отношении субъекта к описываемым обстоятельствам, как самостоятельное решение ничего не говорить.

Также укажем на логический парадокс: текст написан на английском языке, что противоречит пресуппозиции, иницирующей высказывание, которое, таким образом, основано на принципе иллокутивного «самоубийства» [Вендлер 1985]. Этот парадокс может иметь своей целью выражение политической рефлексии субъекта: английский язык для англоязычного автора выступает в том числе маркером национальной идентичности — гражданской принадлежности к определенному государству. Так, постулирование незнания языка в определенном смысле может быть проинтерпретировано как нежелание субъекта разделять один

язык со своим государством. Иными словами, субъект, не будучи агенсом внешних действий (военных), перестает быть агенсом и этого языка⁴⁷.

11. *Would you note*

the pretty poem

I might (therefore) of wrote?

(R. DuPlessis)

В примере (11) единица *therefore* помещена в скобки, что формирует интерактивную функциональность элемента, реализация которой (функциональности) зависит от интерпретации реципиента. Однако посредством графической парентезы (скобок) единица не только приобретает «опциональный» статус, зависящий от отдельного восприятия сообщения и сравнимый с «нажатием» на функциональный элемент в компьютерном интерфейсе, но и маркирует имитацию динамической ситуации непосредственной коммуникации. Этот тезис подтверждается употреблением конструкции *might of* — распространенной в разговорной речи, грамматически эрративной формы *might have*. Стратегия актуализации поэтического сообщения осуществляется здесь за счет соотнесения высказывания с действительностью, где под действительностью понимается как внешний мир, так и «возможный мир» поэтического текста [Северская 2020]. При этом сама единица *therefore*, графически акцентированная скобками, осуществляет связь именно с миром поэтическим, что подтверждается причинно-следственной и, соответственно, темпоральной инверсией (‘заметил(а) бы ты милый стишок, который я бы (поэтому [по причине того, что ты его заметил(а)] написала?’). Написание текста в реальном мире предшествует появлению читательской симпатии к этому тексту, однако при осуществлении функции единицы *therefore* (=следовательно) в приведенном фрагменте эта последовательность нарушается (письмо становится следствием симпатии, то есть

⁴⁷ В рассматриваемой строфе речь идет о войне, как объясняет сам М. Палмер, стихотворение было написано в период первого вторжения США в Ирак. URL: <https://www.poetryinternational.org/pi/poem/22050/auto/0/0/Michael-Palmer/I-DO-NOT/en/tile> (дата обращения: 12.12.2021).

происходит «после» ее появления в логическом аспекте, что возможно только в рамках поэтического мира). Эта идея выражается и на грамматическом уровне: форма *might have been* имеет специальное модальное значение ситуации, которая могла бы произойти, но не произошла. Таким образом, в данном примере представлен конфликт между поэтическим и внешней действительностью, то есть противоречие темпорально-логического плана.

12. A film

of the filming

of a feature,

to serve

as filler

for late night

TV. Therefore

conjunctions stitch the seam.

Gracefully disabled.

Thumbingbird.

(Ch. Bernstein)

Во фрагменте (12) ДС *therefore* употреблено в качестве маркера отступления от основной мысли, выраженного средствами поэтического языка («следовательно союзы [часть речи] соединяют шов»). Таким образом, в данном примере реализована метаязыковая рефлексия. Дискурсивное выражение мыслительного потока субъекта представлено как дискретная структура, в котором отсутствует связность — и о союзах упоминается как об (отсутствующих) агентах связности (*conjunctions stitch the seam*). Так, в приведенном фрагменте и в более расширенном контексте не используются союзы, и произведение имеет вид разрозненных элементов и фрагментов речи, отображая неструктурированный характер мышления, чья обрывочность усилена при помощи парцелированной структуры высказывания. Последующее словосочетание, обособленное в качестве отдельного предложения (*gracefully disabled*), может быть отнесено к описанию союзов, апеллирующему к

«несамостоятельности» данной части речи. Однако в этой строке речь может идти и о действии отключения телевизора при помощи пульта — пальцем-колибри (игра слов *thumbingbird* (*thumb* ‘большой палец’ + *bird* отсылает к слову *hummingbird* ‘колибри’).

Толкование в ПД:

Маркирует логико-семантический сдвиг по отношению к конвенциональному выражению причинно-следственных отношений: от фактивного к путативному аспекту. Участвует в создании логического парадокса с целью выражения рефлексии субъектом внешнего контекста. Посредством реализации причинно-следственной инверсии участвует в демонстрации конфликта между поэтическим и реальным мирами. Выступает как дисконнектор и маркер отступления, что выражает метаязыковую рефлексия, а также осмысление возможностей языка отображать процессы мышления.

2.2.3. Дискурсивные слова детализации (*точнее*)

Точнее

Лексикографическое описание: 1) ‘Употр. при уточнении сказанного; соответствует по значению сл.: *вернее сказать*; 2) Употр. как вводное слово, соответствуя по значению сл.: *вернее, правильнее*’ [Словарь Т.Ф. Ефремовой].

Операция: Обозначает отношение уточнения между частями высказывания, обеспечивая локальную когерентность на уровне предложения.

Функционирование в ПД:

В следующем примере уточняющее ДС относится к эпитетам:

13. Как упования — тибетские мельницы

*Эти белые жернова ласковы, **точнее**, сдержанны,
но обезвожены более чем чрезмерно.*

И дуновение ветра не приносит отрады.

(А. Драгомощенко)

Обратимся к семантической специфике приведенного уточнения. С точки зрения ОЯ, лексемы *ласковый* и *сдержанный* не относятся к одному семантическому полю, однако в конкретном контексте можно проследить общие смысловые оттенки этих признаков атрибутивов. Учитывая, что они относятся к лексеме *жернова*, *ласковые* и *сдержанные* могут означать неспешное плавное движение, что подтверждается их «обезвоженностью» далее: речь о водяной мельнице, работа которой зависит от специального колеса, вращающегося за счет подачи воды⁴⁸. Следовательно, при недостатке воды (определенной степени «обезвоженности») движение жерновов будет замедленным, что также с учетом тропа персонификации, можно обозначить как сдержанность.

Эпитет *ласковый*, по мнению субъекта высказывания, недостаточно коррелирует с причиной этого свойства — обезвоженностью, которая относится к негативным основаниям и поэтому следствие такого положения дел не может определяться лексемой, обладающей позитивной коннотацией. Посредством такого уточнения (*точнее, сдержанны*) реализуется связь с контекстом, а конкретнее — с частной пресуппозицией.

Объект, с которым сравниваются жернова — *упования*. Посредством такого уподобления реализуется сдвиг между указанием на внутритекстовую реальность (*упования*) и внешнюю коммуникативную ситуацию/действительность (*мельницы*). Такая экстериоризация внутреннего состояния субъекта нацелена на преодоление оппозиции внутреннего-внешнего, текста-реальности. Кроме того, укажем на «оживление» внутренней формы слова. *Точнее* в сочетании с двумя другими качественными прилагательными-эпитетами может быть воспринято как самостоятельная характеристика объекта: *точнее* — форма сравнительной степени от прилагательного *точный*. Таким образом актуализируется полисемия слова за счет «этимологической регенерации» [Зубова 2017] и ресемантизация (возращение исходной семантики слова).

⁴⁸ Кроме того, аллитерация и ассонанс (*упования, жернова, ласковы, сдержанны*) придают тексту особую «плавную» интонацию, отображающую неторопливое движение жерновов.

В следующем фрагменте (14) посредством ДС *точнее* осуществляется сдвиг фокуса по принципу приближения:

*14. множество новых рецепторов у тех, кто сверху, направленных на то, что
происходит в земле,
в вывернутых корнях, когда приблизилось её лицо, точнее, камера,
вписанная в капли
лица, чтобы принять нас за окружающие превращения.*

(Г. Рымбу)

Уточнение, маркированное единицей *точнее*, здесь не только производит смещение фокуса с объекта (лица) на функцию помещенного на нем инструмента зрения (камеры) посредством «наведения резкости» (конкретизации), но и выражает идею о возможности симультанной разнонаправленности взгляда. Подчеркнем, что камера в приведенном фрагменте служит метафорой зрения как такового, этот образ коррелирует с высокотехнологичными реалиями, когда любой взгляд опосредован медиумом — экраном. В реальности анализируемого текста камерой-зрением обладает земля или некий неназванный субъект зрения, обладающий лицом и маркированный грамматически женским родом (*ее лицо*). Так, здесь возможны разные прочтения и симультанные векторы движения взгляда, что указывает на возможность отказаться от человеческого взгляда не только в смысле антропоцентризма, но и в смысле самого привычного централизованного устройства взгляда, исходящего из некой определенной точки зрения⁴⁹. Субъект зрения воспринимает некие объекты (обозначенные

⁴⁹ Для обозначения субъекта восприятия, обозначенного языковыми средствами, в лингвистике существует термин «фигура наблюдателя» или «наблюдатель», который был введен Ю.Д. Апресяном и охарактеризован как «фиктивный актанта ситуации [фиктивный — потому, что ему не соответствует никакой переменной в толковании соответствующей языковой единицы]» [Апресян 1999], в терминологии Е.В. Падучевой — актанта «в позиции за кадром» [Падучева 2004]. Как отмечает Н.Ю. Муравьева в своей обзорной статье, посвященной истории термина, «со временем в лингвистических исследованиях понятие наблюдатель было подведено под гипероним — эксперимент, содержание которого уже не ограничивается ситуацией, воспринимаемой органами чувств [Падучева 1997: 27; Кустова 1998: 31], что ведет к размытости понимания термина» [Муравьева 2015]. Также важно указать на понятие перспективизации

экслюзивным «мы») как «окружающие превращения». При этом несмотря на персонификацию и способность воспринимать, субъект (земля или «она») не становится субъектом (активным действующим лицом) в конвенциональном понимании: камера-взгляд вписана в капли, из чего следует, что под зрительным восприятием здесь подразумевается пассивное отражение. Таким образом транслируется идея об объектной ориентации взгляда, который не присваивает изображение посредством частной перцепции и интерпретации, а предъявляет «увиденное» уже из координат собственного (постоянно преобразующегося) окружения⁵⁰.

В примере (15) акцент с объекта описания смещается на связанный с ним процесс:

15. Оборачивается в чистый лист бумаги не фотография, то, что можно было назвать фотографией.

Рука, касающаяся изображенного [...]

Вобравшая смысл движения своего, помещения внутрь себя.

Помещения себя, снятого пола, внутри.

(Читай: снятого пола, падения стен, остатков окон, точнее, их оголения)

(Н. Сафонов)

В отличие от предыдущего примера здесь представлено описание субъективации, присвоения изображенного (снятого на фотокамеру). В качестве субъекта действия выступает *рука*, которая репрезентирует присутствие фигуры

в когнитивной лингвистике, которая представляет собой дискурсивный механизм конструирования объекта с точки зрения говорящего / наблюдателя, где конструирование объекта одними участниками дискурсивного акта намеренно совершается для других его участников [Ирисханова 2013].

⁵⁰ Образ трансформации человека в динамическую природную субстанцию встраивается в постапокалиптический сюжет о том, как может продолжаться жизнь после катастрофы — эта линия является магистральной для цикла «Жизнь в пространстве» Г. Рымбу (М.: Новое литературное обозрение, 2018). В соответствии с таким утопическим нарративом предпринимается попытка помыслить мир и язык его описания вне антропоцентрической модели отношений с действительностью, поэтому в тексте не употребляются лексемы, реферирующие к человеческим органам чувств и их процессам.

фотографа (троп метонимии). Производимое действие *вбирания* можно соотнести с авторской интерпретацией, которая находит свое отображение в том, *что можно было назвать фотографией*. Такая формулировка апеллирует к идее о невозможности фиксации действительности, что подтверждается выбором грамматических средств: обилие причастных оборотов и отглагольных существительных создает эффект множественных процессов. Именно поэтому статичная фотография неспособна репрезентировать динамику происходящего, а «то, что можно было назвать фотографией» (предположительно любая попытка фиксации) неизбежно аннигилируется до чистого листа. Кроме того, пропуск противительного союза (*а* или *но*) во фрагменте *не фотография [а/но] то, что можно было назвать фотографией*, не только сигнализирует об оппозиции «означаемое vs означающее», но и воплощает этот разрыв посредством нарушения конвенциональной противительной конструкции.

Далее все описание изображенного сводится к освобождению пространства от условной комнаты — помещения, которое приводится в значении отглагольного существительного (*помещение*) (на что указывают зависимые от него обстоятельство *внутри себя* и дополнение *себя*), однако по мере развития высказывания раскрывается другое значение этого слова при помощи привлечения лексем из того же семантического поля: *пол* (значение атрибутива которого также понимается двойственно: *снятый* — убранный и *снятый* на фотоаппарат), стены, окна. ДС *точнее* реализует сдвиг от указания на объект (*остатки окон*) к предьявлению процесса (*оголение*), что подтверждает идею о невозможности фиксации динамики происходящих событий (см. также анализ примера с *вот* — (86)). При этом *оголение окон* можно трактовать как обращение к «чистому», то есть непосредственному взгляду (наблюдению), где окно за счет своей основной функции выступает метафорой зрения, а его *оголение* означает освобождение от детерминирующих его условий.

Толкование в ПД:

В отличие от конвенционального функционирования в ПД, ДС *точнее* производит операцию уточнения между лексемами, не относящимися к одному

семантическому полю. Участвует в реализации референциальных сдвигов: от внутренней реальности (поэтической, психологической) к внешней (коммуникативной ситуации, включая объект описания); с объекта зрительной перцепции на функцию инструмента зрения посредством «наведения резкости» (конкретизации); с объекта на процесс, происходящий с ним. Единица участвует в выражении идеи о возможности переориентации оптики с субъектно-объектного устройства на объектное.

2.2.4. Дискурсивные слова экземплификации (*for example*)

For example

Лексикографическое описание: Используется для представления чего-либо в качестве типичного случая, примера [Oxford: 11 198].

Операция: Характеризует сообщение в качестве примера, частного случая того, о чем говорилось ранее в более общих чертах в рамках акта объяснения.

Функционирование в ПД:

16. *I am reading your letters.*

They are blackened houses. For example A. A bombardier beetle awaits night near them.

I lie to sleep.

(E. Ostashevsky)

В примере (16) ДС *for example* также представлено в составе парцеллята, либо односоставного назывного предложения, что в равной степени формирует выделение элемента с «наведением» на него фокуса внимания. При этом семантическое значение, содержащееся в составе единицы (частный случай общего) подвергается модификации. Единица *A* как пример буквы являет собой прообраз алфавита вообще, являясь его метонимическим воплощением (именно буква *A* изображена на обложке азбуки, которую она символизирует). Так, пример буквы *A* может быть проинтерпретирован в качестве примера буквы как таковой, следовательно, ДС *for example* маркирует гипероним вместо гипонима. При этом далее приводится конкретный пример использования буквы *A* — артикль,

относящийся к субъекту действия с атрибутивом (*bombardier beetle*). Это служебное слово, не имеющее предметной отнесенности и выполняющее грамматическую функцию, в сочетании с предшествующей буквой *A* выступает как демонстрация различия между языком (*la langue*) и речью (*la parole*)⁵¹: сначала представлена буква как таковая — языковой элемент, средство, которое затем в речи выполняет функцию артикля. Отметим актуализацию полисемии слова *letters* (буквы и письма) в первой строке фрагмента и *lie* (*ложусь* и *лгу*) в финальном строке фрагмента, что также нацелено на отображение динамического (контекстуально зависимого) характера дискурса.

17. These are our words. What do we do with them.

We do things with them. What sort of things.

Oh all sorts of things. For example.

Feeling things.

(E. Ostashevsky)

В примере (17) представлена вопросно-ответная форма изложения при сохранении утвердительной интонации в каждом предложении, включая грамматически и семантически вопросительные. Такая интонационная монотонность синтаксических параллельных рядов создает эффект смысловой компрессии при замедлении ритма поэтической речи и вместе с тем задерживанием внимания на каждой отдельной синтагме. Такое расчлененное оформление строфы отображает процесс (авто)коммуникации (чему способствует диалогизации речи) и способствует реализации поэтической функции — с фокусом на плане выражения, его темпо-ритмической организации и отдельных смыслах его минимальных лексико-синтаксических элементов. Отметим, что ДС *for example* представлено в виде парцеллята — элемента, отделенного интонационно и пунктуационно, приобретающего таким образом нагрузку самостоятельного высказывания, что является аномальной формой употребления данного ДС, в целом возможной и в разговорной речи, но менее допустимой — в

⁵¹ Согласно фундаментальной для лингвистики концепции Ф. де Соссюра [Соссюр 1999].

письменной. Такое парцеллированное разделение общей структуры обеспечивает не столько формальный разрыв синтаксической связи [Калинин 2005], сколько непосредственное выделение ее частей с достижением эффекта «медленного чтения». Также укажем на то, что хотя парцелляция — это прием, нацеленный на придание большей экспрессивности высказыванию, в данном фрагменте такая прагматическая установка (в отличие от конвенционального употребления) подвергается рефлексии через ее нивелирование, реализованное при помощи однообразного интонационного паттерна (утвердительно-оговорочного, что выражается при помощи точки). ДС *for example* в том числе участвует в выражении функциональной вариативности, когда ДС может быть интерпретировано как и вопрос в диалоге-прообразе, лежащем в основе анализируемой строфы, так и в качестве парентетического элемента в составе общего синтаксического единства. Ср. следующие синтаксические варианты: 1) *We do things with them [words]. — What sort of things? — Oh all sorts of things. — For example? — Feeling things.* 2) — *What sort of things? — Oh all sorts of things, for example, feeling things.* Таким образом, ДС *for example* может быть проинтерпретировано и как вопрос в диалоге-прообразе (1), и как парентетический элемент в составе общего синтаксического единства (2). За счет этой возможности разного прочтения реализуется редукция индексов мены коммуникативных ролей, когда одна и та же реплика может быть приписана разным актантам.

Укажем также на то, что в данном фрагменте рефлексивируется прагматическая традиция и, в частности, теория перформативности — через отсылку к знаменитой статье Дж. Остина “How to do things with words” [Austin 1962].

Толкование в ПД:

Конвенциональная функция ДС *for example* в ПД подвергается инверсии, в рамках которой данная единица вместо частного случая маркирует гипероним. Демонстрирует различие между языком и речью. В качестве парцеллянта ДС участвует в достижении эффекта медленного чтения, в выражении коммуникативной вариативности (выступая в роли самостоятельного вопроса,

либо как компонент высказывания), а также в редукции мены коммуникативных ролей.

2.3. Контекстуальные дискурсивные слова

Учитывая установку ПД на автореферентность, эта группа имеет особенное значение для нашего исследования. Так как ПД не поддается диалогическому режиму интерпретации, средством референции к актуальной коммуникативной ситуации в поэзии можно считать дейксис к воображаемому (см. гл. 1). В рамках такой системы координат, обладающей пограничным экстериторно-интериторным характером, параметры коммуникативной ситуации переносятся во внутридискурсивное пространство (ср. с понятием «двойной референции», к действительному или вымышленному миру и к системе языка [Кубрякова 1981: 87]). Поэтому актуализирующие событие в реальности единицы, как, например, *von*, *here* или *уже* маркируют условия поэтического мира и сигнализируют о различных отношениях (индексальных, символических, метаязыковых и т.д.). Дейктическое поле в ПД «сгущается», что отражает фокусирование внимания на коммуникативном аспекте поэтического высказывания, а также на специфике референциальных отношений («высказывание-поэтический мир»). Подчеркнем, что ДС характеристики ситуации во времени и пространстве обладают пограничным статусом и в зависимости от контекста и ситуации могут сохранять «следы» семантики дейктических маркеров. При этом мы интерпретируем эти единицы как ДС, исходя из положения об автореферентности ПД, то есть указывая на их референцию к плану выражения в той же мере, что и к координатам поэтического мира. Как мы уже отмечали, часто зафиксировать однозначную отнесенность этих единиц к определенному классу оказывается невозможно: «...не только трудно отличить наречие от маркера в реальном употреблении, но и вовсе не ясно, полностью ли эти две функции различны» [Schiffrin 1987: 230]. В эту группу включены единицы, апеллирующие не только к прототипическим значениям пространственных и временных координат, но и к субъективной

модальности, показатели которой отражают оценку ситуации говорящим по шкале достоверности и обладают путативно-фактивным значением⁵².

Единицы, маркированные «*» рассмотрены в третьей главе в рамках отдельно выделенной проблемы выражения субъективной модальности в ПД.

Таблица 3 — Контекстуальные дискурсивные слова

КДС субъективной модальности		КДС характеристики ситуации во времени и пространстве	
<i>бесспорно*</i>	<i>in fact*</i>	<i>уже</i>	<i>now, here, there</i>
<i>возможно*</i>	<i>I think</i>	<i>вот</i>	
<i>вероятно*</i>	<i>perhaps</i>		

2.3.1. Дискурсивные слова субъективной модальности (*бесспорно**, *возможно**, *вероятно**, *I think*, *in fact*, *perhaps*)

Функционирование первых трех единиц (*бесспорно*, *возможно*, *вероятно*) проанализировано в третьей главе в рамках исследования проблемы выражения субъективной эпистемической модальности в ПД.

I think

Лексикографическое описание: Выражает убеждение, мнение или идею [Cambridge www]. Употребляется в речи для уменьшения силы высказывания, а также для осуществления вежливого предложения или отказа [Oxford: 34 393].

Операция: 1. Указывает на то, что обоснованность маркированного им высказывания представлена говорящим в качестве его субъективного мнения и может быть оспорена. 2. Характеризует сообщение в качестве вежливого предложения.

Функционирование в ПД:

18. *my attention riveted*

⁵² Терминология Ю. Д. Апресяна [Апресян 2001]. Употребление фактивных слов подразумевает выражение знания актанта, в то время как использование путативных слов — выражение мнения.

*on getting tangled and forgetting the name of the chair, for example
and the huge young man, he is covered with tattoos
I think.*

(L. Hejinian)

Во фрагменте (18) *I think* локализуется в конце предложения, в котором субъект сообщает информацию, данную в непосредственном опыте (визуальные данные).

Визуальные источники информации называются прямыми [Колчина 2020], и информация, полученная непосредственно при наблюдении, с точки зрения достоверности, традиционно представлена в речи как более надежная, чем опосредованная информация (выводная). Описание внешнего облика персонажа, чья «визуальность» усилена описанием ярких примет — *кожа, покрытая татуировками* — вступает в противоречие с нормами употребления путативных показателей неуверенности, а также маркеров «смягчения» высказывания⁵³. При этом, даже учитывая, что субъект в данном фрагменте описывает состояние «спутанности сознания» (*tangled*), указанный признак («весь покрытый тату») не может быть забыт, если только не забыт сам персонаж, обладающий этим признаком. Так, это знание (о прошлом) в статусе неуверенного припоминания при помощи контекста и посредством единицы *I think* смещается в область воображаемого, что реализует поэтическую рефлексия (не)возможности существования объективной действительности⁵⁴, а также осуществляет сдвиг от эмпирической реальности к ментальной.

⁵³ Стоит учитывать, что в функции единицы *I think* не настолько выражен характер путативности с исключенным фактивным элементом (как, например, у «думаю» в русском языке). Поэтому такой случай использования ДС *I think* нельзя считать аналогичным тем случаям употребления ДС, которые были выявлены в русскоязычном подкорпусе (см. гл. 3), когда единицы, однозначно маркирующие мнение, были использованы в высказываниях, содержащих фактивную информацию.

⁵⁴ «Здесь мы уже на пороге одного из тех различий, которые причиняют в философии наибольшие неприятности, — различия между “явлением” и “действительностью”, между тем, какими вещи кажутся нам и какие они есть. Художник хочет знать, какими вещи нам кажутся, а практичный человек и философ хотят знать, каковы вещи» [Рассел 2009: 39].

Похожий случай осмысления возможности фиксации объективной действительности представлен в следующем примере, где единица *I think* употреблена в сочетании с дейктическим маркером *here*. *Here* указывает на актуализацию описываемой ситуации, данной субъекту высказывания в непосредственный момент говорения. Актант речи при этом демонстрирует свою неуверенность в том, что он видит/представляет:

19. *Guitar leans against the wall. Here I think.*

Words are the line's pulse.

(R. Silliman)

Следующая далее строка дополняет возможное значение дейктика *here*: *здесь* не столько в (поэтическом, то есть мыслимом) мире как таковом, сколько в пространстве конкретного текста, с акцентированно материальными координатами, заданными такими лексическими единицами, как *words* и *line* (в дополнение к материальности фрагмент текста приобретает «телесное измерение» ‘слова — это **пульс** строки’). Таким образом при помощи *I think* осуществляется рефлексия не столько плана выражения (что подразумевает автореферентность ПД), сколько процесса разворачивания ПД в его динамике, в результате чего реализуется прагматический сдвиг от описания внешних обстоятельств к метадискурсивному комментарию.

Кроме того, во фрагментах (18) и (19) особым образом реализуется функция *I think*, указанная под номером 3 в лексикографическом описании (*to politely suggest something* ‘вежливое предложение’). Единица маркирует обращение к адресату с предложением в соавторстве с поэтическим субъектом представить человека в татуировках (18) и прислоненную к стене гитару *здесь* (19), активизируя воображение. Осуществление этой функции также апеллирует к поэтической автокоммуникации.

Толкование в ПД:

ДС *I think* реализует референциальный сдвиг от внешней реальности к ментальной, а также прагматический сдвиг от описания внешних обстоятельств к

метатекстовому комментарию. Участвует в метаязыковой рефлексии, а также в рефлексии возможности языка фиксировать объективную реальность. Осуществляет интерактивную (в рамках значения приглашения читателя к сотворчеству) и автокоммуникативную функции.

In fact

Лексикографическое описание: 1. Используется, чтобы подчеркнуть истинность утверждения, противоречащего ожиданиям или тому, что было заявлено ранее [Oxford: 11 511]. 2. Вводит высказывание с более подробной информацией о том, что было только что сказано [Collins: www].

Операция: Характеризует высказывание как утверждение, обладающим статусом истины с оттенком противоречия. Также вводит детализирующую информацию.

Функционирование в ПД:

20. *A noisy band of two dozen poets had taken over the subway station.*

*Her hat was **in fact** a pizza-sized cracker.*

(L. Hejirian)

Согласно М. Халлидею и Р. Хассан, *in fact* принадлежит к классу коннекторов, значение которых можно представить следующим образом: «в отличие от того, к чему нас привело бы текущее состояние коммуникативного процесса, на самом деле...» [Halliday, Hassan 1976: 253]. Коннектор *in fact* выражает контрастивное отношение, и поэтому его значение может быть описано как «противопоставление» [Ibid.: 253]. Р. Вудхэм указывает на то, что у коннектора есть и другое применение: его «можно также использовать для представления более подробной информации или для того, чтобы выразиться яснее и точнее» [Woodham www].

Так, в примере (20) реализуются оба указанных значения: с одной стороны, то, что утверждается о ‘*ее шляпе*’, противоречит ожиданиям, с другой — информация о так называемой «шляпе» уточняется до ее размеров и в конечном

итоге — «истинной» сущности. Посредством употребления *in fact* осуществляется сдвиг между внешней действительностью и дискурсивной на уровне предпосылки: поэтическая действительность представлена в качестве отправной, актуальной и истинной. За счет этой замены уподобление ‘шляпы’ ‘крекеру’ приобретает характер констатации (буквализации): шляпа не была похожа на крекер, она и была крекером, выполняющим функцию шляпы. Так, в ПД предпринимается попытка утвердить образ как истинностную категорию. Обратим внимание на атрибутив *pizza-sized*, который сигнализирует об интенции предоставить наиболее точное описание того, что было надето на персонажа в качестве шляпы. Учитывая, что ‘пицца’ и ‘крекер’ — лексемы из одного семантического поля, их сочетание создает юмористический эффект.

Согласно «Путеводителю», посредством употребления русскоязычного аналога *in fact* (*на самом деле*) «говорящий <...> приписывает статус реальной некоторой заранее заданной ситуации», «переведя из мира повествования/субъективного мнения в реальный мир», либо из мира “спорного” в мир “бесспорного”» [Путеводитель 1993: 92]. Таким образом, в конвенциональном употреблении это ДС указывает на сдвиг между субъективным и объективным мирами, в то время как в ПД реализуется обратный сдвиг, когда объект реальности *hat* переводится в мир воображения.

В следующем фрагменте (21) производится логический сдвиг при перемене мест компонентов, участвующих в описываемом процессе. В действительности металл ржавеет, если оставить его в воде, в указанном же фрагменте из ПД ржавеет сама вода, так как *на самом деле является металлом*. Здесь можно указать на особую реализацию тропа метонимии при перестановке элементов процесса (образования ржавчины) и в конечном итоге однонаправленном отождествлении этих элементов (вода = металл, но металл ≠ вода):

21. *This mineral water is in fact heavy metal — if I leave the cap off, it rusts.*

(R. Silliman)

В примере (22) ДС *in fact* участвует в аргументации тезиса (*Television changed space*), которая разворачивается в виде приведения аналогии с перестановкой исходной (истинностной) и воображаемой реальностей.

22. *Television changed space as imperceptibly as chess does the flatness of its board (a chessboard **in fact** is a mountain, its four center-most squares the peak, each concentric 'ring' about that an entire layer down), its small blue-gray screen now the center, regardless of the positioning, of the entire room.*

(R. Silliman)

Таким образом, в примере (22) рефлексивируется научный дискурс с его способом апелляции к фоновым знаниям, критикуется его аргументация, построенная на аксиомах, а также подвергается сомнению категоричность любого высказывания, основанного на общепринятых фактах. О схожем явлении в ОЯ рассуждает Т.Б. Радбиль, подчеркивая, что истинность в языке всегда субъективна и по сути является функцией пропозициональной установки «Я утверждаю, что» [Радбиль 2014: 53]. При этом, по мысли исследователя, единицы с эксплицитным показателем истинности в речевой практике выступают как средства уклонения от истинности, или «манипуляции с истиной» [Там же: 51]. Таким образом, во фрагменте ДС *in fact* сигнализирует о сдвиге от указания на конкретный референт (*chessboard*) — к метафоре (*mountain*), что противоречит конвенциональному функционированию *in fact*: вместо повышения степени «реальности» объекта усиливается его метафоризация.

Схожим образом функционирует дейктик *now*, сигнализирующий о сдвиге от прямого описания объекта (*small blue-gray screen*) к метафорическому (*the center of the entire room*).

Толкование в ПД:

Маркирует сдвиг между эмпирической реальностью и дискурсивной на уровне предпосылки: посредством ДС *in fact* поэтическая действительность представлена в качестве отправной. В то время как в конвенциональном употреблении это ДС указывает на сдвиг между субъективным и объективным мирами, в ПД происходит конвертация: объект реальности смещается в мир

воображения. Кроме того, ДС участвует в реализации логического сдвига при перемене мест компонентов процесса. Указывает на сдвиг от указания на конкретный референт к метафоре, что противоречит конвенциональному функционированию *in fact* (выражается высокая степень не достоверности, а потенциальности). Посредством такого специфического функционирования ДС реализуется метаязыковая рефлексия, а также взаимодействие (через критическое осмысление) с научным дискурсом.

Perhaps

Лексикографическое описание: 1. Используется для выражения неопределенности или потенциальности. 2. Используется, когда субъект не хочет показаться слишком уверенным или напористым в выражении мнения. 3. Используется при вежливой просьбе, предложении или предположении [Oxford: 24 656].

Операция: 1. Указывает на то, что обоснованность маркированного им высказывания неочевидна и не подтверждена объективными доказательствами. 2. Характеризует сообщение как вежливую просьбу или предложение.

Функционирование в ПД:

Perhaps является своего рода показателем «уклонения говорящего от ответственности за содержание высказывания» [Радбиль 2016]. В зарубежной лингвистической традиции подобные языковые средства называются *hedge(s) / hedging markers* (в отношении ДС *perhaps* об этом писали [Pic, Furmaniak 2011]). Дж. Лакофф под этим термином понимает актуализацию единиц, функция которых состоит в достижении эффекта смысловой размытости [Lakoff 1972: 195].

23. *So, Alyosha, maybe it is true
that we live in perhaps.*

*Perhaps the earth... perhaps the sky...
chemical winds, auroras, tides,*

*chalk hills and blistered pines
and the microtonal bells.*

(M. Palmer)

Во фрагменте (23) *perhaps* представлено в двух вариантах употребления: субстантивированно, в синтаксической роли обстоятельства места (*we live in perhaps*) и в конвенциональной функции выражения неуверенного предположения или возможности (*perhaps the earth... perhaps the sky...*). В первом случае употребление ДС *perhaps* не только утрачивает свою конвенциональную прагматику, но и приобретает новую функцию: выступает в качестве единицы пространственного дейксиса (посредством субстантивации). Создание образа такого места, в котором 'мы живем', под названием 'возможно' направлено на репрезентацию дискурсивной реальности в условиях активного воздействия средств массовой информации на частную жизнь и субъективные дискурсы: использование показателей неуверенности представляется обязательным в связи с большим количеством недостоверных данных. Выражение неуверенности усилено другим синонимичным ДС *maybe* в препозиции. В двух последующих употреблениях маркер используется в составе назывного предложения с фактивной, непосредственной данной информацией, тогда как в конвенциональном употреблении единица маркирует низкую степень уверенности говорящего в собственном мнении. Таким образом, ДС сигнализирует о сдвиге между эмпирическим фактом и путативностью. Если предыдущее ДС приписывало метафоре статус истины, то в случае употребления *perhaps* происходит обратное: факту приписывается статус предположения. Кроме того, посредством парцеллированной структуры с многоточиями отображается эмоциональное состояние субъекта, который испытывает сомнение в таких базовых реалиях как земля и небо, что в свою очередь апеллирует к феномену фундаментальной неопределенности, свойственной ПД.

В примере (24) *perhaps* маркирует высказывание, которое можно интерпретировать различными способами за счет полисемии задействованных в контексте лексем:

24. *The scratched crystal blurred the numbers. Perhaps it was right I lost my watch.*

(R. DuPlessis)

Таким образом, возможны варианты: 1) *Поцарапанный экран размыл цифры. Возможно, это было правдой: я потеряла* (в значении «лишиться») *свои* (наручные) *часы*. 2) *Поцарапанный экран размыл цифры. Возможно, он [экран] был прав* (в значении «исправен»): *я утратила свое пристальное внимание* («бдительность», «четкость зрения»). Посредством такой вариативности прочтения усиливается значение потенциальности, вводимое ДС *perhaps*, распространенное на более широкий контекст, чем непосредственно маркированное им высказывание (*It was right*). Двойственной интерпретации подвергается причина отсутствия доступа к показаниям циферблата: в первом варианте признаком «поломки» обладает объект наблюдения, во втором этот признак делегируется субъекту наблюдения (в силу его рассеянного внимания). Такая актуализация полисемии реализует сдвиг от конвенционального путативного значения *perhaps* к метаязыковой функции: значение потенциальности смещается со смысла высказывания на языковое выражение.

Толкование в ПД:

Perhaps в ПД сигнализирует о сдвиге между эмпирическим фактом и путативностью, когда объективной данности приписывается статус предположения. Также сигнализирует о сдвиге от конвенционального путативного значения *perhaps* к метаязыковой функции.

2.3.2. Дискурсивные слова характеристики ситуации во времени и пространстве (*now, here, there, now, уже*).

Вот

Лексикографическое описание: 1. Употребляется для указания на человека или предмет, наличие какого-либо факта, тему или отправную точку дальнейшего рассуждения, на иллюстрацию сказанного ранее и т.д. 2. Употребляется для

конкретизации, уточнения, выделения, усиления значения, а также привлечения внимания собеседника [Морковкин 2003: 65].

Операция: Характеризует объект в качестве главной темы высказывания.

Функционирование в ПД:

*25. Видения теперь стократ легче, гораздо быстрее,
вообрази —*

Не требуют уподоблений в речи, растворяясь в себе [...]

Что тут, Кратил, смешного? Сколько народу вокруг!

*Кто-то делает шаг, произносит: «**вот** видения, знаю ли я зачем?»*

[...]

Надо ли здесь это «зачем»? На самом деле они теперь льдом,

Мимо зрения.

*А сейчас, **вот**... они его не касаются и легче быть речи,*

И вслед вспоминаю осень [...]

(А. Драгомощенко)

Как и в конвенциональном употреблении, в ПД проявлена прототипическая указательная функция ДС *вот*. Е.А. Гришина, подробно анализируя единицу *вот* и ее варианты в ОЯ, отмечает, что параметры употребления этих единиц связаны непосредственно с ситуацией указания, включая аудиторию [Гришина 2008]. В приведенном фрагменте в первом случае использования *вот* объект указания является тем, на что нельзя указать внешнему адресату, так как видения — это результат персональной когнитивной активности. Таким образом, в этом употреблении реализуется автокоммуникативная направленность, где конструируемый субъект высказывания, оформленного в виде прямой речи в кавычках, совпадает с поэтическим субъектом всего текста. Так, внутренняя речь субъекта отчуждается посредством помещения в кавычки. Об автокоммуникативной направленности также сигнализируют глаголы *вообразить* и *знать* в форме 1 л. ед. ч. и местоимение 1 л. (*я*), риторические вопросы,

обращение⁵⁵ и восклицание. Эффект сбивчивого хода внутренней речи достигается за счет нестандартной синтаксической конструкции с эллипсисом (в ОЯ можно представить следующий вариант: «знаю ли я, зачем [нужны] вот эти видения?»). Дискретность автокоммуникации выражается также посредством следующей далее метаязыковой рефлексии (*Надо ли здесь это «зачем»?*) и еще одной конструкцией с эллипсисом (*На самом деле они теперь льдом, // Мимо зрения*). После ДС *вот* во втором случае следует грамматически неконвенциональная конструкция (*они его не касаются и легче быть речи*), где *легче быть* можно отнести как к видениям (им [видениям] теперь *быть*⁵⁶ легче речи), так и к речи (*речи быть легче* (т.е. речь будет легче))⁵⁷. В этой конструкции осуществляется эрративное сочетание глаголов *касаются* и *быть* (которые должны быть выражены одной и той же грамматической формой при сочинительной связи однородных сказуемых). В такой речи, неупорядоченной грамматически, логически и стилистически⁵⁸, указательная функция ДС *вот* сдвигается к метатекстовой. *Вот* выступает в качестве демонстрации попытки организовать высказывание (что можно обозначить как функцию метатекстового демонстратива), указывая на парадоксальным образом устойчивый элемент — видения. Во внеположенной тексту реальности видения не обладают свойством

⁵⁵ Обращение к Кратилу мотивировано его учением о динамике постоянных изменений и преобразований, происходящих в реальности (его теория оценивается исследователями как более жесткая версия концепции о преходящем характере всего сущего его предшественника Гераклита): «У Кратила тезис Гераклита абсолютизируется: не только нельзя дважды войти в реку, но даже и один раз. Уже в тот момент, когда мы входим в нее, она не та же самая. Нельзя назвать никакую вещь по имени: имя — одно и то же, но вещь непрерывно изменяется, так что имя к ней неприменимо ни в какой момент ее существования. Выход один — не называть вещи, а только указывать на них пальцем» [Асмус 1976: 177]. ДС *вот* в контексте этой отсылки приобретает измерение иронии: на некоторые нестатичные по существу явления (как видения, так и момент во времени) невозможно указать, но возможно лишь продемонстрировать это указание языковыми средствами.

⁵⁶ Инфинитив *быть* употреблен в функции предсказания или императива.

⁵⁷ Сочетание *легче быть речи* также может быть отнесено к другому актору — к «нему», персонажу фрагмента.

⁵⁸ Стилистическая неоднородность выражается в привлечении книжной лексики (*произносит, видения, вслед*, риторические вопросы с частицей *ли*) и разговорной (*вот, на самом деле, что тут смешного*).

устойчивости, как и обобщенные обстоятельства настоящего момента (также не статичного).

Отметим также функцию переключения режимов речи во втором случае употребления, где *вот* указывает на ситуацию изменившейся реальности (следуя за временным дейктическим показателем *сейчас*, сопровождаемым противительным союзом *а*). Такое функционирование единицы соответствует ее употреблению в конвенциональной коммуникации: И.М. Кобозева определяет *вот* как маркер открытия новой темы, или нового поворота в развитии темы [Кобозева 2007]. При этом в ПД это употребление приобретает дополнительную функцию: *вот* маркирует не только переход к новой теме, но и сдвиг от коммуникативного режима к нарративному, так как после *вот* субъект переходит к повествовательной интонации, последовательно перечисляя события настоящего периода (*они его не касаются, вспоминаю осень*).

В конвенциональном использовании ДС *вот* выполняет задачу эмфатического выделения [Гришина 2008], помещая логическое ударение на слове, до или после которого следует ДС, в том числе эмоционально выделяя его. В случае употребления *вот* в указанном фрагменте из ПД такое акцентирование приобретает специфический оттенок: эмоциональное выделение здесь связано с тщетностью попыток в действительности зафиксировать эти объекты для адекватного языкового указания или описания.

В следующем примере автокоммуникативное указание на ситуацию *вот* в сочетании с союзом *и* (*и вот*) маркирует смену событий с дополнительным имплицитным значением следствия

*26. на свете всём мне захотелось пить
другой был свет, ночной, но он меня не гладил
и вот
я выкинул его, противно было быть
быть около чего-то и кого-то*

(В. Банников)

В данном случае *вот* является компонентом усеченной конструкции ‘и вот что произошло’ [Гришина 2008]. Укажем на следующий после *вот* глагол активного действия (*выкинул*), направленный на объект, к которому его невозможно применить (*свет*). При этом ранее встречается редкая семантическая сочетаемость *он* <*свет*> *меня не гладил*, где *свет* выступает актантом (Ср. со «свет бьет (в глаза)»). Актуализация полисемии (*свет* в значении ‘мир’ в первом употреблении, в котором это значение мотивировано ФЕ *на свете всём*, и *свет* в значении ‘освещение’ (*свет ночной*)) позволяет провести интерпретацию, в рамках которой первое значение слова (‘мир’) дополняет второе значение (‘освещение’). Так, словосочетание *выкинул свет* можно понимать не только в прямом значении при замене *выкинул* на другой глагол активного действия, употребляющийся с существительным *свет* (‘выключил свет’), но и в значении ‘отвернулся от всего мира’ (так как *он меня не гладил*). ДС *вот* в сочетании с *и* реализует переход от роли объекта (пассивного претерпевания чужого действия: *он меня не гладил*) к роли субъекта (активному действию: *я выкинул его*), участвуя в осуществлении стратегии поэтической субъективации как «сдвига» семантической и синтаксической ролей субъекта действия в границах микроконтекста. Таким образом, происходит мена диатезы с инверсией коммуникативного ранга участника (в терминологии Е.В. Падучевой [Падучева 2004]), когда два актанта меняются местами в рамках субъектно-объектных отношений.

Укажем также на каузальность построений, между которыми можно проследить имплицитно заложенные причинно-следственные связи (*свет меня не гладил / и вот [поэтому] я выкинул его / [так как] противно было быть около чего-то и кого-то*). *И вот* выступает как маркер перехода к ключевой информации, отмечая каузальную корреляцию с предыдущим контекстом. Данное употребление соответствует конвенциональному, что, с одной стороны, выявляет связь ПД с разговорным языком, однако, с другой стороны, в связи с нарушением семантической сочетаемости в окружающем контексте, подчеркивает специфику характера отношений с пространством смысла (по формулировке Т.Е.

Овчинниковой [Овчинникова 2007]) в ПД. Эти отношения подразумевают непрозрачность значений и интенций, множественность вариантов интерпретации, а также особую (а)логическую организацию высказывания.

Толкование в ПД:

ДС *вот* сигнализирует о сдвиге между дейктической и метатекстовой функциями, демонстрируя попытку субъекта речи организовать высказывание (что можно обозначить как «метатекстовый демонстратив»). Эмоциональное выделение слова, до или после которого следует ДС *вот*, связано с интенцией к метаязыковой критике. Конвенциональная функция открытия новой темы в ПД приобретает дополнительное значение: *вот* маркирует сдвиг от коммуникативного режима к нарративному. Также осуществляет диатетический сдвиг в рамках субъектно-объектных построений. Кроме того, *вот* участвует в конструировании особых отношений ПД с пространством смысла, что означает затрудненность интерпретации и (а)логическую организацию высказывания.

Here. There. Now

Лексикографическое описание:

Here: 1. Используется при жестикуляции для обозначения предполагаемого места. 2. Используется для привлечения внимания к кому-то или чему-то, что только что появилось. 3. Используется для обозначения времени, момента или ситуации, которая наступила или происходит. 4. Используется для привлечения чьего-либо внимания [Oxford: 15 248].

There: 1. Используется при жестикуляции для обозначения предполагаемого места. 2. В этом отношении; по этому вопросу. 3. Используется для привлечения чьего-либо внимания или привлечения внимания к кому-либо или чему-либо 4. Используется для обозначения факта или существования чего-либо [Oxford: 34 326].

Now: 1. Используется для подчеркивания определенного отрезка времени, о котором говорится. 2. Используется, чтобы привлечь внимание к определенному

утверждению или моменту в повествовании. 3. Используется в просьбе, инструкции или вопросе, как правило, для выделения отрезка речи. 4. Используется при паузе или обдумывании следующих слов [Oxford: 22 691].

Операция: Характеризует высказывание как указание на определенное место или отрезок во времени. Говорящий использует эти ДС для привлечения внимания собеседника.

Маркеры пространственного дейксиса *here* и *there* частотно встречаются в ПД в антонимической паре так же, как и к *here* нередко подключается показатель временного дейксиса⁵⁹, функционально близкий к этой единице. Рассмотрим функционирование этих сочетаний.

В следующем примере (27) в первом употреблении *here* относится к пространственному дейксису (=здесь), тогда как в последующем употреблении единицы *now.here* в связи с нестандартной синтаксической позицией⁶⁰ могут быть в равной степени отнесены к ДС, где *here* выступает аналогом русскоязычного ‘*вот/и вот*’, а *now* — ‘*итак/а теперь*’. При этом такое прочтение единиц в качестве ДС (как и в случае с дейктиками) связывает их значение с характеристикой коммуникативной ситуации во времени и пространстве.

27. *No other world but here.it.is.all.*

now.here, all world nowhere

else

(R. DuPlessis)

Во фрагменте (27) *now* и *here* представлены в особом графическом оформлении: вместо пробелов слова разделяют точки. Этот прием можно отнести к парцелляции, хотя он отличается специфическим способом реализации — в

⁵⁹ Например: *They of here was there a place where north grew* (R. Silliman); *The only mitigation between “out there” and “in here” is doubt about social hierarchies and the boundaries of the property system. // A little word, one word or another here or there? / And now it's put back?* (R. DuPlessis); *One can look for it and already one is not oneself, one is several, /a set of incipencies, incomplete, coming into view/ here and then / there, and subject to dispersal* (L. Hejiniian); *Here there / Here there / Here* (Ch. Bernstein); *Now we're out. / Here is a debt paid* (A. Carson); *T(here)* (M. Palmer) и т.д.

⁶⁰ Пара ДС употреблена в начале строки, а после *here* следует запятая, что не характерно для наречий, но характерно для вводных слов.

отсутствии пробелов и заглавных букв. Такой формат может указывать на интонационное акцентирование каждого из элементов этой конструкции, а также на попытку выделить определенный момент во времени и пространстве, которые представлены в общей связке. Стремление репрезентировать кратчайший отрезок времени и пространства мотивирует «расчленение» высказывания на мельчайшие отрезки. Обратим внимание на то, что это высказывание локализуется на странице в качестве печатных слов, поэтому время и место здесь неразрывно связаны с планом выражения, которым они не только обозначены, но и в котором материализованы буквально: *here* и *now* — это не только лексические единицы, но и графические символы, занимающие место на странице, а также время, затраченное на их написание/прочтение. Вероятно, именно с установкой на демонстрацию этого «мимолетного мгновения» и «растворяющегося» в письме/чтении пространства связан отказ от пробелов. Таким образом, в приведенном фрагменте манифестируется автореферентность поэтического высказывания и реализуется сдвиг от дейктической функции к метатекстовой. Также укажем на игру слов, в рамках которой сложение единиц *now* и *here* образует антонимический этому двусложному значению дейктик *nowhere* ‘нигде’, что выражает основополагающую идею постструктурализма о том, что нет ничего, внеположенного тексту⁶¹.

28. *Palimpsest mappings*

*across the power lines grid into historical reckonings. **Here's** where Tom Mooney didn't bomb the war parade. The signage says **here** that you're **there now**, reading that **there here**.*

(D. Buuck)

Во фрагменте (28) использованы сразу три дейктических показателя. В тексте упоминаются различные исторические события, связанные с одним и тем же районом в городе, именно поэтому субъект речи использует образ палимпсеста. Пространство города воспринимается как карта, на которую

⁶¹ “Il n'y a rien hors du text” [Derrida 1967: 232].

наносятся события — новые поверх старых, поэтому *here* и *there* не взаимоисключаются и имеют такое же отношение ко времени, как и к пространству. Таким образом, время-пространство мыслится в единой связке. *Here* приравнено к *now*, тогда как у прошлого существует только пространственное определение *there* (и в одном из случаев вспомогательный глагол прошедшего времени *didn't*).

Толкование в ПД

ДС *here, there, now* осуществляют указание на определенный момент во времени и пространстве, которые представлены в совокупности. Окациональная деривация и графическое написание этих ДС отображает стремление передать кратчайший отрезок времени и исчезающее при письме/чтении пространство, благодаря чему реализуется сдвиг от дейктической функции к метатекстовой, а также — между пространственной и временной соотнесенностью.

Уже

Лексикографическое описание: 1. Указывает на событие, которое произошло или произойдет раньше, чем ожидал говорящий. 2. Указывает на временной признак, оцениваемый как продолжительный (более продолжительный, чем хотелось бы) [Шимчук, Щур 1999: 133].

Операция: Характеризует информацию по временному признаку как нечто произошедшее раньше или позже ожиданий говорящего.

Функционирование в ПД:

Единица *уже* подробно изучена в ряде трудов [Апресян 1980, 1986; Богуславский 1996; Гойдина 1979; Моисеев 1978; Мустайоки 1988].

Рассмотрим специфическое функционирование данного ДС на материале АПК:

29. *Эти губы чем он обуглен тот рот*
повернут тебя вспять
от угасанья

*Этот взгляд глаз с поволокой войдет
ребра расширив собой
в уже ставшую ровной жизнь*

(С. Завьялов)

В данном фрагменте представлена трехфазная резкая смена дистанции (*zooming in — zooming out* (наведение и удаление фокуса)): от проксимального дейктика *эти* к дистантному *тот* с последующим новым приближением *этом*. ДС *уже* употреблено в традиционном значении: «ситуация, маркированная данной единицей, начала иметь место в *t* или раньше и сохраняется в *t*» [Богуславский 1996: 232]. И все же мы обозначаем употребление ДС *уже* во фрагменте (29) как аномальное. Его специфика заключается в том, что *уже* в сочетании с типичным для него предикатом прошедшего времени, грамматически выраженным причастием (*ставшую*), относится к ситуации в будущем, что показано в смежных клаузах посредством глаголов *повернут*, *войдет*. Рассуждая о подобных аномалиях в ПД, Л.В. Зубова выделяет такое явление, как несовпадение грамматического времени и темпоральности отдельного стихотворения [Зубова 2021], а в данном случае можно указать на такое несовпадение в рамках отдельного фрагмента.

Учитывая, что ситуация, описываемая во фрагменте, относится к будущему времени, ДС *уже* в сочетании с причастием прошедшего времени сигнализирует о пророческом характере высказывания, когда обозначенная реальность в будущем настолько неотвратима, что воспринимается как свершившийся факт. Концепция темпоральной конвертации (прошедшее в будущем и будущее в прошедшем) подтверждена в контексте: *повернут тебя вспять от угасанья*. Кроме того, употребление причастия в прошедшем времени в значении будущего может указывать на субъективное ощущение преждевременности маркированного данной единицей события.

В словаре [Шимчук, Щур 1999: 133] одним из значений *уже* приводится указание «время события воспринимается как не образующее единого целого с тем временем, в котором мыслит себя говорящий». В примере (29) этот

семантический эффект усилен посредством сочетания прошедшего и будущего времен, не образующих в связке репрезентации настоящего актуального момента.

30. *так неужели ты сам уже*

уподобился дереву

(нет: они гниют и засыхают

одно за другим —

траве уж скорее так укоренившейся

в этой земле)

(С. Завьялов)

В примере (30) отмечается контрастность функций *уже* и родственного ему ДС *уж* со снятой идеей времени (по: [Урысон 2007]).⁶² *Неужели* в сочетании с *уже* выражает идею преждевременности — как и в предыдущем фрагменте. По мнению субъекта, этот момент (уподобления дереву) должен был наступить позже. При этом ответ (содержащий единицу *уж* в сочетании со *скорее*) маркирует возражение⁶³ не предмету удивления собеседника (преждевременности), а тому, что изначально не подвергалось сомнению или оценке, объекту уподобления (уподобился не дереву — а траве). Диалогизированная конструкция с неконвенциональным оформлением, где реактивная реплика с возражением помещена в скобки (воплощающие интериоризацию речи), свидетельствует об осуществлении автокоммуникативного конфликта.

Толкование в ПД

ДМ *уже* реализует сдвиги по временной шкале, образуя несоответствие грамматического времени и темпоральности отдельного фрагмента, также

⁶² Обратим также внимание на фонетическое созвучие в первой строке фрагмента (*неужели* и *уже*), что создает свойственный ПД акцент на плане выражения.

⁶³ Такие случаи употребления Е.В. Урысон определяет как «уж опровергающее» [Урысон 2007: 535].

выражает идею о темпоральной конвертации. Кроме того, сигнализирует о пророческом характере высказывания, оцениваемом как совершенный факт в рамках ситуации в будущем. Указывает на событие, произошедшее раньше ожидаемого момента во времени. Участвует в автокоммуникативном конфликте в рамках диалогической конструкции.

2.4. Интерперсональные дискурсивные слова

В существующих классификациях, рассмотренных нами в первой главе ([Fraser 1996; Maschler 2009 и др.]), распространено обозначение этих единиц как «интерперсональных ДС (или ДМ)», поскольку они обладают выраженной направленностью на адресата и апеллируют к непосредственной диалогической коммуникации. Учитывая, что в новейшей поэзии внутренняя автокоммуникация (по Ю.М. Лотману) дополняется интенцией на внешний диалог с адресатом, что обозначается с помощью маркеров речевой интеракции и моделирования ситуации прямого диалога с читателем (особенно активно используемых в поэзии в новых медиа), мы используем термин «интерперсональные ДС».

В данную группу включены ДС, понимаемые как маркеры непосредственной коммуникации, традиционно служащие для привлечения внимания, соблюдения норм этикета, передачи актуального эмоционального состояния субъекта, хезитации, а также прямой реакции на высказывание собеседника.

Таблица 4. — Интерперсональные дискурсивные слова

Реактивные ИДС		Фатические (этикетные) ИДС		ИДС хезитации		Эмоциональные ИДС	
<i>да,</i>	<i>yeah</i>	<i>пожалуйста</i>	<i>please</i>	<i>ну</i>	<i>well</i>	<i>o!</i>	
<i>нет*</i>					<i>like</i>		<i>wow</i>
	<i>no</i>						

2.4.1. Реактивные дискурсивные слова (*да, нет, yeah, no*)

Количественные показатели *да* (570), *нет* (980) и *yeah* (117) (*/yes* (297)) и *no* (212) соотносятся с результатами сопоставительного исследования этих единиц русском и английском языках, проведенного В.З. Демьянковым [Демьянков 2005]. В указанной работе в том числе рассматриваются монологические случаи употребления прототипических маркеров согласия/несогласия, при этом в русскоязычных контекстах ДС *нет* превалирует (что отражено в ПД). Как отмечает В.З. Демьянков, данные ДС частотно употребляются не в опровержение какого-либо эксплицитно высказанного мнения, но в рамках реализации стратегии «драматизации», отражающей внутренние противоречия субъекта и его интенсивную мыслительную активность. В англоязычных контекстах эти единицы встречаются значительно реже, что связано с синтаксической системой английского языка, когда *yes* или *no* «согласуется с полярностью предиката» [Там же: 139]. При этом, как отмечает исследователь, для русского языка характерно приоритетное указание на правоту или неправоту собеседника [Там же].

Кроме того, нами было выявлено, что в англоязычных текстах заметно больше предложений, начинающихся с *yes* (в настоящей работе мы анализируем разговорный вариант этой единицы — *yeah* (в силу того, что ее употребление более показательно в рамках нашей задачи)), тогда как в русскоязычных — более частотно употребление *нет*, что не отображено в основном корпусе НКРЯ (там показатели *да* и *нет* практически совпадают), но отображено в АПК.

Yeah

Лексикографическое описание: Нестандартное написание *yes* (используется для утвердительного ответа), представляющее неформальное произношение [Oxford: 38 324].

Операция: Указывает на реактивное подтверждение или согласие в ответ на предложение собеседника.

Функционирование в ПД:

По данным А. Джакера и С. Смита [Jucker, Smith 1998], наиболее частотно ДС *yeah* используется для подтверждения получения информации, новой для

адресата, но согласующейся с текущей активной информацией. Следующий пример из ПД иллюстрирует это положение:

31. *The Prince*

*laughed, and said, You look after
the hens? The Parrot answered,*

***Yeah**, and I'm pretty good at it, too...*

(E. Ostashevsky)

Посредством *yeah* говорящий ссылается на информацию, которая была дана ранее, и апелляция к которой осуществляется в конце высказывания при помощи единицы *too*. Также ДС *yeah* в примере (31) используется для подтверждения информации, активизирующейся повторно.

В следующем фрагменте представлен пример поэтической автокоммуникации, в процессе которой субъект речи производит рефлексию такой характерной ПД процедуры, как экстериоризированного диалога с самим собой.

32. *Why are you talking to yourself, isn't talking meant for another, but I is, **yeah** you 'is' alright*

(E. Ostashevsky)

В примере (32) *yeah* при активизации персонального дейксиса дублируется информация, в рамках которой реализуется сдвиг к местоимению второго лица (при диалогизации внутренней речи), что сигнализирует о внутреннем дистанцировании от собственного «я». Здесь же отметим еще один сдвиг в области персонального дейксиса: от «я» и «ты» — к указанию на третье лицо, которое проявлено в форме глагола в третьем лице (*is*) (так реализуется механизм *zooming-out*). Обратим внимание на то, что в части высказывания, маркированной *yeah*, повторяется информация, касающаяся предиката, — во второй раз приведенного в кавычках. Кавычки в данном случае выступают особым маркером удвоения, когда интенсифицируется сам жест отстранения субъекта речи, не только, как мы уже указали, от собственного «я», но и от своего существования в целом (*'is'*).

Далее приведем фрагмент из поэтической книги Б. Мэйер «Память», которую можно считать результатом эксперимента: в течение месяца поэтесса каждый день вела документальную съемку с фиксированным хронометражем и сопровождающий фильм поэтический дневник. Эта запись повседневности с потоком сознания отображает переменчивое течение настоящего момента в формате поэтического высказывания⁶⁴. С учетом того, что в рамках конвенционального употребления *yeah* используется для осуществления фатической функции, реализующей обратную связь и в то же время способствующей интеграции новой информации в ментальное пространство адресата, а также в связи с «поточковой» формой изложения, мы объясняем частотное употребление ДС *yeah* как попытку мгновенной рефлексии внешних впечатлений. Посредством *yeah* выделяется конкретная часть информации, которая подлежит непосредственному осмыслению и «удерживает» внимание адресата. Кроме того, помимо интенции множественных фатических интеракций и задачи интеграции информации в собственное ментальное пространство субъект осуществляет метаязыковое признание пограничного статуса данной единицы (внутренней и внешней коммуникации).

33. *why?/ yeah doesnt that look like a casket to you/ she looks like barbra streisand doesnt she/yeah/oh*

that's great looks like something/yeah this is the first time you've seen these/ yeah well i held them

up to the light [...]

looks like a man on top doesnt it/yeah it does wonder if it is, no it couldnt be could it/i think its the other

crane/yeah its one of those cranes/those buildings are gonna be so ugly when they're not yellow

⁶⁴ Б. Мэйер назвала «Память» «эмоциональным научным проектом». Память, как она говорит, «всегда здесь, чтобы войти, как мир снов или непрекращающееся телешоу» (“Artbook. The D.A.P. catalogue”, 2020).

anymore/i know/this is a whole series on them/see that cross/its great blue sky/yeah/they don't look big [...]

(B. Mayer)

Толкование в ПД:

При помощи *yeah* производится референция к данной ранее информации. Также ДС участвует в диалогизации внутренней речи. При попытке мгновенной рефлексии внешних событий посредством *yeah* выделяется часть информации для непосредственного осмысления. Осуществляет интенцию множественных фатических интеракций и интегрирует новую информацию в ментальное пространство субъекта. Участвует в метаязыковой рефлексии.

No

Лексикографическое описание: 1. Используется, чтобы дать отрицательный ответ. 2. Выражает несогласие или возражение [Oxford: 38 575].

Операция: Характеризует ответную реплику как возражение или отрицание в ответ на предложение собеседника.

Функционирование в ПД:

34. *All language quotes that. Sentences are occasional in the strict sense. This is a cloud chamber. No, this is what might exist only within one. That strippt to gesture. Neon arrow.*

(R. Silliman)

Во фрагменте (34) *no* выражает возражение, однако осуществление этой интенции носит специфический характер. То высказывание, которому выносятся возражение, содержит в себе прямое номинальное определение предмета через дейктическое указание (*This is a cloud chamber* ‘Это камера Вильсона’⁶⁵). В высказывании, маркированном ДС *no*, косвенно определяется этот же объект (это подтверждается повторным указанием *this is*, которое во втором случае

⁶⁵ Прибор для регистрации следов мельчайших заряженных частиц.

предваряет единица *no*) посредством приведения основополагающего условия для его существования: *this is what might exist only within one* ‘может существовать только в ее пределах’. Такое косвенное возражение выстраивается из предпосылки того, что камера Вильсона существует не «в собственных пределах», поскольку научный эксперимент, для которого этот прибор используется в физике, требует соблюдения суммы определенных правил и условий. Однако *это*, о чем идет речь во фрагменте (*This is a cloud chamber*) — самодостаточно само по себе (*No, this is what might exist only within one*) и функционирует в собственных рамках, как если бы речь шла о мельчайших частицах, которые изучаются при помощи камеры Вильсона. Такое определение коррелирует с концепцией автора разбираемого фрагмента — «новым предложением» [Silliman 1987]⁶⁶. Таким образом, интерпретация возражения, маркированного *no*, может также основываться на идее о выражении противоречивости как характерной особенности поэтического высказывания, чья интерпретация не может представить объективное фиксированное значение.

В следующем фрагменте (35) *no* осуществляет прагматический сдвиг и маркирует автономное предложение с возражением, адресованным внешнему собеседнику:

35. [...] *At exit permit
person in front to clear barrier before inserting ticket. It's
speech if listen. No, Lyn, wrong, tranquility is not a condition of
mind & tranquil the body, but each an aspect of tone at the
interface of both. Hill high city side.*

(R. Silliman)

⁶⁶ Как пишет Б. Перельман, новое предложение формально не отличается от любого другого предложения, но его специфика обнаруживается в смежном положении с другим предложениями. Новые предложения не подчиняются глобальному повествовательному фрейму, хотя и их сочетание обладает не абсолютно случайным характером. Таким образом, внутренний, самостоятельный смысл нового предложения усиливается, подвергается сомнению и изменяется в зависимости от степени его автономности или наоборот связи с контекстом, что полностью зависит от читательского восприятия [Perelman 1993].

Как мы можем предположить, обращение *Лун* относится к поэтессе Лин Хеджинян, современнице автора разбираемого фрагмента. Однако учитывая множественную направленность поэтической адресации (см. Глава 1) даже при эксплицитном обозначении адресата, поэтическое сообщение в том числе является автокоммуникативным актом. Субъект речи, продолжающий внутренний диалог с названным реальным именем персонажем своего текста, посредством ДС *no* высказывает возражение мыслимому высказыванию адресата, в то же время отсылая к нему как к участнику внетекстовой действительности.

Толкование в ПД:

ДС *no* маркирует косвенное возражение. Сигнализирует о противоречивости как характерной особенности поэтического высказывания, отмечая «разрыв» на уровне структуры и семантики текста. Также вводит возражение внешнему по отношению к высказыванию адресата, указывая на него как на элемент внетекстовой действительности, с которым посредством возражения реализуется связь и которому вместе с тем противопоставляется поэтический мир.

2.4.2. Фатические (этикетные) дискурсивные слова (*пожалуйста, please*)

Пожалуйста

Лексикографическое описание: Выражение вежливого обращения, просьбы, согласия, ответа на благодарность [Ожегов: www].

Операция: Характеризует высказывание как просьбу.

Функционирование в ПД:

36. [...]за двоих передайте, ***пожалуйста,***

что мы устали, но благодарны,

спасибо

(Е. Соколова)

ДС *пожалуйста* во фрагменте (36) участвует в приеме «омонимической аттракции». Данный прием представляет собой частный случай более широкого явления, известного как «паронимическая аттракция», которая описана В.П. Григорьевым как сближение фонетически похожих слов (аттракторов) в конкретных текстах, что способствует возникновению между ними сложных семантических отношений, включая «поэтико-этимологический аспект», образную мотивировку, обеспечивающую функционально-смысловую нагрузку, экспрессивные коннотации и т.д. [Григорьев 1979: 274–280]. В русле общего явления паронимической аттракции В.П. Григорьев выделяет паронимические омонимы, синонимы и антонимы и [Там же: 273, 279].

В примере (36) этот прием реализуется за счет активизации полисемии слова *передать* в двух значениях: 1) передавать некий объект другому субъекту (в данном случае оплату) 2) воспроизводить чье-либо сообщение третьему лицу. Таким образом, устойчивое выражение, используемое в общественном транспорте при оплате проезда «передайте [за проезд]» совмещается с оборотом «передать [сообщение]». При этом *пожалуйста* маркирует обе просьбы, как и сопутствующий маркер благодарности *спасибо*. Отметим, что омонимическая аттракция в данном случае, как и в предыдущих примерах, основана на различии в прагматическом значении, проявляющемся в конситуациях речевого взаимодействия, а не на лексическом уровне⁶⁷.

В следующем примере моделируется поэтическая автокоммуникация:

*37. кажется на меня все смотрят и без сочувствия а как-то укоризненно
что ли*

*извините говорю в пустоту голова болит с вами тоже наверно такое
бывает*

*не смотри шепчу на меня **пожалуйста** кошка и ты не смотри собака
и Ты Ты **пожалуйста** закрой что ли глаза ненадолго.*

⁶⁷ Омонимию понимают как явление звукового совпадения слов при их семантическом различии. Мы же имеем дело с прагматической омонимией, когда различие обнаруживается не в контексте, а в коммуникативной конситуации.

Просьба, в которой содержатся маркеры речевого этикета (*извините, пожалуйста*), в первом случае адресована кошке, в последней строке — вероятно, Богу (поскольку местоимение *Ты* употреблено с большой буквы). Субъект просит окружающих закрыть глаза, хотя из контекста можно заключить, что он находится в одиночестве (*говорю в пустоту*) и предположительно сам закрывает глаза, что обычно происходит при головной боли (о которой нам известно из контекста). Интерперсональная этикетная единица формально обращена к неговорящим существам и сущностям, что позволяет субъекту дистанцироваться от собственного «я», проектируя модель автокоммуникации. Эта автокоммуникация связана с ситуацией самокритики, о чем свидетельствует контекст (*все смотрят и без сочувствия а как-то укоризненно*), и потребностью прекратить произведение этой критики, на что нацелено употребление маркеров этикета (*извините, пожалуйста*).

Р. Лакофф выделяет сохранение дистанции как один из компонентов мотивации выбора вежливых речевых формул [Lakoff 1973]. При этом использование маркера разговорной единицы *что ли* сигнализирует о максимальном сокращении коммуникативной дистанции, что формирует противоречие в рамках данной конструкции в связи с уважительным написанием местоимения *Ты* с большой буквы. Посредством репрезентации такой изменчивости в выражении отношения к адресату эксплицируется вариативность характера автокоммуникации, который может различаться даже в рамках одного высказывания.

Толкование ПД:

ДС участвует в приеме омонимической аттракции, основанной на различии в прагматическом значении. Маркирует автоадресованное сообщение, апеллируя к процедуре самокритики и одновременно сигнализируя о желании остановить воспроизведение этой критики. Кроме того, участвует в формировании динамической дистанцированности субъекта от собственного «я».

Please**Лексикографическое описание:**

Используется в вежливых просьбах или вопросах [Oxford: 25 413].

Операция: Характеризует высказывание как просьбу.

Функционирование в ПД:

38. *A sighting of*

*quack, whack, eek, roar, thanks, yell, utter, ink, ouch, **please**, agh, sh*t⁶⁸, damn, f**k, god, hell, jouissance, kill, zounds, x-ed out, cocorico, vanish, bugger off, no, moo.*

(D. Bromidge)

В данном фрагменте представлена депрагматикализация ДС в ряду других функциональных и лексических единиц, наделенных синтаксической ролью дополнений. Такое перечисление, в котором не связанные семантически и логически лексемы приводятся вне синтаксических отношений, создают эффект каталогизации⁶⁹. В рамках этого «каталога» языковые единицы предстают своего рода «объектами», что усиливается посредством зрительной операции (*sighting of*). Этот прием может свидетельствовать о такой форме метаязыковой рефлексии, когда язык как предмет рассмотрения репрезентирован как буквальный предмет.⁷⁰

Подчеркнем, что в рассматриваемом фрагменте в основном представлены ДС, а также различные функциональные единицы, которые не имеют предметного денотата. При этом из фатических ДС, кроме *please*, в списке использована единица *thanks* как прототипическая пара к *please* (в рамках отношения «просьба-благодарность», в нашем примере маркеры приведены в обратном порядке). Поскольку подобное перечисление апеллирует к опыту повседневности, «списку

⁶⁸ Здесь и далее ненормативная лексика заменена «*» — Е.З.

⁶⁹ Кроме того, укажем на прием объективизации ДС посредством помещения в особый поэтический список [Жолковский 2014], отсылающий как к традиции У. Уитмена, так и к философскому направлению объектно-ориентированной онтологии.

⁷⁰ Такую стратегию можно считать распространенной в современном ПД. Она связана со стремлением поэтов помыслить язык, «освобожденный» от человеческого (социального) взаимодействия, в его внутренней интеракции, что также может апеллировать к машинным, то есть не антропоцентрическим, процессам языкового порождения.

дел» или «списку покупок» (с чем коррелирует образ «витрины» — *sighting of*), можно предположить, что эти маркеры выбраны субъектом как одни из наиболее частотных в обыденной коммуникации, причем присутствие одного ДС предполагает аттракцию второго.

В следующем примере (39) посредством семантической несочетаемости (показатель вежливой просьбы *please* в смежном положении с грубым *f*cking*) достигается эффект неуместности⁷¹. Таким образом, интенция просьбы изначально маркированная ДС *please*, модифицируется в более грубый императив — приказ или команду с элементами угрозы. Контекст указывает на автокоммуникативный, а также симультанный характер этого высказывания (в обсуждаемом фрагменте субъект упоминает записную книжку поэта в процессе самого письма), благодаря чему реализуется автокоммуникативный конфликт:

39. *Parked outside the forest*

pastoralists.

all night.

*'Please put your f**king notebook away.'*

What does decomposition have to do with evolution?

Who writes anymore, anyway?

Толкование в ПД:

ДС *please* в ПД осмысляется как один из основных маркеров повседневной межличностной коммуникации, что реализует осмысление коммуникативной ситуации. Единица депрагматизируется и объективируется, что свидетельствует об особой форме метаязыковой рефлексии. Помимо этого, *please* входит в состав высказывания, чья изначальная интенция просьбы сдвигается к угрозе в рамках автокоммуникативного конфликта.

⁷¹ Ср. с «Простите, я на Вас наплевал» (раскаяние явно недовложено)» [Демьянков 2019].

2.4.3. Дискурсивные слова хезитации (*ну, well, like*)

Ну

Лексикографическое описание: Употр. в повествовании или в ответной реплике диалога; обычно выделяется паузами: может произноситься протяжно. Указывая на поиск продолжения высказывания, необходимого ответа, выражает затруднительность или приблизительность соответствующего выбора [Шимчук, Щур 1999: 97].

Операция: Выражает поиск формулировки говорящим, заполняет паузу в речи.

Функционирование в ПД:

40. здесь дело *понимаете ли... ну, в такой как вам сказать*

в такой особенной если так можно выразиться

ну... сами понимаете... нет, не интонации, конечно,

не интонации

да вы всё понимаете я вижу просто оба не можем

подобрать правильное слово для этого

[...]

вот как бы некоторая вещь... ну или не вещь а субстанция там

короче нечто

[...]

простите если загрузил но хочется всё-таки объяснить

ну то есть само существование этого скажем так, нечто

оно мерцает

(Д. Давыдов)

Множественные ДС в примере из текста Д. Давыдова, в основном маркирующие хезитацию, связаны с «преодолением коммуникативного затруднения» [Добровольский, Левонтина 2017]. В приведенном примере частотное употребление ДС указывает на «заминку»: субъект не может подобрать слово, которое исчерпывающе передало бы подразумеваемый смысл и, по формулировке И.Б. Левонтиной и Д.О. Добровольского, «подталкивает сам себя»

[Там же]. Опираясь на эту интерпретацию *ну* в качестве *автоимператива*, мы считаем, что ДС *ну* в ПД обладает выраженной автокоммуникативной направленностью.

При помощи *ну* и других частотных ДС отображается тщетный поиск подходящей формулировки для выражения некой идеи, не поддающейся выражению, что отображает авторефлексивный характер ПД, позволяющий исследовать собственные выразительные возможности. Ситуация непосредственной коммуникации моделируется за счет включения многочисленных единиц, маркирующих адресацию к собеседнику (*как вам сказать, сами понимаете, простите*), а также единиц, свойственных неформальному общению (*вот как бы, короче, ну то есть, там и др.*). Сам объект обсуждения намеренно не называется, и на протяжении всего текста предпринимаются множественные попытки представить определение *этому* при помощи отвлеченных авторских аналогий и ассоциаций: *представьте такой себе значит пленэр / ну там какое болотце или...* Ближе к концу текста субъект подводит свое высказывание к тезису о том, что *целостность она как бы состоит из всяких мелких деталек*, подразумевая, что любой предмет требует подробного и разностороннего рассмотрения. В тексте также частотны метакомментарии, касающиеся неспособности субъекта адекватно обозначить предмет речи (*надо это объяснить иначе; как вам точнее объяснить; это такая сложная штука для объяснения; просто оба не можем / подобрать правильное слово для этого*).

В этом фрагменте отображена специфика реализации такой «классической» поэтической стратегии, как неназывание предмета⁷² в новейшей поэзии. Если в классической поэзии невозможность называния выражалась через призыв к молчанию (Ф. Тютчев «Silentium!») или анафорическую замену — в авангардной поэзии (В. Маяковский «Про это»), то в современной поэзии в фокусе рефлексии

⁷² Осмысляя эту стратегию как черту поэтической коммуникации, И.И. Ковтунова поясняет, что в поэтическом дискурсе «наименование предмета речи бывает не только избыточным, но и невозможным в силу его сложности, отсутствия готового имени, или нежелательным, поскольку имя дает лишь общее понятие о предмете, не раскрывая индивидуального представления поэта о его сущности» [Ковтунова 1986: 7].

оказывается сам процесс внутреннего поиска номинации. В результате чего происходит замена лексически неназываемых единиц ДС, обладающих большей функциональностью. Таким образом, реализуется не только стратегия умолчания («неназывания»), но и смещение фокуса поэтической рефлексии на прагматическое измерение языка.

Кроме того, за счет частотного включения ДС достигается эффект непосредственной коммуникации с использованием подчеркнуто разговорных выражений. Во взаимодействии разговорной речи и поэзии демонстрируется стремление расширить границы поэзии в преодолении установок, связанных, в частности, с представлением о ней как о возвышенном регистре языка.

41. *Будто птица была разостлана над оком империи;
но, распластав зрение, шарили бы займы у поросли.
Ну... вроде как если во сне держать на весу руку,
ничего не касаясь вплоть стены за стеною,
над изломом графитного лета следуя блесне сквозняка*

(А. Драгомощенко)

Во фрагменте (41), напротив, используются синтаксически нагруженные конструкции, не свойственные разговорному языку, то же касается и лексики (за исключением редких вкраплений *шарили, ну*) в основном состоящей из слов, характерных для письменной формы выражения, традиционно поэтических единиц (как, например, *оком*). Также некоторые грамматические признаки (флексия *-ою* в слове *стеною*) и неконвенциональные словосочетания в рамках авторской метафоры (*распластав зрение, излом графитного лета*) свидетельствуют о подчеркнутой «поэтичности» высказывания (что выражено лексически), смоделированного в процессе письма. Использование ДС *ну* в том числе подтверждает идею о симультанности мышления и письма, учитывая, что данная единица выполняет указанную функцию непосредственного автоимператива субъекта речи. Таким образом, в рассматриваемом тексте сочетаются два дискурсивных режима: спонтанная (авто)коммуникация и фрагмент высказывания в письменном формате. Как отмечает И.И. Ковтунова, в

поэтическом дискурсе языковые элементы, апеллирующие к условиям коммуникации, в частности интерперсональные единицы, относятся к сфере внутренней речи, отображающей диалог субъекта с собой, персонажем или с максимально неопределенным и широким собеседником — мирозданием [Ковтунова 1986б]. Так, поэтический дискурс сближается с внутренней речью, перенимающей в свою очередь стратегии внешней коммуникации. Во фрагменте из стихотворения А. Драгомощенко показано, что ПД, представленный в формате письменной речи, не является апостериорным по отношению к размышлению (внутреннему диалогу) и отдельной от него практикой, а разворачивается одновременно с такого рода (авто)коммуникацией и по сути является одной из ее самостоятельных форм.

Толкование в ПД:

ДС ну участвует в имитации неуспешной коммуникации с множественными паузами, «заминками», что нацелено на критическую рефлекссию ограниченных возможностей языка к выражению информации и конвенциональных стратегий речевой интеракции с ее установкой на релевантность, ясность и успешность. Помимо этого, ДС ну участвует в совмещении двух дискурсивных режимов: спонтанной (авто)коммуникации (внутреннего диалога) и поэтического высказывания.

Well

Лексикографическое описание:

1) Используется для выражения ряда эмоций, включая примирение или облегчение. 2) Используется при паузе для обдумывания следующих слов, для обозначения возобновления или окончания разговора и т. д. [Oxford: 37 587].

Операция:

Служит для обозначения обдумывания формулировки во время разговора.

Функционирование в ПД:

В следующем фрагменте из стихотворения Ч. Бернстина ДС *well* предваряет конструкцию, содержащую внешнюю адресацию, сигнализируя о конфронтации участников коммуникации (*shady days after all's said*):

42. *Really did, that I can't and won't and wouldn't for a word of stealth become agent of your impeccable surfeit, shady days after all's said. Well, my hear, where is the t, the only one you're ever gonna, or is that going to, or too, gonna needles, needless, to sew, say.*

(Ch. Bernstein)

В тексте используется прием игры слов, осуществленной при помощи омофонии и созвучия. Так, само обращение *my hear* коррелирует с традиционным эпистолярным обращением *my dear* и в то же время функционирует как императив *hear* ‘услышь’. В следующей конструкции (*where is the t*) *t* может обозначать омофоничное ему слово *tea* (‘чай’)⁷³. *To* (частица инфинитива или предлог направления движения) омофонична приведенной ему паре *too* ‘тоже’; *needles* ‘швейные иглы’ — частичный омофон *needless* ‘бесполезный’. Графон *gonna* употребляется наравне с грамматически корректной формой *is going to*. Мотивация такой игры, возможно, состоит в том, чтобы сместить фокус со специфики коммуникации (в данном случае апеллирующей к переписке в различных форматах) на демонстрацию эстетического потенциала поэтического языка. Таким образом, производится критика отношения к языку как к инструменту, в результате которой язык объективируется посредством эксплицитного выдвижения поэтической функции на первый план, что способствует активизации и деавтоматизации читательского внимания.

43. *Thicngs are the*

juncted ponts.

*Diecast power stick in your craw? Well, f*ck off.*

⁷³ Подобные сокращения используются в смс-переписке или онлайн-коммуникации. Так, можно указать на ироническое осмысление такого формата диалога посредством использования индексов переключения между разными дискурсами.

В исследованиях указывается несколько прагматических функций *well*, таких как инициация/ответ; хезитация; указание на последующее закрытие темы; фрейм-маркер (переход к новой теме); уточнение/поправка; смягчение (индикатор вежливости) [Jucker 1993; Ran 2003]. Во фрагменте (43) посредством *well* реализуется несколько разнонаправленных функций: заведомо неуспешного смягчения экспрессивного выражения, акцентирование автокоммуникативного конфликта, а также хезитации. Смягчение названо неуспешным, поскольку в отношении грубого просторечия, содержащего обценную лексику, такое смягчение не выполняет условие искренности. Согласно А. Джакеру, *well* в качестве смягчающего маркера используется в отношении косвенного, не прямо выраженного несогласия или отказа [Jucker 1993].

Обратим внимание на намеренно эрративное написание слов, маркирующее спешку и волнение пишущего, за чем следует высказывание с *well*, содержащее нецензурную лексику и написанное при этом корректно. Такой прием можно соотнести с хезитационной функцией *well*, когда субъект берет паузу, чтобы сформулировать свою мысль точнее и/или подробнее. Таким образом, в примере (43) мы наблюдаем сдвиг экспрессивности: эксплицитная экспрессия (представленная нецензурной лексикой) в речи маркирована смягчающим ДС и выражена сдержанно (что, в том числе, отображено при помощи точки в конце высказывания). Эта сдержанность, которую возможно определить как демонстративное напряжение, особенно проявлена на фоне «опечаток» предыдущего контекста. Также *well* в данном примере маркирует однозначное закрытие темы — завершение автокоммуникативного конфликта.

Толкование в ПД:

Well предваряет внешнюю адресацию, сигнализируя о конфронтации собеседников, а также участвует в метаязыковой рефлексии при критическом отношении к инертному использованию языка и реализации поэтической функции (автореференции к плану выражения). Кроме того, посредством *well* осуществляется заведомо неуспешное смягчение экспрессивного выражения.

Помимо этого, ДС участвует в автокоммуникативном конфликте и служит маркером его завершения.

Like

Лексикографическое описание: Маркер разговорной неформальной речи, используется в качестве «наполнителя» или для обозначения неуверенности говорящего в отношении только что употребленного выражения [Oxford: 19 021].

Операция: Служит маркером заполнения паузы в речи, демонстрирует неуверенность говорящего в выборе средств выражения.

Функционирование в ПД:

44. *Minute wavers right here:*

*frost was “candied vapor” hail was “broken water” snow was “curdled water”
it was all like that. That time, like that place.*

*It was, **like**,*

impending harbingers were, “like that's some.”

*Space and waywardness in a handful
of wet dust.*

(R. DuPlessis)

ДС *like* указывает на несоответствие между высказыванием, которое оно маркирует, и мыслью, которую это высказывание призвано репрезентировать. В приведенном примере (44) *like* встречается 4 раза, дважды в функции предлога (*it was all like that; like that's some*), один раз как наречие (*That time, like that place*) и один — в качестве ДС (*It was, **like**, / impending harbingers*). Такая омонимическая аттракция направлена на метаязыковую рефлекссию, а также на рефлекссию невозможности фиксации текущих событий при помощи языковых средств: *Minute wavers right here*. Далее все предикаты употребляются в форме прошедшего времени, что подтверждает мысль о невозможности репрезентировать настоящее мгновение — как только оно начинает быть транслируемым посредством речи, оно оказывается в прошлом. Краткие описания климатических явлений в кавычках подчеркивают дистанцию между

действительностью, данной субъекту в непосредственном опыте, и попытками определить их с помощью художественных образов. Графический знак кавычек, как и ДС *like*, указывает на то, что маркированное им высказывание является не исчерпывающим или конкретным описанием, а только примерным. *Like* можно определить в данном фрагменте как аппроксиматор — маркер выражения, сигнализирующего о том, что его не следует воспринимать буквально.

45. *Who called you, anyway?*

Morris Imposternak? That fake Russian poet? Like, he read you from his book, My Third Cousin Twice Removed-Life? Man, that guy! I saw him in a coffeehouse this morning,

trying to attract girls by looking pensive.

(E. Ostashevsky)

Во фрагменте (45) выстраивается подчеркнуто вымышленная реальность, заданная модификацией имени русского поэта и писателя Бориса Пастернака (*Morris Imposternak* (игра слов: *impost* — налог — что, возможно, формирует сравнение звонка «фальшивого поэта» со звонком из налоговой с точки зрения субъективной оценки, основанной на (отрицательной) эмоциональной реакции говорящего). Согласно А. Джакеру и С. Смитту [Jucker, Smith 1998], *like* чаще используется, когда следующее за единицей высказывание является не столько точной цитатой, сколько вариацией на тему того, что кто-то мог бы или хотел бы сказать по определенному поводу в некой типизированной ситуации. Так, ДС *like* выступает в данном фрагменте как квазиквотатив, маркирующий предполагаемую (ожидаемую) речь персонажа. Таким образом, посредством типизации речи достигается эффект узнавания собирательного образа «поэта»-эмигранта из России, что в свою очередь при подключении контекста придает сатирический характер всему приведенному фрагменту.

Толкование в ПД:

Like функционирует в качестве аппроксиматора, подчеркивающего дистанцию между действительностью, данной субъекту в непосредственном опыте, и ее выражением с помощью поэтической речи. Кроме того, выступает в

качестве квазиквотатива, маркирующего предполагаемую (ожидаемую) речь персонажа и участвующего в достижении юмористического эффекта.

2.4.4. Эмоциональные дискурсивные слова (*o!*, *wow*)

O!

Лексикографическое описание: 1. Выражает эмоциональное состояние говорящего (его удивление, восхищение, недовольство и т.п.), вызванное высокой степенью обнаруживаемого признака. 2. Употр. в начале воскл. предл., обычно перед мест., а также как част.-реплика; обязательно под фразовым акцентом; возможен повтор [Шимчук, Щур: 102].

Операция: Служит экспликатором возбужденного эмоционального состояния субъекта.

Функционирование в ПД:

Согласно классификации А.А. Шахматова, первообразное (первичное) междометие *O!* выражает вообще возбуждение говорящего, а в частности и различные связанные с ним чувства [Шахматов 1941: 507-508]. По мнению Д.А. Савостиной, *O!* в поэзии выполняет различные функции интенсификации эмоций и состояний, как, например, уверенность, восхищение, восторг, печаль, разочарование, гнев, сожаление, удивление и т.д., при этом конструкции с единицей *O!* придают высказыванию характер книжности, традиционной поэтичности [Савостина 2011]. В настоящей работе представлен анализ фрагментов из поэтических текстов с отличающимся функционированием ДС *o!*.

46. *o*, *упоительны видения*

недвижных спящих,маама, маать ooo маааать!

ooo oooчь, oooo ooooчь

[...]

oooчь, ooo доoooooочей незрячих

sooon oooo sooon

(Е. Мнацаканова)

В эссе, посвященном творчеству Е. Мнацакановой, В.В. Фещенко анализирует словесно-музыкальное единство ее поэзии, отмечая такую характерную черту, как «абсолютную слитность поэтической материи, заимствующую свое качество у музыкального материала» [Фещенко 2021]. Похожим образом в данном фрагменте усиливается «осязаемость» (по формулировке Р.О. Якобсона [Якобсон 1975]) знака *o*, но при этом его междометная (дискурсивная) функция не игнорируется (что показано при помощи употребления *O!* в конструкциях перед существительными, в основном, обращениями). Во втором и последующих употреблениях *o* растягивается до трех и четырех знаков. Пример растяжения («пропевания») повторяется и в составе слов, где присутствует фонема *o*, также укажем и на другие проявления пропевания гласных: в словах *маама*, *ооочь* (усечение от *дочь*) и т.д.

47. o касание o казание

o казалось o кусалось

o кружилось от скакалось от лежо от леска рас

[...]

o просто так

o колесье

(И. Краснопер)

В последнем примере актуализируются полисемия единицы *o* посредством фрагментации смежных слов. Таким образом, *o* может выступать как фрагмент слова (приставка), как предлог и как ДС (междометие). Такой эксперимент, включающий в себя фрагментацию слов как окказиональный способ образования других единиц, нацелен на метаязыковую рефлекссию моделей словообразования.

Толкование в ПД:

ДС *o!* претерпевает преобразование, чтобы предстать в звуковой и графической форме, участвуя в создании ритмико-музыкального рисунка текста, эффекта пропевания. Кроме того, участвует в актуализации полисемии при помощи фрагментации смежных слов. Таким образом, *o!* репрезентируется в

различных вариантах (приставка, предлог, междометие), что в сочетании с фрагментацией слов выражает нацеленность на метаязыковую рефлексию.

Wow

Лексикографическое описание: Восклицание, выражающее удивление или восхищение [Oxford: 38 223].

Операция: Выражает высокую степень удивления, вызванную не соответствующими ожиданиям говорящего событиями.

Функционирование в ПД:

48. “*checking twitter in social situations*”

im doing so many activitys lol, wow...

im happy there's

so many activitys :)

wow !! wow

(S. Roggenbuck)

Wow — ДС-экскламатив (терминология Дж. Серля), конвенциональный «вокальный жест», который выражает ментальное состояние говорящего [Амека 1992]. Согласно исследованиям в области социальной психологии [Rimé 2009; Лабунская 1999], выражение удивления обусловлено различными условиями процесса общения. Выражение эмоции удивления нельзя интерпретировать с точки зрения изолированного индивида, учитывая, что сама эмоция активно эксплицируется только в ситуации коммуникации [Friedlund 1991; Ruiz-Belda, Fernández-Dols, Carrera, Barchard 2003]⁷⁴. Таким образом, маркерам удивления не свойственен автокоммуникативный режим реализации, и стимулами удивления не могут выступать собственные действия говорящего. Итак, удивление связано с контрожиданием, однако во фрагменте (50) это требование не выполняется, *wow* здесь относится к собственной активности говорящего, вовлеченного в автокоммуникацию. Поскольку в начале фрагмента вводится конситуация

⁷⁴ Удивление как реакция на событие, противоречащее ожиданиям субъекта, выполняет коммуникативную функцию [Кутковой 2016].

(пространство социальной сети), то лексико-орфографическое содержание высказывания носит соответствующий характер (эргативный) (*activitys, lol, hapy* и т.д.). Обратим также внимание на то, что удивление, как правило, сопровождается паралингвистическими компонентами (мимикой и/или жестами), при этом в социальных сетях используются средства, заменяющие конвенциональную экспрессию. В отсутствие непосредственного контакта актантов эти средства используются особенно часто и интенсивно, что отображено в рассматриваемом фрагменте: множественные междометия, смайлики, дублирования восклицательных знаков. Таким образом, в анализируемом примере рефлексирована погруженность субъекта в интернет-пространство, а также его фактическая социальная изолированность, при которой предметом наблюдения и стимулом эмоций и оценок является сам субъект. Добавим, что посредством частотного использования междометий и особой (эргативной) орфографии, а также неконвенционального употребления маркеров удивления, в частности *wow* и *lol*, высказывание приобретает саркастический оттенок, присущий автоадресованной критике под видом самовосхваления.

50. I lie to sleep. I am shooting at tanks. I am shouting 'Fire! Fire!' but they are water tanks.

*I am riding a taxi to the airport. **Wow** was the bombing for real here. Look at all those highrises!*

(E. Ostashevsky)

В следующем фрагменте (50) выражается удивление с негативной оценкой, что выводится из контекста и пунктуации (точка вместо соответствующего для выражения изумления восклицательного знака). Удивление, учитывая грамматическую инверсию (*was the bombing for real = 'действительно, и правда'*), связано со сформировавшимся у адресанта недоверием к его субъективной оценке реальности и сведениям, которыми он располагает (ср. с контекстом данным выше, где описывается сон). В строке с ДС *wow* демонстрируется удивление: то, о чем знал субъект, оказалось правдой. Такое функционирование является специфическим — в ОЯ *wow* выражает удивление, эксплицируемое по

отношению к новым фактам, с которыми говорящий столкнулся незадолго до или чаще — в момент речи. Таким образом, ДС *wow* в анализируемом случае служит показателем автокоммуникации, а именно автокоммуникативной рефлексии в отношении рассогласованности объективной и субъективной реальности.

Толкование в ПД:

ДС *wow* в ПД может использоваться в автокоммуникации, будучи нацеленным на создание саркастического оттенка высказывания и автоадресованной критики. Участвует в отображении современных условий поэтического письма в социальных сетях. Выражаемое ДС удивление апеллирует к рефлексии несовпадения объективной и субъективной реальностей и к недоверию субъекта, испытываемому по отношению к его оценке реальности и собственному знанию о ней.

2.5. Полифункциональность дискурсивных слов в русско- и англоязычной поэзии

Кратко охарактеризуем общие и специфические черты, связанные с употреблением ДС и репрезентативные для новейшей поэзии на русском и английском языках. Расхождения обусловлены, прежде всего, различием языкового строя двух этих языков: английский относится к аналитическим языкам, для которых характерен фиксированный порядок слов, в то время как русский — к синтетическим, со свободным порядком слов.

Если древнеанглийский язык носил флективный характер, то перестройка языковой системы в среднеанглийский период привела к тому, что «моделирование внутрипарадигматических оппозиций совершенно отошло от старого типа и приблизилось к закономерностям моделирования грамматических отношений в изолирующих языках» [Бархударов, Беляевская, Загоруйко и др. 2000: 58]. Исторически сложившееся развитие изолирующих тенденций в английском языке способствовало повышению значимости всех позиций в предложении и актуализации конструктивных элементов, «вследствие чего они

крайне редко расходовались для частиц, что и повлияло на сужение границ данного класса слов» [Маковеева 2001: 169]. По этой причине сложились особенности частеречной полифункциональности английского языка: «В силу высокой степени аналитизма классы слов выделяются не столько на основании морфологических (флективных) показателей, сколько в связи с их дистрибутивно-синтаксическими характеристиками» [Бархударов, Беляевская, Загорулько и др. 2000: 58], что обусловило и коммуникативную специфику, когда осуществление коммуникативных целей осуществлялось с помощью изменения и транспозиции имеющихся языковых средств.

С точки зрения типологического сопоставления, исследователи учитывают количественный показатель, утверждая, что языки подразделяются на такие, в которых частиц много и мало. Так, Э. Косериу среди наиболее богатых частицами языков выделяет древнегреческий и немецкий [Coseriu 1980], а В. Хайнрихс относит к этой группе также русский язык [Heinrichs 1981].

Отмеченные выше факторы повлияли на ограниченность количества дискурсивных маркеров в английском языке. Поскольку до сих пор не было составлено полных списков и лексикографического описания ДС, мы можем сравнить количество частиц в английском и русском языках: в английском языке выделяют в среднем около 20 частиц [Алпатова 1980]; в русском языке — 127 частиц [Шимчук, Щур 1999]; одним из наиболее полных списков ДМ в английском языке является список Б. Фрейзера, подсчет соответствующих единиц в котором (прежде всего, “commentary pragmatic markers” и “discourse markers”) позволяет выделить 250 единиц [Fraser 1999], для сравнения — количество категориально сходных единиц в словаре под ред. В.В. Морковкина составляет около 540 [Морковкин 2003].

Количественные и качественные характеристики функционирования дискурсивных маркеров в этих языках повлияли и на специфику их употребления в разных поэтических системах.

Фиксированный порядок слов в английском языке обусловил экспериментальную работу с синтаксисом. В англоязычном ПД существует

тенденция к нарушению конвенциональной синтаксической сочетаемости ДС⁷⁵. Так, мы выявили частотные случаи употребления ДС, представленных в составе парцелированных конструкций или в виде парцеллят. С точки зрения коммуникативной прагматики, парцеллят можно интерпретировать как самостоятельное или добавочное сообщение [Распопов, Ломов: 1984]. Парцелированные конструкции с ДС несут сугубо иллокутивную нагрузку, направленную на формирование прагматической позиции говорящего. Учитывая отсутствие самостоятельного денотативного значения, а также высокую степень зависимости от контекста с точки зрения интерпретации ДС, это слово, употребленное в качестве компонента парцелированного высказывания и тем более в качестве отдельного сообщения-парцеллята, модифицируется (приобретает двойную роль (как реплики, так и законченного фрагмента речи, репрезентируемого как сообщение с самостоятельной иллокутивной нагрузкой)): *These are our words. / What do we do with them. / We do things with them. What sort of things. / Oh all sorts of things. For example. / Feeling things* (E. Ostashevsky); *Word bytes / man, and the apple drops. Submit to reading. Now read this. And this. This. / This. Thus. Toss. Tsk, tsk. One gets lost. Lust accounts meter* (R. Silliman).

Кроме того, отметим, что во фрагменте с единицей *for example* представлена вопросно-ответная форма изложения при сохранении утвердительной интонации в каждом предложении, включая грамматически и семантически вопросительные. Такая интонационная монотонность синтаксических параллельных рядов создает эффект смысловой компрессии при замедлении ритма поэтической речи и вместе с тем задерживает внимание на каждой отдельной синтагме. Посредством такого расчлененного оформления строфы выражается процесс (авто)коммуникации (чему способствует диалогизация речи) и реализуется поэтическая функция — с фокусом на плане выражения, его темпо-ритмической организации и на отдельных смыслах его минимальных лексико-синтаксических элементов, чему способствует несоответствие синтаксической вопросительной конструкции и

⁷⁵ О грамматических и синтаксических экспериментах в американском авангарде на примере текстов Г. Стайн и Э.Э. Каммингса пишет В.В. Фещенко [Фещенко 2022].

утвердительной интонации. Синтаксический эксперимент в англоязычной поэзии также проявлен в рамках деграмматикализации (лексикализации [Майсак 2007; Левицкий 2001]), когда ДС приписываются новые синтаксические роли, и междометия или вводные слова могут быть интерпретированы как полнозначные единицы (*little oh; we live in perhaps; utter, ink, ouch, please, agh*).

В отличие от англоязычных текстов, в русскоязычных примерах эксперимент с синтаксической функцией ДС менее распространен, что связано со свободным порядком слов, характерным и для положения ДС. Аномальное синтаксическое положение маркируется с помощью пунктуации (отсутствие знаков препинания): *Собака ест птицу следовательно / Она парит в воздухе* (А. Драгомощенко), где единица *следовательно* служит маркером не только грамматического отклонения от нормы, но и логического парадокса; *плавать-то не умели / но тем не менее поплыли* (Д. Давыдов); посредством эллиптической формы и окказиональной пунктуации: *Кому это? Тем, кто не выбрался? Следовательно — куда?* (А. Драгомощенко); через постановку маркера вывода в середине высказывания: *пятится отлив, **итак**: аванпост архива, край глаза один на один* (К. Коблов); благодаря введению маркера хезитации, который сигнализирует включение обыденного языка в ПД: *Ну... вроде как если во сне держать на весу руку, / ничего не касаясь вплоть стены за стеною, / над изломом графитного лета следуя блесне сквозняк* (А. Драгомощенко).

В целом, для русскоязычного материала больше свойственны прагмасемантические модификации, в основном обусловленные контекстуально, на уровне глобальной структуры. Мы рассмотрели неконвенциональное функционирование показателей субъективной модальности, которые в ПД употребляются в различных неконвенциональных функциях. В ПД такие модальные показатели могут акцентировать соотнесенность пропозиции с «реальным миром»: *и тут, **бесспорно**, настал вечер*; использоваться для дескрипции ментального пространства *перечень городов, / горчичная россыпь, игла латунного циркуля, / и, **бесспорно**, откосы, на которых мать-мачеха, ржавые баки, ромашка...* (А. Драгомощенко); могут выполнять функцию

импрессива: *а как-то / поздно / ладно холодно / ветрено вероятно* (Вс. Некрасов). Кроме того, в рамках русскоязычного подкорпуса отмечаются эксперименты на уровне словообразования (*да-да-нет; антида и антинет* (Вс. Некрасов)), включая фрагментацию слова с целью образования ДС (<говорила>, *мол / чанием своим* (И. Краснопер)).

Добавим также, что проведенный анализ позволил выявить такие черты, характерные для ДС в русскоязычных поэтических текстах, как расширение свойственного для русского языка формирования комплексов ДС. «Нанизывание» дискурсивных единиц связано с тем, что в русском языке частицы обладают способностью «сочетаться друг с другом в целые комплексы, которые в предложении легко возникают и легко распадаются, видоизменяются» [Русская грамматика 1980: 730]. Это явление анализирует Т.М. Николаева, говоря о том, что способность комбинироваться в комплексы достигает у русских частиц такого масштаба, что появляются целые предложения, состоящие из частиц и грамматически смежных им слов: *Как же!; Ну вот еще!; Вот то-то и оно!; То есть как это?* и др. [Николаева 1985: 10].

Этот феномен получил развитие в ПД в виде т.н. «сгущения» ДС, т.е. сближения разных маркеров в локальных поэтических контекстах, как в результате антонимической аттракции: *Вообще, вообще — и, в частности, сейчас и здесь* (Д. Давыдов); *всё округляется/ да-нет* (Н. Денисова); *а вот портрет. там непонятно/ зачем он существует тут* (Д. Данилов); *Пожалуйста // что я могу / сказать [...]Спасибо; Прощай трамвай / и здравствуй* (Вс. Некрасов); *Нет, хотя и да. Да, но и / нет, потому что не может быть* (А. Драгомощенко), так и с помощью привлечения единиц различной функциональности: *Гм... ну вот смотри, разве это не стихи уже? / Ой, это случайно. Нет, нет. И не думайте даже. Нет стихов у меня / Ну, ну...; ну, в такой как вам сказать /в такой особенной если так можно выразиться/ ну... сами понимаете... нет, не интонации, конечно* (Р. Осминкин). В последних приведенных фрагментах использовано большое количество интерперсональных ДС, отображающих (авто)коммуникативные отношения, и принимающих участие

в псевдиалогических конструкциях, посредством моделирования ситуации прямого диалога с читателем.

Хотя в целом в английском языке частицы не способны формировать такого рода цепочки, мы выявили некоторые примеры со «сгущением» синонимичных единиц, что подтверждает установку на синтаксический эксперимент в англоязычной поэзии: ***But but.** [...] **Yet** the narrative of / shadow crosses the garden, cool and damp. **Nonetheless,** those two guys in /that parked Buick have just got to be narcs* (R. Silliman).

2.6. Выводы

Итак, в ПД проанализированные ДС могут участвовать в реализации структурных, семантических, прагматических и логических отклонений от языковой конвенции. В данном исследовании мы оперировали термином «сдвиг» и выявили несколько разновидностей таких отклонений, осуществленных посредством ДС:

1. Дейктический сдвиг, как внутритекстовый (в рамках организации дискурса), так и в сфере персонального, пространственного, темпорального и предметного дейксиса, в рамках конструирования поэтического мира.

2. Сдвиг в области поэтической субъективации посредством мены семантической и синтаксической ролей субъекта действия в границах микроконтекста (что включает в себя мену диатезы).

3. Логико-семантический сдвиг: внутри причинно-следственных отношений; фактивно-путативный сдвиг, между эмпирической реальностью и дискурсивной — на уровне предпосылки. В эту группу мы также включаем реализацию логического парадокса.

4. Референциальный сдвиг: от референции к внутренней действительности (психологической) — к указанию на внешнюю коммуникативную ситуацию; от внешней реальности — к ментальной (внутренней); от внетекстовой ситуации —

к текстовой структуре; от объекта внетекстовой реальности — к фрагменту дискурса и др.

5. Функциональный сдвиг, проявленный в трансформации конвенциональной функции ДС (например, конвертация по шкале «коннектор — дисконнектор»).

6. Коммуникативный сдвиг — от коммуникативного режима к нарративному и наоборот.

Таким образом, в ПД посредством ДС нарушаются стандартные логические связи, формируется открытая структура динамической референции, реализуется трансформация частных дискурсивных стратегий, что нацелено на демонстрацию неподчиненности мышления доступным языковым операциям логической организации, невозможности исчерпывающего описания действительности, а также рефлексии коммуникативных норм. К макродискурсивным функциям ДС мы отнесли метаязыковую рефлексию, часто принимающую форму критики конвенционального использования языка, что тем самым противопоставляет ПД другим типам дискурса и реализует дестереотипизацию языковых клише и деавтоматизацию восприятия.

На примере специфического функционирования ДС было продемонстрировано, как проявляется такая особенность ПД, как автореферентность, то есть направленность на само высказывание, а также процедурность, множественность интерпретаций, расширение диапазона потенциальных импликатур и способов конструирования объекта. К макродискурсивным функциям ДС мы отнесли метаязыковую рефлексию, часто принимающую форму критики конвенционального использования языка, что тем самым противопоставляет ПД другим типам дискурса и реализует дестереотипизацию языковых клише и деавтоматизацию восприятия.

В заключение мы указали на специфические черты новейшей англо- и русскоязычной поэзии, чьи экспериментальные установки и стратегии реализации метаязыковой рефлексии основаны на различиях строя этих языков и их грамматических особенностях.

ГЛАВА 3. ДИСКУРСИВНЫЕ СЛОВА КАК СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В НОВЕЙШЕЙ ПОЭЗИИ

В настоящей главе мы рассмотрим отдельные примеры экспериментального употребления ДС в новейшей поэзии и выявим конкретные приемы, в которых участвуют эти прагматические единицы.

3.1. Роль показателей субъективной модальности *бесспорно, возможно, вероятно* в новейшей русскоязычной поэзии

В этом разделе мы рассмотрим ДС — показатели субъективной модальности, которые различаются по признакам фактивности/путативности (терминология Ю.Д. Апресяна [Апресян 2001]), достаточности/недостаточности и характерности/нехарактерности (терминология Е.В. Яковлевой [Яковлева 1994])⁷⁶. Как мы увидим далее, эти признаки не являются фиксированными: они меняются в зависимости от контекста и стратегии употребления ДС. Модальные показатели *бесспорно, возможно, вероятно*, используемые в поэтических текстах, будут проанализированы в сравнении с их конвенциональным употреблением в качестве ДС, а также в качестве реактивных диалогических единиц.

Бесспорно

Согласно теории перформативов, эта и синонимичные единицы могут быть отнесены к вердиктивам (ситуативно оправданное сообщение непосредственного или выводного суждения об оценке или факте), либо экспозитивам (используются в актах объяснения (*exposition*), включающим развитие точки зрения, ведение дискуссии и прояснение референции и употребления слов) (по классификации

⁷⁶ Достаточность/недостаточность зависит от самого говорящего и может варьироваться в соответствии с мерой его субъективной уверенности. Традиционно эта количественная оценка называется «степенью достоверности». В соответствии с «качеством» различаются два типа информации: характерная и нехарактерная. Характерной является информация о событии, которое дано актанту в непосредственном опыте, нехарактерная — подразумевает суждение, невозможное без привлечения логического вывода [Яковлева 1994].

Дж. Остина), и репрезентативам (фиксация ответственности говорящего за сообщение о некотором положении дел, т.е. за истинность выражаемого суждения) (по классификации Дж. Серля).

Анализируя особенности поведения показателя достаточной информации *бесспорно* на примерах, мы видим, что та точка зрения, согласно которой ни один верификатор, выраженный эксплицитно, не может отсылать к однозначной соотнесенности пропозиции с реальным миром [Дмитровская 1988], в данном случае (как и в случае реактивного использования единицы в диалоге в качестве коммуникатива) нерелевантна:

51. [...] и тут, *бесспорно*, настал вечер.

Иной вечер, другие лица.

(А. Драгомощенко)

52. [...] во зеленом саду груша прошумела

вознесение

бесспорно трамвай

красный май

(М. Буров)

Такое употребление *бесспорно* в сочетании с непосредственно данной действительностью можно обозначить как прием, основанный на стратегии предоставления гаранта истины в конвенциональном употреблении, где гарант истины понимается в качестве обязательства субъекта речи не оспаривать вводимое положение дел. Таким образом, говорящий наделяет эту действительность (поэтическую) «бесспорной эпистемической гарантией» [Демьянков 2022: 23] реального мира.

В конвенциональном употреблении речевые акты, содержащие ДС *бесспорно*, объединяются общим семантическим компонентом: выражение истинности некой обозначенной пропозиции, констатация правильности или приемлемости высказывания (суждения или наблюдения). Как в качестве реактива, так и в качестве ДС употребление единицы *бесспорно* основано на некотором предварительном знании, либо заранее составленном мнении.

Отметим, что в рассмотренных контекстах из НКРЯ путативное значение единицы *бесспорно* превалирует.

В ходе анализа ПД мы обнаружили большое количество аналогичных ситуаций, однако рассмотрим специфические случаи употребления, когда слова данной группы используются для выражения характерной информации (то есть данной в непосредственном опыте), и путативный аспект практически опускается. В нижеследующих примерах выбор ДС *бесспорно* мотивируется поиском релевантного описания по линии фактического соответствия тому, что явлено автору как «видимые объекты». Таким образом, *бесспорно* может служить маркером выражения отношений типа вероятность/невероятность, что, согласно исследованиям В.З. Демьянкова, характеризует субъективную оценку «правдоподобия» предмету речи, основанную на частной интерпретации опыта наблюдений [Там же: 224]:

53. *А к утру он сквозь сон торопливо стал бормотать перечень городов,
горчичная россыпь, игла латунного циркуля,
и, бесспорно, откосы, на которых мать-мачеха, ржавые баки,
ромашка...*

(А. Драгомощенко)

54. *Между собой их связывали цепи, чугунные,
наверное не знаю, тяжелые и черные, бесспорно*

(Г.-Д. Зингер)

Отношение к действительности выражается постфактум, (апостериорность проявлена через контекстуальные глаголы прошедшего времени):

55. *[...]разбитые, древние бритвы — стрекозы,
но невнятность, бесспорно,
во многом их преисполняла невнятность,
сочилась из резкости пропорций и расстояний...*

(А. Драгомощенко)

Также отношение к действительности выражается в особой репрезентации событий — при реализации сдвига в области темпорального дейксиса. Будущее

время используется в прошедшем значении, и таким образом грамматическое время противопоставляется дискурсивному:

56. *Бесспорно, утратив из виду*

пуговицу, он произнесет (хотя не уверен, что так случится...): “никогда нельзя представить отсутствие пространства”

(А. Драгомощенко)

Обратим внимание на слова в скобках: (*хотя не уверен, что так случится...*). Аналогично случаю с приведенным выше примером из стихотворения Г.-Д. Зингер (где в начале строки мы встречаем *навверное*, а в конце — *бесспорно*). Такое употребление противоречит общему положению, согласно которому *бесспорно* выражает количественный аспект полноты информации (высокую степень достоверности) [Яковлева 1994]. Обозначенное явление может выступить маркером автокоммуникативного конфликта, в рамках которого субъективная (само)рефлексия в динамике взаимодействия внутреннего и внешнего миров вступает в противоречие с ранее заявленной информацией, что может выражаться в варьировании степени уверенности говорящего («*Бесспорно... хотя не уверен, что так случится*»). На это явление противоречивости «показаний» было указано в статье В.З. Демьянкова, посвященной категории возможности в логике и когнитивной семантике: такой вариант рефлексии окружающего мира осмысливается как «аварийное стечение обстоятельств, с изломами и неожиданностями, нарушающими инерцию» [Демьянков 2021б: 11].

В продолжение этого рассуждения отметим, что *бесспорно* в поэзии А. Драгомощенко частотно употребляется в качестве усиления противопоставления, следуя за противительными союзами и отрицательными частицами⁷⁷.

57. [...] *однако, бесспорно, уже на той стороне,*

освещающая китайские тени поэтов,

⁷⁷ В диалогической речи *бесспорно*, предвывая возражение, выступает выражением возражения под видом согласия [Булыгина, Шмелев 1997: 137].

влага откуда поныне течет...

58. *Допустим, все же латунь, окись, осень,
но, **бесспорно**, взгляд сам кажется сном*

(А. Драгомощенко)

Это явление также служит экспрессивным выражением автокоммуникативного конфликта при сгущении противительных единиц, в котором *бесспорно* выступает усилением несогласия с имплицитным неартикулированным положением.

Примечательно, что, как и в случае с другими модальными единицами, *бесспорно* может употребляться в рамках приема диалогизации поэтической речи (вопросно-ответная форма изложения, использование диалогических междометий *да* и *нет*, использование глаголов второго лица единственного числа, обращение к некоему *ты*), что также реализует автокоммуникативную стратегию самовозражения:

59. *Ужас? **Нет. Бесспорно**, это было другое*

60. *[...] да, **бесспорно**,*

надо просить, — и не одного признания?

*Что на этот раз еще **выпросишь**?*

(А. Драгомощенко)

Итак, в ходе анализа удалось выяснить, что: 1) в поэтическом использовании в отличие от дискурсивного единица *бесспорно*, выраженная эксплицитно, может отсылать к однозначной соотнесенности пропозиции с реальным миром; 2) в качестве и ДС, и коммуникатива *бесспорно* отсылает к предварительному знанию, либо заранее составленному мнению, тогда как в поэзии слова данной группы часто используются для характерной информации, данной в непосредственном опыте, и путативный аспект практически опускается; 3) *бесспорно*, инверсивно отсылая к коммуникативной стратегии возражения под видом согласия, служит показателем автокоммуникативного конфликта; 4) в

поэтическом контексте единица используется в конструкциях, имитирующих диалог, и может участвовать в выражении отношения к «действительности» как постфактум, так и в предварении события.

Возможно

Возможно является одной из наиболее частотных вводно-модальных единиц в новейшей поэзии (204 употр. в АПК), что соотносится с конвенциональным употреблением этой единицы, в рамках которого наблюдается превалирование *возможно* (57 956) над синонимичным ДС *вероятно* (50 581). При этом в ПД разница количественных показателей более существенна (*вероятно* 47, *возможно* 204). Подробное исследование различия этих единиц представлено в работах В.З. Демьянкова, где он указывает на соотнесенность *возможно* с осознанием надчеловеческого, внешнего мира, а *вероятно* — с человеческим фактором познания [Демьянков 2020, 2021, 2022]. Исследователь отмечает, что «более высокую частотность лексем физикалистского класса “возможно”, чем класса “вероятно”, в корпусах на русском и западноевропейских языках, заметную уже в латинском, естественно было бы объяснять как следствие осознания того, что человеку значительно меньше подчиняется внешний мир, чем человеческий образ этого мира» [Демьянков 2020: 14]. В рамках ПД действительность, по отношению к которой субъект письма выстраивает сложную структуру своей оценки достоверности и о которой мы говорили как о поэтическом мире, конструируется по схожей логике с внешним неподчиненным сознанию миром. Такое понимание влияет на интерпретацию отношений субъекта с собственным высказыванием, когда последнее представлено не в качестве продукта речевой деятельности субъекта, а как независимые координаты и условия его [субъекта] существования. А. Драгомощенко комментирует возможность поэтического мира следующим образом: «...поэзия дается в акте предвосхищения факта самой возможности» [Драгомощенко 1994]. Получается, что «поэтический мир» задан собственной потенциальностью, которая не может контролироваться субъектом, но может оцениваться им как нечто внешнее. Кроме

того, следует отметить такую функцию этой единицы, как «хеджинг “неполного знания”», рассмотренную В.З. Демьянковым, нацеленную на снижение категоричности и адаптацию мнения/знания к контексту [Демьянков 2020].

Так как в рамках ПД традиционно не предоставляется информация, относящаяся к фактам, имеющим/имевшим место в реальности, такой «хеджинг» обретает метаязыковую направленность, когда стратегия снижения категоричности подкрепляется неоднозначностью контекста с вариативным набором обстоятельств (**Возможно** / и полдень, / не исключается полночь, висок [...]). Описываемые «факты», таким образом, не утверждаются/предполагаются как действительные/возможные, а репрезентируются как способ (само)рефлексии. Автор создает необходимое напряжение моделируемого мира с его потенциальностью, в этом случае высказывание может строиться на основе воспоминания:

61. *Пожалуй, не отыскать тетради, где об этом, как если бы
на самом деле и было — напрасный труд.*

*[...] Потому что понятно,
выпадает всегда лишь страница. Не более. Ну, пусть
еще одна.*

*Пускай какое-то время. Утро, к примеру. **Возможно**
и полдень,
не исключается полночь, висок, темные губы, предплечье,
после чего, словно спазма гортани, восток*

(А. Драгомощенко)

62. *За работой я думала о том, что эти бинты предназначены для воинов,
которые в этот момент здоровы. И что, **возможно**, делая эти бинты, мы
предвосхищаем их ранения. И мне было не по себе [...]*

(А. Анашевич)

63. ***Возможно** (в это верится с трудом),*

У них была своя семья и школа.

Ни перемены участи, ни пола

(Е. Фанайлова)

Также высказывание может быть построено на основе грезы, предвосхищения:

64. [...] волна застывает стеною, за которой вселенная
сворачивается в горчичное семя, начало вещей
и пророков...

Возможно, это послужит началом «Критики грязного
разума»

(А. Драгомощенко)

65. Кем он родится к новой войне?

Возможно, Симоновым, иль Мисимой

(Е. Фанайлова)

В словаре речеактных глаголов А. Вежбицкая объясняет значение глагола *suppose* (“предполагать”) следующим образом: «Я говорю: я думаю, что X может быть верно. Я не говорю: X верно. Я не знаю, верно ли это. Я представляю, что знаю это». А. Вежбицкая отмечает важность компонента «я не знаю, верно ли это» для данного глагола, подразумевающего, что говорящий только думает, что это может быть верно, тем самым приглашая собеседника к разговору, либо размышлению [Wierzbicka 1987]. Такое положение вполне соответствует употреблению единицы *возможно* в качестве дискурсивной. В качестве реактивной реплики с интенцией неуверенного или уклончивого согласия/подтверждения отвечающий с коммуникативной точки зрения зачастую занимает позицию скорее зависимую от вопрошающего, так как реакция содержит только эту единицу, без пояснения.

В ПД *возможно* маскируется под обе приведенные выше функции: через диалогизацию поэтической речи (функция индифферентной реакции) и через известный прием привлечения внимания — риторический вопрос (приглашение читателя-коммуниканта к размышлению):

66. Только нам-то с этого чего?

Смерти нет. **Возможно**, что и нет

(П. Барскова)

67. *Какая*

*пустынная округа, пронизанная солнцем! **Возможно,**
опасная пустынность?*

(Ш. Абдуллаев)

68. *Вы полетите на воздушном шаре с Бергом?****Возможно.****Вы боитесь смерти?*

(А. Скидан)

Итак, в ПД при помощи единицы *возможно* моделируется напряжение моделируемого мира с его потенциальностью: в фокусе оказывается не действительность в аспекте ее фактивности/путативности, а ее осмысление в качестве потенциальной по существу. В основе такого высказывания может находиться как воспоминание, так и предвосхищение. Также ДС *возможно* имитирует реактивную функцию и выражение путативного значения посредством стратегии диалогизации и с помощью риторического вопроса.

Вероятно

Рассмотрим данную единицу в тех специфических случаях, которые Е.С. Яковлева определяет как «квазитрактовка»⁷⁸ и которые также служат для реализации стратегии «хеджинга».

Квазитрактовка может объясняться как неоднозначностью информации, которой располагает актант, так и его эпистемической пассивностью, связанной, как правило, либо с неосведомленностью (и, следовательно, с нежеланием брать ответственность за определенное утверждение), либо с принципиальным нежеланием трактовки — его индифферентностью. Эта индифферентность

⁷⁸ В этих случаях «ситуация не трактуется говорящим; точнее сказать, если и есть попытка трактовки, то она заведомо обречена на отсутствие конечного результата» [Яковлева 1994: 235].

предполагает не вполне этикетную позицию, если рассматривать ее в контексте конвенциональной коммуникации. Рассмотрим примеры квазитрактовки в ПД:

*69. в начале одного
поэтического вечера
на сцену
вышла дама, вероятно
вполне достойная
во всех отношениях*

(С. Львовский)

*70. Наблюдения за птицами (вероятно, все же наблюдал муравьев) убедили
в том, что мертвые безмятежны*

(А. Драгомощенко)

Некоторые ДС (в частности, *кажется*) отмечаются Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелевым как показатели «неуверенных» квазисообщений (квазиассертивов), противопоставленных предположениям, или гипотезам: «Гипотезы высказываются на основе умозрительных соображений и не требуют никаких эмпирических свидетельств; квазисообщения делаются на основе эмпирических свидетельств, но необязательно достоверных» [Булыгина, Шмелев 1993: 81–82]. Квазисообщения подразделяются на квотативы (пересказ полученной с чужих слов информации) и импрессивы: последние используются тогда, когда говорящий располагает непосредственной перцептуальной информацией о реальном положении дел, но по каким-то причинам не вполне доверяет этой информации, например, «**Кажется**, здесь слишком темно для чтения» [Там же]. Обратим внимание на то, что, согласно исследованию Е.С. Яковлевой, единица, отмеченная Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелевым в качестве маркера квазисообщения принципиально отличается от единицы *возможно* (*кажется* вводит характерную информацию — данную актанту непосредственно, а *возможно* — выступает показателем нехарактерной информацией — к которой актант пришел логическим путем (гипотеза)). Однако

в ПД *вероятно* может вводить характерную информацию и выступать в качестве импрессива:

71. *и даже не то что не рано*

а как-то

поздно

ладно холодно

*ветрено **вероятно***

(Вс. Некрасов)

72. [...] *где голая женщина с книгой лежит у пруда*

*(я вижу её, **вероятно**, блестящую спину*

и жидкие волосы, имя которым — вода)

(В. Кальпиди)

73. *Я лежу*

в какой-то комнате

и ещё в какой-то штуке.

эти две худые палки —

***вероятно**, руки*

(М. Гейде)

Таким образом, несмотря на то, что ДС *возможно* в конвенциональной коммуникации стабильно маркирует нехарактерную информацию (гипотезу), в ПД оно может выполнять функцию импрессива. Импрессив предполагает наличие непосредственной перцептуальной информации, которой актант по каким-либо причинам не вполне доверяет. Так, в ПД *возможно* выступает в качестве синонима единицы *кажется*.

Мы выявили такие особенности ДС-показателей эпистемической модальности, как их способность описывать ментальные пространства при снятом путативном аспекте; служить показателями автокоммуникативного конфликта; употребляться в конструкциях, имитирующих диалог; использоваться при моделировании координат поэтического мира; выполнять функцию импрессива, нехарактерную для них в конвенциональном употреблении и т.д.

3.2. Контекстуальная ресемантизация дискурсивных слов в новейшей русско- и англоязычной поэзии

Как мы указывали в первой главе, помимо ослабления синтаксических связей и денотативного значения, для ДС характерна грамматическая неизменяемость. Неоднородность класса, в состав которого входят ДС, обусловлена тем, что в них, в отличие от знаменательных единиц, повышается значимость недескриптивных, прагматических функций, а также тем, что состав этой группы пополняется за счет процессов транспозиции, грамматикализации и лексикализации⁷⁹.

При этом наблюдается обратный процесс, который исследователи обозначают как «ресемантизация» или «обратная семантизация». Проблема ресемантизации ДС практически не рассмотрена в сфере лингвистических исследований в отличие от такого схожего феномена, как дефразеологизация, исследованного многими учеными [Ломов 1998; Мокиенко 1990; Назарян 1987; Попова 1968] и др. Обращение к понятию дефразеологизации в данной работе обусловлено наличием такой общей черты этих единиц, как стереотипность, а также вхождением коллокаций в группу ДС. Языковая стереотипность реализуется посредством использования готовых речевых формул, включающих различные устойчивые сочетания, этикетные выражения, клише, пословицы, поговорки и идиомы [Виноградов 1977; Мокиенко 1986] и др. Обозначенная клишированность ДС, как и фразеологических единиц, помимо стандартизированной контекстуальной приемлемости⁸⁰ в рамках реализации определенной дискурсивной стратегии, обнаруживается также и в следующих семантико-грамматических признаках: частичная или полная десемантизация, утрата словоизменительной возможности, внутренняя «аморфность грамматической модели» (в терминологии И.А. Шаронова [Шаронов 2008]).

⁷⁹ Диахронические изменения языка (грамматикализация и лексикализация) также исследовались в трудах В.А. Плуногяна, В. Heine и др. [Плуногян 2001; Heine 2003]. Особенности формирования группы дискурсивных единиц рассматривала Р.И. Бабаева [Бабаева 2008].

⁸⁰ О понятии речевой приемлемости см.: [Демьянков 2019].

Вопросы вариативности и модификаций во фразеологии исследуются в работах М.Л. Ковшовой [Ковшова 2019, 2022], В. М. Мокиенко [Мокиенко 1986], П.С. Дронова [Дронов 2021] и др. В том числе исследуется дефразеологизация, под которой понимается модификация устойчивых выражений при нарушении их исходной структуры. Это преобразование подразумевает изменение постоянного лексического состава, а также грамматических форм компонентов фразеологической единицы. Для характеристики трансформации фразеологической единицы как неаддитивного словосочетания⁸¹, когда оборот перестает существовать как устойчивый, в лингвистике используются термины: «разрушение», «фразеологические осколки», «конденсаты», «дефразеологизация», «распад» (в терминологии Н.М. Шанского, П.А. Леканта, И. Я. Лепешева, А.Г. Ломова и др.). А.Г. Назарян определяет дефразеологизацию в качестве явления, при котором фразеологическая единица распадается на самостоятельные компоненты, приобретающие собственные значения [Назарян 1987]. Определение, данное З.Д. Поповой, примечательно для нашей работы тем, что в нем исследовательница подчеркивает двойственный эффект, который достигается в результате восстановления «реального смысла сочетания и реальных связей его компонентов в определенной ситуации с привычным лексическим окружением при сохранении или обогащении образно-переносного значения фразеологизма» [Попова 1968: 115]. Таким образом, с одной стороны, сохраняется образно-типизированное значение сочетания в его узнаваемых «осколках», а с другой стороны, в результате разрушения устойчивого оборота, к его компонентам возвращается исходный смысл, грамматические и синтаксические признаки и свойственные им дескриптивные функции. Иными словами, под дефразеологизацией понимается двойная актуализация выражения, и модифицированные вплоть до полного семантического распада единицы ретроспективно маркируют присутствие идиоматического значения в высказывании.

⁸¹ Значения и функции устойчивых сочетаний несводимы к значениям или функциям составляющих их компонентов.

Отметим, что в современной лингвистике ведутся активные исследования в области лингвокреативности во фразеологии [Зыкова 2014, 2021; Зыкова, Киосе 2021; Omazić, Parizoska, 2020; Степанова, 2020].

Как мы покажем в ходе дальнейшего анализа, при ресемантизации ДС в рамках ПД во многих случаях функция, свойственная конвенциональному употреблению этого слова, полностью или частично сохраняется, но при этом ДС подвергается метаязыковой рефлексии, нацеленной на «деавтоматизацию» восприятия стереотипных единиц. Этим обусловлено наше обращение к ПД, на материале которого можно выявить прагматические параметры лингвокреативности, проявляемые на фоне речевой конвенции. Ведь именно поэтическое употребление языка подразумевает попытку совместить повышенное внимание к языковой конвенции (в нашей случае — стереотипным единицам) с ее нарушением.

В этом плане особый интерес для настоящей работы представляют исследования, посвященные авторским трансформациям фразеологизмов, среди которых можно назвать работы М.Л. Ковшовой (идиоматика загадок, пословиц и поговорок [Ковшова 2019]), И.В. Зыковой (фразеология В. Хлебникова [Зыкова 2019]), В.П. Вомперского (фразеология В.В. Маяковского), К.И. Мурзахановой (фразеология А.Т. Твардовского), О.Г. Сальниковой (фразеология А.Н. Толстого), П.Ф. Успенского и В.В. Файнберг (фразеология О.Э. Мандельштама и др.). Авторские преобразования фразеологизмов в основном классифицируются по двум основным типам: 1) семантические преобразования (к ним относят обыгрывание прямого несвязанного значения отдельных компонентов, соединение (совмещение) или противопоставление свободного и фразеологически связанного значения всего словосочетания) и 2) структурные модификации (появление новых слов, субституция и грамматическая перестройка компонентов, изменение их последовательности). Эта классификация отражена в работах А.Г. Ломова, Г.Н. Абреимова и др.

Однако анализ таких единиц, как ДС, требует разработки особого теоретического подхода и исследовательского инструментария, что связано с их

спецификой по отношению к фразеологическим единицам. Дискурсивный подход позволяет более подробно рассмотреть некоторые отдельные случаи реализации сходного с этим процессом приема в ПД.

Мы используем термин «ресемантизация» в том же значении, в котором в большинстве случаев употребляется понятие «обратная семантизация» — возвращение исходных смыслов компонентам десемантизированной единицы. Однако этот термин представляется более точным в данном контексте в силу отображения в нем конкретного явления, реализующегося вследствие авторской лингвокреативной модификации. Такая модификация включает в себя изменение значения единиц, необязательно в пользу исходного, ведь многие ДС в принципе не обладают лексическим значением или утратили его (междометия, маркеры хезитации, частицы).

Термин «ресемантизация» не имеет устоявшегося определения в лингвистике. В более узком понимании «ресемантизации» как «идеологической деидентификации» [Вепрева 2005], или «деидеологизации», она представляет собой процесс, в результате которого слово приобретает либо исходное, либо новое или дополнительное значение вследствие его деидеологизации и других объективных социокультурных и политических причин. В более широком понимании, ресемантизация означает процесс переосмысления, в результате которого слово переходит из пассивного запаса в активный. Учитывая, что наше исследование проводится на материале ПД, мы определяем ресемантизацию как авторский прием, реализуемый посредством модификации лексического значения и функциональной нагрузки единицы, а также в некоторых случаях — снятия с ДС свойственной им стереотипности и осмысления их в качестве семантических единиц⁸². Таким образом, явление ресемантизации ДС связано как с буквализацией значений отдельных компонентов неаддитивной единицы, так и с «депрагматикализацией» ДС. Также при обосновании выбора термина стоит учесть специфику ДС по отношению к фразеологическим единицам, денотация

⁸² Подробнее это положение раскрывается далее, в п. 3.2.

отдельных компонентов которых в случае их многокомпонентности модифицируется, то время как у ДС утрата лексического значения сопровождается развитием новых прагматических функций. Подчеркнем, что многие ДС изначально обладают только функциональным значением и не поддаются однозначной лексикографической интерпретации без привлечения различных констатирующих употреблений.

Исследование ресемантизации как частного художественного приема представляется актуальным для семантики, прагматики и исследований поэтического языка и дискурса, где семантические явления регулярно получают специфическую реализацию: полисемия имеет тенденцию реализовываться как паронимическая аттракция, а переосмысление грамматического и лексического значения слова — как ресемантизация.

На материале следующих фрагментов мы рассмотрим прием ресемантизации ДС на материале англо- и русскоязычных текстов из авторского поэтического корпуса и некоторых текстов более раннего периода — под авторством Г. Стайн и Вс. Некрасова (что связано со спецификой их поэтики, сосредоточенной на метаязыковой рефлексии и концептуалистской автореферентности поэтического плана выражения, во многом положившей начало современной практике поэтического письма).

А) Ресемантизация дискурсивных слов на основании паронимической аттракции

Следующие примеры иллюстрируют прием ресемантизации с паронимической аттракцией, в ходе которого наглядно демонстрируется разница между дискурсивным и недискурсивным использованием единицы⁸³.

74. *Is a war at hand. Will it take our hands away.*

***On the other hand.** Do we have hands for the taking*

(E. Ostashevsky)

⁸³ Полу жирным шрифтом выделены ДС, подчеркиванием — паронимы и омонимы.

75. Слово Бог есть

И слава Богу

Слава Богу

Если есть Бог

(Вс. Некрасов)

76. Нам же, отданным в жертву кривым саблям зноя,

остаётся ночами зализывать рваные раны,

мечтая, наконец, о конце: особенно жаркий день

и пекло, словно копьё, пронзающее нас прямо в сердце.

(Х. Закиров)

В примере (74) эффект метаязыковой рефлексии достигается посредством актуализации полисемии слова *hand* в устойчивых и свободных сочетаниях. Во фрагменте употреблены две фразеологические единицы: *at hand* (под рукой = близко) с дополнительным компонентом *war* (война) и *on the other hand* (с другой стороны). Во втором, интересующем нас случае (в котором единица выступает в роли ДС), благодаря контекстному окружению (четыре употребления слова *hand* с разными значениями), внимание фокусируется на центральном компоненте вследствие его множественного воспроизведения. Такой повтор, актуализирующий полисемию единицы *hand*, частично возвращает ДС *on the other hand* исходную семантику компонентов, при этом сохраняя за единицей функцию метатекстового ДС с конвенциональным значением противопоставления (согласно словарю [Merriam-Webster www] *on the other hand* ‘используется для введения утверждения, которое контрастирует с предыдущим утверждением или представляет другую точку зрения’. Ср.: ‘He’s a good guy. His brother, *on the other hand*, is a very selfish man’ [Там же]). Таким образом, здесь представлена двойная актуализация: при сохранении образно-переносного значения идиоматической единицы в ее функциональной реализации (*On the other hand*), акцент помещается на первичное значение центрального компонента *hand* (*Will it take our hands away; Do we have hands for the taking*).

В примере (75) этот же эффект достигается подобным образом — в ходе метаязыковой процедуры, реализуемой посредством введения различных синтаксических ролей центрального компонента (*Бог*), в первом употреблении выступающего в атрибутивном и/или предикативном качестве (*Слово Бог (есть)*), затем дважды в функциональном (в составе ДС *Слава Богу*, маркирующего положительную оценку реальности ‘Употр. для выражения удовлетворения чем-н.’ [Ушаков 2004: 69]) и в третьем — в роли субъекта (в условной конструкции (*если есть Бог*)). В этом фрагменте интересно отметить динамику двухэтапного семантико-функционального сдвига центрального компонента: от недискурсивного употребления (*Слово Бог есть*) к дискурсивному (*Слава Богу*) и обратно (*если Бог есть*). Также проследим модификацию модальности — от изъявительного (*слово Бог есть*) к сослагательному наклонению (*если есть Бог*), где в первом случае *Бог* выступает в подчеркнутом качестве означающего (есть не сам Бог, а слово «Бог»), и/либо элементом предиката в модификации части библейского стиха (*и Слово было Бог*), а во втором — в качестве референта (‘По религиозным верованиям — верховное существо стоящее над миром или управляющее им’ [Там же]). Наконец, укажем на аттракцию единиц «слово» и «слава» по принципу их фонетического подобия. Кроме того, повтор слов в строках *И слава Богу, Слава Богу* участвует в создании приема «паронимической рифмы», которое выделяет О.И. Северская как созвучие двух фонетически близких слов, создающих «определенный звуко-смысловый ряд» и становящихся смысловым центром стиха [Северская 2015: 25].

Этот прием помимо метаязыковой рефлексии скрывает еще одну цель: в результате перечисления лингвистических альтернатив, и вводимых ими вариантов значений, приблизиться к предьявлению наиболее «настоящего», неискаженного контекстом значения слова в поэтическом высказывании. Так, О.О. Служаева отмечает, что в процессе языковой игры Вс. Некрасов утверждает слово в его изначальном смысле, не интерпретируя, а открывая его в чистом виде [Служаева 2016]. В подтверждение этой мысли приводится цитата из статьи Т. Казариной: «Позитивность искусства проявляется как раз в способности

расчищать жизнь от предметов и идеологием, которыми она себя загромодила, и текст — это освобожденная от них «территория». Творчество понималось здесь как возвращение к незапятнанности чистого листа и «звучанию» тишины, — к тому, что самодостаточно и метафизически предшествует всем прочим проявлениям бытия» [Казарина 2004: 427]. В приведенном примере наглядно реализуется концептуалистская установка⁸⁴ на разрушение стереотипности и клишированности властного дискурса через повтор одних тех же приемов, повышенное внимание к конвенциям и их интенсификацию.

В примере (76) подобный эффект достигается при смежном с ДС употреблении паронима, что в свою очередь усиливает экспрессивность высказывания благодаря контексту, представленному подчеркнуто эмоциональной, в определенном смысле патетичной лексикой и метафорами (*жертва; рваные раны; копьё, пронзающее сердце*), а также коннотациям повторяемого компонента. В пользу последнего утверждения укажем на то, что при употреблении слова *конец* в фокус выводится периферийное значение смерти. В связи с анализом художественного дискурса, О.В. Соколова отмечает, что эвфемистическая номинация производит «перефокусирование⁸⁵ исходного наименования, повышая экспрессивность сообщения и позволяя расставить прагматические акценты, необходимые адресанту» [Соколова 2015: 350]. Добавим, что в словаре значение смерти у слова *конец* приводится с пометой 'разг.' [Ушаков 2004], что также подчеркивает повышенную эмоциональность (свойственную бытовой коммуникации) анализируемого сообщения, нацеленную на максимальное увеличение воздействия на адресата.

⁸⁴ Вc. Некрасов — один из основателей «московского концептуализма», направления в искусстве и в поэзии, чьи представители в своем творчестве критически осмысливали конвенциональное использование языка (*властный дискурс*), в частности стереотипы, которые активно использовались в дискурсе советской идеологии.

⁸⁵ Проблема фокуса в коммуникативной лингвистике разрабатывается в исследовании Т.Е. Янко «Коммуникативные стратегии русской речи» [Янко 2001], понятия перефокусирования и сдвиг фокуса исследуются в работе О.К. Ирисхановой «Игры фокуса в языке» [Ирисханова 2014]. Под перефокусированием в художественном и экспериментальном типах дискурсах понимается когнитивный механизм, включающий сдвиг фокуса внимания с конвенциональных способов описания объекта на окказиональные языковые элементы [Соколова 2015: 272].

77. *Not as far as to mean.*

I mean, I mean.

(G. Stein)

78. *All nice wives are like that.*

To Be

No please.

To Be

They can please

Not to be

Do they please.

Not to be

Yes please.

(G. Stein)

79. *thinking **i think** i think*

(Ch. Bernstein)

В приведенных выше примерах (77; 78) привлекаются полные омонимы: формы слова полностью совпадают, их различное функционирование прослеживается из смены конструкции и появления новых синтаксических и семантических валентностей. В примере (77) на первом месте представлено ДС, так как в конвенциональной коммуникации оно традиционно предваряет высказывание (или его часть в составе многочастного высказывания (ср. с русскоязычным аналогом «я имею в виду», «то есть»), а на втором месте находится двусоставное предложение (субъект + предикат). Так, грамматикализованная конструкция с утратившим свои семантические и синтаксические роли субъектом и предикатом с помощью повтора получает статус полнозначного высказывания.

В следующем же фрагменте (78) недискурсивное употребление реализовано в форме глагола *please* (угождать) в составе конструкции «субъект + предикат: модальный/вспомогательный глагол + смысловой глагол» (*They can please*). В

примере (79) применяется как паронимическая, так и омонимическая аттракция, ДС предположительно локализуется либо посередине (*thinking i think i think*), либо в конце строки (*thinking i think i think*), в зависимости от того, к чему именно относится импликатура с интенцией выражения мнения⁸⁶ — ко всему высказыванию (думая, что я думаю, *думаю*) или только к одной из частей (думая, *(как я) думаю*, (что) я думаю). Можно предположить, что метаязыковая рефлексия здесь связана с самоиронией поэтического субъекта, наглядно демонстрирующего свою неспособность повлиять на реальность (и, в частности, на внутреннюю ментальную действительность адресанта высказывания) личным мнением. Ведь, как отмечает Е.В. Падучева, «у придаточного предложения, подчиненного глаголу мнения [...] пропозиция с глаголом в индикативе имеет снятую утвердительность — подчиненная пропозиция не имеет истинностного значения, так что отрицание не может влиять на ее истинность» [Падучева 2013: 31]. Таким образом, где бы ни локализовалась единица *I think*, ее присутствие (в том числе в отрицательной форме) не повлияло бы на безусловный факт мыслительного процесса субъекта и сопровождающей его на него же направленной рефлексией.

Б) Ресемантизация дискурсивных слов по принципу противопоставления

80. *Есть рецепты покруче: как сделать,*

Чтоб мы перестали быть

Вообще, вообще — и, в частности, сейчас и здесь

(Д. Давыдов)

В примере (80) принцип семантического противопоставления подтверждается контекстом, отображающим дедуктивную стратегию размышления (от общего к частному). При этом используемый ДС *вообще*

⁸⁶ Предположение, что единица *I think* в данном примере выступает в качестве ДС, основывается на удовлетворении указанным в начале статьи критериям: она не несет пропозиционального значения, а отражает рефлексию высказывания говорящим.

является генерализирующим коннектором, а *в частности* — конкретизирующим (в терминологии О.Ю. Иньковой-Манзотти [Инькова-Манзотти 2001]).

Отметим, что в приведенном фрагменте сопряжено омонимичное употребление *вообще* (в качестве ДС в первом случае и в качестве обстоятельства образа действия — во втором), поэтому здесь можно говорить о семантико-прагматической несимметричности: если в первом случае автор обошелся омонимом в качестве пропозиционального высказывания, то во втором он прибегнул к объяснению: *в частности, сейчас и здесь*. Обозначим также употребление менее распространенного в конвенциональном употреблении варианта конструкции «...вообще и ...в частности» — модификации «от частного к общему» или «не будем мелочиться», приводимой в «Путеводителе» [Путеводитель: 109]. Указанный вариант подразумевает инвертированный порядок расположения элементов, когда «общее» (класс) предшествует «частному» (элементу): ‘говорящий сначала приводит более релевантное положение, но все-таки добавляет и менее релевантное’ [Там же]. *Вообще* в конвенциональном употреблении используется вслед за именем «обобщенного» представителя класса, а в частности — после его возможной конкретизации (Ср.: Думал о вас, о *привлекательности вообще и вашей в частности* [И. Ефремов, Лезвие бритвы 1963]). Этот прием перестановки компонентов также воспроизводится в рамках последующего словосочетания (*сейчас и здесь*), традиционно приводимого в другом порядке слов: «здесь и сейчас».

Метатекстовые ДС помещаются в связке с целью метаязыковой рефлексии их функционирования, а также отображения общей тенденции ПД к семантической амбивалентности (противоречивости) и неоднозначности, о чем свидетельствуют следующие примеры соположения интерперсональных ДС:

81. *я поняла в чём дело*

всё округляется

да–нет

(Н. Денисова)

В примере (81) совмещение антонимичных ДС осуществляется посредством образования неологизма способом сложения основ. Заметим, что активное включение антонимических междометий (*да*, *нет*) служит показателем автокоммуникативного конфликта, при котором однозначно положительный или однозначно отрицательный ответ одинаково невозможны. При таком экспериментальном совмещении антонимических единиц реализуется тенденция к депрагматикализации ДС, которые больше не осуществляют зафиксированного за ними намерения согласия-отрицания, подтверждения-возражения (согласно первому кругу употреблений, приводимых в: [Ожегов www]), но своим присутствием отсылают к ним, осмысляя проблему бинарности мышления/коммуникации/действительности в целом. Эту идею в полной мере иллюстрирует следующий фрагмент (81), в котором ДС обретают синтаксические роли и словообразовательные валентности, которых нет в конвенциональном употреблении, полностью утратив свою изначальную функцию:

82. *Есть у нас на да и нет*

Антинет

И антида!

(Вс. Некрасов)⁸⁷

Единицы *да* и *нет* депрагматикализируются и лишаются своей первичной функции репликовых единиц (коммуникативов), смещаясь из коммуникативной зоны (т.е. свойственного им контекста речевого взаимодействия) в нарративную. При этом инверсивный порядок слов указывает на «осколки» разговорного использования единиц, вступающих в субъектно-объектные отношения в рамках предложения. В первом случае *да* и *нет* употреблены в качестве дополнений (объектов), во втором — в качестве подлежащих (субъектов). Обратим внимание на эскалацию противопоставления, которая достигается посредством префикса

⁸⁷ Ср. с другими примерами из произведений этого же автора: — *По-твоему я / Тетенька // По-моему я / твоя мама; Пожалуйста // что я могу / сказать // и что надо будет / сказать // Спасибо; Прощай трамвай / и здравствуй / троллейбус* и т.д.

«анти» (*Антинет // И антида*) и подчеркивает конвенциональную антонимию указанных единиц, реализуя метаязыковую рефлексия.

В) Ресемантизация дискурсивных слов посредством фрагментации

1) Фрагментация ДС как окказиональный способ образования других слов, семантически несвязанных с мотивирующим источником:

83. *You're*

A

swell

bunch

[...]

We

R

Well

(T. Greenwald & Ch. Bernstein)

Повторение компонента *well* в тексте по принципу паронимической аттракции позволяет сделать вывод о том, что выше (в начале фрагмента) представлена экспериментальная модификация единицы *as well*. В словаре [Merriam-Webster www] *as well* трактуется как ‘в дополнение к тому, что сказано’, формируя своеобразную контекстуальную синонимию заключенных в одно выражение метатекстового ДС *as well* со словом *swell* с неопределенным артиклем *a*⁸⁸. Ведь *swell*, согласно словарю [Merriam-Webster www], имеет значение ‘опухоль, набухание, разрастание’, что, по нашему предположению, апеллирует к интерпретации приведенного ДС (дополнение к тому, что уже сказано), при этом «опухоль» как феномен появляется в дополнение к тому, что уже есть. Кроме того, такое сближение функциональной единицы и/или привлеченного через ее

⁸⁸ Несмотря на то что мы полагаем, что в данном тексте *swell* выступает в качестве существительного (благодаря неопределенному артиклю *a*), мы также допускаем, что данная лексема отсылает к знаменитому шлягеру Л. Армстронга “Hello Dolly” (а именно к строчке “You’re looking *swell*, Dolly”), учитывая, что в поэзии как Ч. Бернстина, так и Т. Гринвальда представлено активное взаимодействие с дискурсом массовой культуры [Perloff 2022].

фрагментацию и перекомпоновку «осколков» существительного и наречия *well* ‘хорошо’ в последней строке фрагмента приводит к эффекту энантиосемии компонента *well*: будучи составляющей частью «опухоли», он одновременно выражает положительную оценку состояния субъектов высказывания.

2) Фрагментация слова с целью образования ДС:

84. *<говорила>, мол
чанием своим*

(И. Краснопер)

Здесь слово «молчанием» при привлечении индивидуально-авторского понимания внутренней формы слова распадается на два компонента: *мол* (этим. сокр. от глагола *молвил*; ДС с функцией маркирования цитирования (/ксенопоказатель (в терминологии Е.В. Падучевой [Падучева 2011]) и *чание* (воспринимаемое как модификация слова *чаяние*). Так, ДС *мол*, будучи ксенопоказателем, в данном примере указывает на автокоммуникацию (так как оно употребляется после личной формы глагола *говорила*, относящегося к субъекту поэтического высказывания, и осуществляет остранение собственной речи). Можно заключить, что *молчание* здесь образно соотносится с поэтическим письмом — (авто)коммуникацией, реализуемой в ситуации безмолвия.

3) Распад неаддитивной единицы на самостоятельные компоненты:

85. *[в] за правда шний настоящий то есть стоящий сто́ящий чего сто
щекотки щепотка пóтом да про сто так про то что как бы не так*

(И. Краснопер)

Как бы в приведенном фрагменте осуществляет функцию сравнения, а *так* модифицируется в дейктическую единицу с отрицанием (*не так*). Подчеркнем, что в таком сочетании *как бы не так*, являясь фразеологическим осколком, ретроспективно маркирует прагматическое значение ДС в репликовой функции (коммуникатива), выражающего категорическое несогласие или отказ от чего-либо [Ушаков 2004: 328]. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в данном фрагменте также (как и примере (86)) содержится прямое указание на поэтическую автокоммуникацию. Кроме того, отметим здесь осуществление

депрагматикализации ДС посредством приобретения его компонентами другого значения и функции (при помощи контекстных повторений и воспроизведения приема фрагментации слов).

Итак, мы рассмотрели прием контекстуальной ресемантизации ДС на материале корпуса современных англо- и русскоязычных текстов. В ходе исследования были выявлены основные разновидности этого приема в поэтическом дискурсе: 1) ресемантизация ДС на основе паронимической аттракции, 2) соположение ДС по принципу семантического противопоставления и 3) фрагментация ДС.

3.3. Семантика противительности и прагматика противопоставления в новейшей русско- и англоязычной поэзии

Проблема семантики противительности широко представлена в лингвистических исследованиях [Инькова-Манзотти 2001; Милованова 2010; Spenader, Lobanova 2009 и др.]. Однако до сих пор анализ противопоставлений был в основном сосредоточен на материале конвенционального употребления противительных конструкций.

ДС-контрастивы (по классификации Б. Фрейзера) в ОЯ выступают в качестве коннекторов, маркирующих противительные отношения между двумя элементами языковой структуры, заданными общими ситуативными рамками. При этом отношения контрастивности в ПД в основном асимметричны, так как компоненты поэтической нелинейной структуры не соотносятся с конвенциональными логико-семантическими значениями и принадлежат разным уровням дискурсивной иерархии. Анализируемые единицы наиболее ярко отображают такие показательные особенности ПД, как автокоммуникативный конфликт, рефлексия неоднозначности в отношении лингвистического выражения истинностных категорий, метаязыковой анализ, а также критику возможностей высказывания в его соотнесенности с действительностью. Мы проанализируем употребление таких единиц, как *с другой стороны*, *on the other*

hand, тем не менее, *nonetheless*, и укажем на их способность формировать отличные от конвенционального употребления контрастивные модели.

On the other hand

86. Thinking that I can't go on. Feeling lost.

Ear to immensity's night, immense with her.

On the other hand *my soul turns rocks into paste.*

What does it matter my love can't guard its shame.

The night is starry & she isn't with me still.

(D. Bromige)

Авторы статьи, посвященной исследованию контрастивного маркера *on the other hand* (ОТОН), отмечают, что употребление *on the one hand* (ОТ1Н) или *on the other hand* (ОТОН) не взаимообусловлено: только 18% примеров содержат как ОТ1Н, так и ОТОН, а в 3% данных ОТ1Н происходит без ОТОН [Scholman, Rohde, Demberg 2017]. При этом ДС ОТОН часто заменяется другими единицами (чаще всего *but* и *at the same time*). Так, был сделан вывод о том, что для успешного восприятия текста необходимо, чтобы противопоставление включало оба элемента, однако в большинстве случаев отмечались варианты употребления со снятым маркером ОТ1Н. В ПД также преобладают примеры только со вторым элементом (ОТОН) (22 употребления из 27), при этом первый контрастирующий элемент часто не выводится из локальной структуры.

В данном примере (86) противопоставление предположительно относится к оппозиции внешних и внутренних способностей субъекта высказывания: при его бессилии и растерянности в отношении своих способностей и самоощущения, он обнаруживает могущество собственной души, как будто существующей отдельно от него. Такая интерпретация возможна в случае соотнесения противопоставления, маркированного ОТОН, с предшествующей фразой через одну строку (*Thinking that I can't go on. Feeling lost.*), в то время как высказывание *Ear to immensity's night, immense with her* помещается в промежутке. Как было уже замечено, в конвенциональном употреблении конструкция ОТОН подразумевает

введение двух точек зрения, контраст-1 (*ОТІН*) и контраст-2 (*ОТОН*) — сами ДС могут быть не выражены эксплицитно. Чтобы воспринять сообщение, содержащееся в контрасте-2, реципиент должен построить достаточно расширенную структуру дискурса, связав предложения *ОТІН* и *ОТОН*, если они не являются смежными. Промежуточное предложение может представлять собой тип добавочного высказывания — например, локальное противопоставление непосредственно предшествующему информационному фрагменту. Однако в примере из ПД промежуточное высказывание не вносит дополнительного логико-семантического содержания по отношению к первому положению, но, скорее, развивает описание внутреннего состояния субъекта — ‘безмерной ночи’, погруженностью ‘слухом в тишину ночи’.

Такое непоследовательное противопоставление связано с общей тенденцией ПД к нелинейной композиции, а также со стратегиями автокоммуникации, при которой композиционно-структурная когезия обычно нарушена по причине недостаточно артикулированного содержания. ДС *ОТОН* выступает дисконнектором на локальном уровне, а на глобальном уровне можно обозначить данную единицу как неопределенный контрастив.

В следующем фрагменте также реализуется специфика употребления *ОТОН* в рамках ПД:

87. *They forget. Do they forget? **On the other hand***

they never forget. The danger of forgetting is withheld. I see no danger in it.

(A. Carson)

Противопоставление конструируется между высказываниями *They forget* и *they never forget*, при этом промежуточное высказывание — интеррогативно, что нарушает привычную вопросно-ответную последовательность. В примере (87) представлено рассуждение, в котором высказывается две противоположные точки зрения, что может быть обозначено как автокоммуникативный конфликт. Контрастивное ДС *ОТОН* участвует в констатации знания, сообщение которого прямо противопоставлено предыдущему, что выражено при помощи негации, осуществленной посредством контрастивного маркера и наречия *never*. Субъект

высказывания выражает мнение, служащее доказательством положения *The danger of forgetting is withheld* с помощью маркера эпистемической модальности: *I see (I see no danger in it)*, следовательно, глобальная структура противопоставления строится на основании субъективного изменчивого мнения. Представленная последовательность — аффирмативное, интеррогативное и негативное предложения — апеллирует к эксперименту с условно-истинностной пропозицией, в рамках которого постулируется невозможность однозначного утверждения.

С другой стороны

87. и звёзды шепчутся

проколотыми насквозь языками

[...]

такой выдался месяц —

летний

а с другой стороны —

толстый бледный нежный морской

рюкзачный ночлежный

совсем запутался

(Д. Лазуткин)

Во фрагменте (88) представлена частичная ресемантизация ДС *с другой стороны* с потенциальным возвращением исходной семантики компонентам, входящим в состав единицы. Как мы можем заключить из контекста, в данном случае идет речь о *месяце* в значении видимой части диска луны. В пользу этого соображения говорит описание звезд в начале приведенного фрагмента. Однако в сочетании с глаголом *выдался*, который частотно употребляется в качестве предиката времени (ср. с *день сегодня какой-то выдался*; *июнь выдался*, *вечер выдался* [НКРЯ]), мы не можем заявлять об однозначной интерпретации *месяца* в данном фрагменте как луны, а *с другой стороны* — как физически «округлой» «выпуклой» части диска. Таким образом, предположим, что здесь выражается

поэтическая неоднозначность, в том числе в отношении функции и роли ДС, а также обсуждаемого предмета. Само противопоставление, значение которого имплицировано в эпитетах, маркированных ДС, также не прояснено. Свойства, выраженные эпитетами (с нарушением нормативной пунктуации) *толстый бледный нежный морской*, могут быть противопоставлены признаку *летний* и являться субъективным контрастом, не поддающимся прямому толкованию, либо выступать описанием округлой части месяца.

Nonetheless

89. *But this is a false tart, the trap door insecurely latched, a tear in the velvet curtain. Yet the tear was but a drop of glycerin sliding down her cheek.*

Nonetheless skin is not porcelain, however it spots.

(R. Silliman)

90. *But but. [...] Yet the narrative of shadow crosses the garden, cool and damp. Nonetheless, those two guys in that parked Buick have just got to be narcs.*

(R. Silliman)

Согласно Б. Фрейзеру [Fraser 1998] ДС *nonetheless* (/nevertheless) можно определить по двум основным признакам: оно маркирует вывод, противоречащий ожиданиям или косвенное противопоставление.

По мнению Д. Белла, ДС *nonetheless* имеет две основные особенности. Во-первых, оно сигнализирует о том, что в маркированном им сообщении признается истинность предшествующего высказывания с точки зрения его идейного содержания или валидность с точки зрения его иллокутивной силы [Bell 2010]. Во-вторых, *nonetheless* сигнализирует о том, что содержащее его сообщение отменяет ожидаемый эффект или вывод, вытекающий из предшествующего высказывания, либо из объективно фонового знания / иллокутивного намерения. *Nonetheless* гораздо чаще встречается в письменном формате, чем в устном, и в основном в академических текстах, выполняя функцию связки и сигнализируя о

локальном, а не глобальном противопоставлении [Там же]. Как мы видим в приведенных примерах, эти правила употребления единицы намеренно нарушаются в ПД: в (89) связь между предшествующим предложением с предложением, содержащим единицу *nonetheless*, выражается на уровне отношений объекта (части тела — щека) и органа (кожа) (*cheek-skin*); (90) — высказывание относится к описанию того, что видит субъект за пределами дома. При этом закрепленные в конвенциональном употреблении функции противоречия и противопоставления не реализуются. Заметим, что во фрагменте (89) каждое предложение начинается с единицы, конвенционально маркирующей противопоставление (*but, yet, nonetheless*), а в сложном предложении с единицей *nonetheless* вторая часть вводится противительным ДС (*however*).

В (90) также употребляется *yet* и удвоенный противительный союз *but but*. Такое обилие ДС и союзов противопоставления сигнализирует о свойственном ПД явлении — автокоммуникативном конфликте, а также о неоднозначности поэтического высказывания. Кроме того, такое нанизывание контрастивных маркеров, которое частотно встречается в ПД, может выступать в качестве повышения степени эмоционального отношения к действительности — особенно учитывая, что в самом тексте нет противоречия между клаузами. Как отмечает М.С. Милованова: «Семантика противительности сформировалась в языке именно с этой конкретной целью — целью выражения равнодушного отношения к объекту. Предметным (объективным) содержанием противительности является противопоставление, плюс осложненное обязательным субъективно-оценочным компонентом» [Милованова 2010: 640]. При этом выражаемая оценка говорящего может быть как отрицательной, так и положительной [Там же: 641].

Задействованные во фрагменте (89) приемы: омофон *false tart* (к устойчивому сочетанию *false start*), омонимы *tear* указывают на особое внимание поэтического субъекта к плану выражения и автореферентность дискурса, когда развитие речи мотивировано фонетическими совпадениями, полисемическими возможностями слова, а также свободно-ассоциативными связями образов. Так,

ДС *nonetheless* здесь выступает не в логико-семантической функции локального противопоставления, а в качестве выражения противоречия как приема в числе прочих синонимичных функциональных единиц.

91) *Continuity requires suppression. The swans
of the Gobi desert are an imaginative construct yet **nonetheless** real. If a poet
could talk
we would not understand her.*

(R. Silliman)

Фрагмент (91) иллюстрирует особую реализацию противопоставительной конструкции, которая также отклоняется от конвенционального употребления ДС. Выше мы указали, что в конвенциональном употреблении *nonetheless* маркирует косвенное противопоставление, апеллирующее к составным периферийным смыслам предшествующего высказывания. Аномально высказывание с противопоставлением (посредством *nonetheless*) центральных смысловых компонентов, то есть с задействованием прямых антонимов, как в примере (91). Однако такое прямое противопоставление (*imaginative — real*) не интерпретируется в качестве контраста в рамках поэтического возможного мира. Кроме того, поскольку объекты описания — лебеди пустыни Гоби, ситуацию восприятия субъекта можно обозначить как мираж. Таким образом, мы не можем утверждать, что в примере (91) реализован логический парадокс, однако можем указать на специфические коннотации пограничности, отсутствия истинностной пресуппозиции, которые акцентируются в поэтическом тексте благодаря контрастивному маркеру. Предположительно, такая стратегия способствует выстраиванию глобального противопоставления поэтического языка другим типам дискурса. Последующее высказывание *If a poet could talk we would not understand her* служит подтверждением этого тезиса.

В следующем примере с употреблением русскоязычного аналога ДС (*nonetheless — тем не менее*) представлена похожая (в лингво-логическом аспекте) ситуация, в которой более явно можно проследить логический парадокс с достижением юмористического эффекта:

92) плавать-то не умели

но тем не менее поплыли

и знаете как-то неожиданно сложилось

(Д. Давыдов)

В данном разделе мы рассмотрели функционирование ДС с семантикой противительности рамках ПД и выяснили, что они способны вводить нелинейное противопоставление и выступать дискурсивными дисконнекторами, маркировать окказиональные алогичные с точки зрения обыденного языка противопоставления; логический парадокс; участвовать в выражении противоречия как художественного приема в ряду многих других противительных единиц).

3.4. Выводы

В первом разделе главы мы рассмотрели функционирование маркеров эпистемической модальности в новейшей поэзии. К анализу было привлечено большое количество примеров из текстов разных авторов, однако особенно пристальное внимание мы уделили поэзии А. Драгомощенко, в текстах которого регулярно встречаются элементы научного дискурса, характеризующегося включением ДС фактивности/путативности. Субъект его поэзии рефлексировал проблему невозможности исчерпывающего языкового описания действительности, на которое претендует научный дискурс.

Мы выявили такую особенность ДС эпистемической модальности, как установка на репрезентацию потенциальности транслируемой действительности, конвенционально представляемой как фактивная. Этот эффект достигается за счет сдвига по шкале фактивности-путативности при помощи употребления путативных показателей модальности в составе высказываний, содержащих описание непосредственно наличествующей действительности. Кроме того, проанализированные ДС могут служить показателями автокоммуникативного конфликта; употребляться в конструкциях, имитирующих диалог; выполнять функцию импрессива и т.д.

Контекстуальная ресемантизация, основанная на паронимической аттракции, осуществляется за счет актуализации полисемии, возврата изначального значения компонентам ДС, формирования дополнительных синтаксических ролей «центрального» компонента, модификации модальности, перефокусирования значений единицы с целью повышения воздействия сообщения на адресата. Кроме того, в рамках этой группы мы отметили реализацию установки на разрушение стереотипности конвенционального дискурса через повтор клише, а также осуществление двойной актуализации ДС: при сохранении образно-переносного значения идиоматической единицы в ее функциональной реализации и помещении акцента на изначальное значение центрального компонента. Из анализа ресемантизации посредством соположения ДС по принципу семантического противопоставления мы вывели, что метатекстовые ДС соплагаются с целью метаязыковой рефлексии их функционирования, а также отображения общей тенденции поэтического дискурса к семантической аномальности и неоднозначности. Кроме того, было показано, что активное включение антонимических интерперсональных ДС (*да, нет*) служит показателем автокоммуникативного конфликта и реализует тенденцию к депрагматикализации ДС.

Также мы выделили три разновидности ресемантизации прагматических единиц методом фрагментации ДС. В результате анализа этих подвидов фрагментации ДС мы заключили, что при помощи данной операции возможно установление контекстуально-синонимических отношений семантических и функциональных единиц, указание на автокоммуникативность ПД и др.

В последнем разделе главы мы рассмотрели неконвенциональное функционирование ДС-контрастивов, которые участвуют в реализации структурных, семантических, прагматических и логических отклонений в ПД. Анализируемые маркеры способны вводить нелинейное противопоставление и выступать дискурсивными дисконнекторами, маркировать окказиональные алогичные (с точки зрения обыденного языка) конструкции контрастивности; обозначать логический парадокс; участвовать в выражении противоречия как

художественного приема и автокоммуникативного конфликта. Мы рассмотрели, как такие логические, прагмасемантические и грамматические отклонения от нормы позволяют формировать связи с поэтическим миром, отражать процесс рефлексии высказывания говорящим, выявлять его отношение к сообщению, участвовать в осуществлении коммуникативной, экспрессивной и других функций в составе поэтических высказываний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе было рассмотрено функционирование ДС как средств реализации коммуникативных стратегий субъективации и адресации в новейшей поэзии. Мы выделили ряд специфических черт поэтической прагматики, проявленных в аспекте аномального функционирования ДС в русско- и англоязычной поэзии 1990–2010-х годов. В процессе выполнения диссертационного исследования были подтверждены положения выдвинутой гипотезы и получены следующие результаты.

В настоящей работе мы рассмотрели подходы отечественных и зарубежных ученых к исследованию дискурсивных слов (или дискурсивных маркеров) и обосновали наше понимание данного термина при учете особенностей функционирования ДС в поэзии. Также был представлен обзор ключевых понятий, относящихся к концепциям поэтического дискурса, поэтической коммуникации и поэтической прагматики, а также сформулировано собственное определение поэтического дискурса и его основные характеристики.

Для отбора единиц и анализа их функционирования был составлен авторский поэтический корпус (АПК), данные которого обрабатывались методом ручной выборки в программе *AntiConc* с целью выявления специфической семантической и синтаксической сочетаемости маркеров, а также количественных показателей частотности их употребления. При отборе единиц учитывались оба критерия, но приоритетным был критерий аномальной сочетаемости, что связано со спецификой ПД, ориентированного на план выражения. К анализу единиц был применен разработанный пошаговый анализ дискурсивных слов в поэтическом дискурсе.

Были выделены функционально-семантические группы дискурсивных слов на основании специфики их использования в новейшей поэзии. Мы рассмотрели специфику функционирования ДС в рамках следующих трех выделенных групп.

Первая функционально-семантическая группа — метатекстовые ДС. В нее вошли единицы, которые относятся к внутритекстовой референции,

структурируют процесс коммуникации с точки зрения грамматической связности и логической последовательности. В случае ПД мы можем говорить об их обратной по отношению к обыденному языку функции, когда они выступают в роли «дисконнекторов», нарушающих нормативные логико-семантические связи.

Эти единицы отличаются от других групп тем, что они наиболее частотно представлены в научном дискурсе. Мы учитывали это при их анализе и сопоставлении с обыденным языком. Посредством метатекстовых ДС ПД сближается с научным дискурсом, отражая метаязыковую рефлексию: анализируемые единицы выступают в качестве маркеров «лингвистики поэта»⁸⁹ [Фатеева 2017].

В ПД функционирование МДС обусловлено следующими параметрами: референтными (автореферентность сообщения), структурными (нелинейная структура поэтического текста, формирующая нелинейные связи между языковыми единицами), языковыми (аномальные грамматические и лексические средства выражения) и прагматическими («деавтоматизация» восприятия).

В данном исследовании мы рассмотрели маркеры вывода (*в общем, итак, thus, so*); каузальной связи (*следовательно, therefore*); детализации (*точнее*); экзemplификации (*for example*); противопоставления (*с другой стороны, on the other hand, anyway, nonetheless*). Самые многочисленные подгруппы — МДС вывода (4 ДС) и противопоставления (4 ДС). В случае с «выводными» МДС это связано с тем, что они апеллируют к инференционной модели декодирования сообщения, являющейся базовой в конвенциональном речевом взаимодействии [Sperber, Wilson 1995], при этом в рамках ПД функционирование выводных ДС «деавтоматизирует» стратегии декодирования в обход основных логико-дискурсивных механизмов.

Вторая группа — контекстуальные ДС. Это единицы, которые служат для характеристики художественной коммуникативной ситуации: они отсылают к

⁸⁹ Осознанный выбор языковых средств с сопутствующим осмыслением, которое может быть выражено через языковой эксперимент, и другие прямые или косвенные способы исследования фактов языка.

внешнеконтекстуальной референции, выражают отношение говорящего к коммуникативной ситуации и соотносятся с остальными параметрами коммуникативного акта (время, пространство, отношение и др.). Учитывая автореферентность ПД, функционирование таких единиц принципиально отличается от их конвенциональной реализации, где они прямо указывают на субъективное отношение говорящего к описываемой ситуации.

В ПД параметры коммуникативной ситуации переносятся во внутритекстовое пространство, а единицы, которые актуализируют событие в реальности (например, *you, here, now, уже*), сигнализируют о различных отношениях (индексальных, символических, метаязыковых и т.д.) в «поэтической реальности». Поскольку эти единицы фокусируют внимание на поэтической коммуникации, а также на специфике референциальных отношений между реальностью и ее языковым выражением, мы включаем в данную группу две подгруппы: ДС субъективной модальности (*бесспорно, возможно, вероятно, in fact, I think, perhaps*), ДС характеристики ситуации во времени и пространстве (*you, уже, here, now, there*).

Третья группа — интерперсональные ДС. Это группа единиц, обладающих внешней или внутренней референцией в зависимости от контекста, т.е. они могут иметь внутреннюю и внешнюю направленность в зависимости от коммуникативной цели высказывания. ИДС употребляются в контекстах, направленных как на внешнего адресата, так и на «автоадресата» (поэтическое «я»). Активное включение антонимических реактивных междометий (*да, нет*) служит показателем автокоммуникативного конфликта, при котором однозначно положительный или однозначно отрицательный ответ одинаково невозможны; достигается эффект неоднозначности, противоречивости высказывания и отображения сомнения субъекта в адекватности собственного восприятия, а также в форме и условиях его выражения. В эту группу вошли следующие подгруппы единиц: фатические (этикетные) (*пожалуйста, please*) и эмоциональные (*o!, wow*) ДС, выражающие множественную направленность адресной функции ПД, которые одновременно выступают маркерами автокоммуникации и обращения к

внешнему собеседнику. ИДС хезитации (*ну, well, like*) также связаны с автокоммуникативным режимом и участвуют в имитации разговорной речи с частотным употреблением разговорных выражений⁹⁰. В таком сочетании обыденного языка и поэтического дискурса демонстрируется стремление обогатить арсенал средств выражения поэзии.

В результате анализа функционирования ДС в ПД были систематизированы особенности аномального функционирования дискурсивных слов в новейшей поэзии на фоне их конвенционального употребления. Аномальное употребление ДС в сочетании с другими отклонениями ПД от ОЯ и от конвенциональной коммуникации связано с автореферентностью поэтического высказывания, нацеленного на собственный план выражения. Метаязыковая рефлексия в ПД позволяет обозначить пределы конвенционального употребления языка и выйти в область прагматического эксперимента. При этом в новейшей поэзии рефлексивируется сам процесс употребления единиц, прежде всего прагматических, в аспекте их аномального функционирования (посредством развития полисемии, транспозиций, окказионального написания, семантической несочетаемости, нестандартных синтаксических конструкций и др.). Активное включение ДС в ПД отображает сближение ПД с научным дискурсом и вместе с тем связано с установкой на взаимодействие с разговорной речью. Однако, по сравнению с разговорной речью, использование этих единиц в ПД отличается как структурно, так и прагматически.

Мы выделили **микрофункции** ДС в ПД, которые коррелируют с шестью основными функциями языка, выделенными Р.О. Якобсоном [Якобсон 1975], с учетом расширения их действия через аномальную реализацию в ПД. Так, в рамках референтивной функции, выполняющей ориентацию на контекст, были выявлены следующие дополнительные микрофункции ДС: демонстрация

⁹⁰ О.И. Северская отмечает характерное стремление поэтики «Языковой школы» и схожих типов поэтического письма в России к использованию повседневной речи как основы для интерпретации, создания «воображаемых диалогов с читателем, чье присутствие все время подразумевается» [Северская 2020].

несоответствия грамматического времени и темпоральности поэтической действительности (*Этот взгляд с поволокой войдет / ребра расширив собой / в уже ставшую ровной жизнь* (С. Завьялов)); репрезентация потенциальности выражаемой действительности (*Пускай какое-то время. Утро, к примеру. Возможно / и полдень, / не исключается полночь, висок, темные губы, предплечье* (А. Драгомощенко)) и т.д. В рамках рассмотрения экспрессивной (эмотивной) функции, ориентированной на адресанта (на выражение его отношения к содержанию собственного высказывания), мы выявили несвойственный этим (эмоциональным) ДС режим автокоммуникации, реализуемый в ПД (*im doing so many activitys lol, wow.../ im happy* (S. Roggenbuck)). Фатическая функция, ориентированная на контакт, в ПД получает дополнительную способность варьировать коммуникативную дистанцию в пределах одного высказывания (*и Ты Ты пожалуйста закрой что ли глаза ненадолго*). Конативная функция, ориентированная на адресата, получает свое развитие в ПД благодаря двунаправленному характеру поэтической адресации и дистанцированию субъекта от собственного «я» (*Why are you talking to yourself, isn't talking meant for another, but I is, yeah you 'is' alright* (E. Ostashevsky)), а также за счет редукции индексов мены коммуникативных ролей (*We do things with them. What sort of things. / Oh all sorts of things. For example. / Feeling things.* (E. Ostashevsky)). Метаязыковая и поэтическая функции языка изменяются в современных реалиях за счет вовлечения поэтической прагматики в область языкового эксперимента, а также выдвигаются на первый план канала реализации высказывания.

Также мы выявили **функционально-семантические сдвиги ДС-показателей субъективной (эпистемической) модальности по шкале фактивности-путативности и фактивности-импрессивности**. В рамках этого раздела, опираясь на исследования В.З. Демьянкова, посвященные категории возможности и вероятности в языке [Демьянков 2020; 2021a; 2021б; 2022], мы проследили закономерность в употреблении маркеров этих категорий (ДС-«загородок» *возможно* и *вероятно*) в ПД. Эту тенденцию можно представить в виде условной шкалы, на которой самая небольшая разница между частотностью

употреблений *возможно* и *вероятно* представлена в обыденном языке (материал основного корпуса НКРЯ: *возможно* 57 956, *вероятно* 50 581), при этом наблюдается резкое превышение частотности употребления *возможно* в устном подкорпусе НКРЯ (*возможно* 2 357, *вероятно* 739). В.З. Демьянков отмечает значительное превышение частотности употребления *возможно* в научном дискурсе (более чем в два раза) и еще более заметное превышение частотности этой единицы в художественном дискурсе, объясняя это явление тем, что внешний мир в гораздо меньшей степени подчинен человеческому сознанию, чем образ этого мира [Демьянков 2020: 14]. Разница между частотностью употреблений *возможно* (699) и *вероятно* (190) в поэтическом подкорпусе НКРЯ составляет 4 раза, что совпадает с показателями нашего авторского корпуса (см. Прил.).

Были выявлены основные **прагматические параметры поэтического дискурса**: референтные (автореферентность), дейктические (дейксис к координатам поэтического мира), прагматико-перцептивные («деавтоматизация» восприятия, метаязыковая рефлексия). Прагматический эксперимент, проводимый в ПД, основан на отклонении от языковых, коммуникативных и дискурсивных норм их употребления и нацелен на обновление модели поэтической коммуникации, включающей новые формы поэтической адресации и субъективации.

Были выявлены основные **характеристики поэтической коммуникации**, включая стратегии субъективации, (авто)коммуникации и (авто)адресации. Был сделан вывод о том, что в ПД коммуникативная функция осуществляется по диалогическим моделям внешней и внутренней адресации, реализующимся одновременно. Специфика поэтической адресации, а также стратегии не прямой субъективации в новейшей поэзии позволили выделить установку на модификацию коммуникативных параметров. Анализируя стратегии поэтической адресации, мы выделили понятие множественной адресации, которая реализуется как эксплицитно, с помощью *tu*-центрических языковых средств, так и имплицитно — посредством особых известных определенной группе адресатов

языковых средств (как, например, молодежный сленг). Также адресация в ПД осуществляется при помощи экстралингвистических средств (смайлики, эмодзи и др.), когда читатель «приглашается» к коммуникации без прямого к нему обращения. При этом поэтическое высказывание направлено на любого потенциального субъекта, вовлеченного в его интерпретацию. Интерпретатору ПД отведена важная роль, так как он, учитывая неоднозначность, свойственную ПД, участвует в конструировании вариативного смысла высказывания. При реализации автоадресации частотно осуществляются сдвиги в сфере персонального дейксиса. Сдвиги от первого лица ко второму реализуются в случае диалогизации внутренней речи, а от первого лица к третьему — при конструировании фигуры наблюдателя, и отчуждения собственной речи посредством создания персонажа. Кроме того, была выявлена коммуникативная стратегия, обозначенная как автокоммуникативный конфликт, который включает в себя столкновение противоположных оценок и мнений, что достигается при помощи частотных маркеров несогласия.

Анализ семантико-грамматических изменений позволил выявить такое явление, как **контекстуальная ресемантизация ДС** (их переосмысление в контексте), в рамках которой реализуются семантические и прагматические модификации отдельных единиц и общих стратегий на микроуровне дискурса. Таким образом, производится «критическое переосмысление» языковых процессов клиширования и контекстуальное расширение языковых возможностей. Например, ресемантизации подвергается ДС *on the other hand*: “*Essay on the One Hand and on the Other*” (J. Richardson). Полисемия слова *hand* актуализируется в устойчивом и свободном сочетании, в результате чего реализуется метаязыковая рефлексия устойчивой формы (*on the one hand [...], on the other hand [...]*). ДС модифицируется за счет полисемии единицы *on*, которая используется сразу в двух функциях: в составе ДС и в функции предлога *o* (*Эссе об одной руке и о другой/ Эссе, с одной стороны и с другой*).

ДС с **семантикой противопоставления** могут участвовать в реализации структурных, семантических, прагматических и логических отклонений. Мы

рассмотрели, как такие логико-семантические, прагмасемантические и грамматические отклонения от употребления в ОЯ позволяют формировать связи с поэтической действительностью, отражать процесс рефлексии текста говорящим, выявлять его отношение к сообщению, участвовать в апелляции к фоновому знанию, а также в осуществлении коммуникативной, экспрессивной и других функций в составе поэтических высказываний.

Одной из задач нашего исследования было изучение **общих и специфических черт употребления ДС в современной русско- и англоязычной поэзии**. Такая формулировка задачи связана с тем, что типологическому сопоставлению прагматических маркеров в русском и английском языках и выявлению прагматических эквивалентов посвящены специальные исследования [Auer, Maschler 2016; Минченков 1999, 2001 и др.]. Мы выявили, что расхождения в количественных показателях частотности употребления русско- и англоязычных ДС обусловлены, прежде всего, различием строя двух этих языков: английский относится к аналитическим языкам, для которых характерен фиксированный порядок слов, в то время как русский — к синтетическим, со свободным порядком слов.

Анализ корпусных данных позволил сформировать **статистические выводы об употреблении дискурсивных слов в поэзии**. Самые частотные единицы в ПД — контекстуальные (общее количество рассмотренных употреблений 2718: 856 АЯ, 1862 РЯ), что связано с вхождением в эту группу частотной единицы *вот* (1569). Такая частотность маркера *вот*, чья дискурсивная функция пересекается с дейктической [Schiffrin 1987: 230], в ПД обусловлена, как отмечают И.И. Ковтунова и В.В. Фещенко, особым дейктическим «сгущением», присущим поэзии и сопровождающимся частотностью дейктических сдвигов [Ковтунова 1986; Фещенко 2018б]. В качестве ДС эта единица указывает на актуальную коммуникативную ситуацию. Отметим, что в англоязычном ПД ДС *here* в этом значении употребляется значительно реже, чем в русскоязычном (29 в АЯ, 1569 в РЯ). В русскоязычном подкорпусе *вот* употребляется как для указания пространственных координат (*но в пространстве архитектуры / гуманоидной* —

вот, зажглось и горит, и сияет (Д. Давыдов); *всего ничего, вот, здесь — шли / [...] вот здесь, вот, шли и шли* (С. Могилева), так и временных (*и вот, когда, как пляшущее семя / в путях бесцветного огня* (А. Драгомощенко); *вот, наконец, находишь себя перед серым / ноздреватым льдом* (Х. Закиров). В основном подкорпусе НКРЯ *вот* также является частотной единицей. Из чего следует вывод, что в русскоязычном ПД отдается предпочтение наиболее приближенному к указательному жесту языковому аналогу (*вот* в большей степени соотносится с указательной функцией как таковой).

Вторая по частотности употреблений группа — это интерперсональные ДС (693 АЯ и 1731 РЯ (общее количество — 2424)) со значительным преобладанием употреблений этих единиц в русскоязычном подкорпусе. Такое преобладание мы объясняем большей направленностью на адресата современной русскоязычной поэзии, что в том числе связано со спецификой условий его реализации в социальных сетях, где усиливается апеллятивная функция. Американские поэты, как правило, не размещают свое творчество в бесплатном доступе, что обусловлено юридическими и социальными ограничениями на публикации художественных произведений. Хотя и не все исследуемые тексты были написаны в эпоху социальных сетей, *tu*-центричность ПД в целом характерна для поэтических практик последних десятилетий в обоих языках.

Группа метатекстовых ДС насчитывает самое небольшое количество употреблений, однако она является самой подробно рассмотренной в данной работе ввиду активной метаязыковой рефлексии этих единиц современными поэтами, что выражается в частотном употреблении их в аномальных формах в рамках анализируемого материала. Всего в АПК мы выделили 1020 употреблений МДС, из них 853 — в АЯ и 167 — в РЯ. В этой группе значительное превышение употреблений единиц отмечается в англоязычном подкорпусе, что объясняется актуализацией конструктивных элементов в современном английском языке (об этом подробнее см. выше). Наименьшая частотность отмечается в употреблении метатекстового ДС *с другой стороны* (19), что соответствует наименьшей частотности *on the other hand* в англоязычном подкорпусе (36) и низкой

частотности данных единиц в национальных корпусах (СОСА: 38328; НКРЯ: 15797). При этом мы подробно анализируем эти единицы в связи с релевантностью их функционирования для нашей задачи.

Всего в англоязычном подкорпусе было выявлено 2402 употребления ДС, что значительно меньше выявленных употреблений ДС в русскоязычном АПК (3760). Мы связываем такую разницу в количественных показателях с меньшей представленностью ДС в английском языке, что коррелирует с ПД.

Проведенное исследование открывает перспективы для дальнейшего изучения специфики функционирования ДС в разных типах дискурса. При расширении материала исследования и проведении детального сопоставительного анализа функционирования дискурсивных слов в новейшей русскоязычной и англоязычной поэзии и в поэзии предшествующих периодов может быть выявлена специфика функционирования ДС в диахроническом срезе.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АПК — авторский поэтический корпус

ДС — дискурсивные слова

ДМ — дискурсивные маркеры

ОЯ — обыденный язык

ПД — поэтический дискурс

ИДС — интерперсональные дискурсивные слова

КДС — контекстуальные дискурсивные слова

МДС — метатекстовые дискурсивные слова

* — Единицы, отмеченные «*», проанализированы в третьей главе в рамках исследования отдельных коммуникативных поэтических стратегий, в реализации которых участвуют эти ДС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1) Аверина 2016 — Аверина А.В. Функции модальных частиц в немецких научных текстах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. — 2016. — № 1.— С. 71–83.
- 2) Азарова 2012 — Азарова Н.М. Критерий «адресат» в установлении границ поэтического дискурса // Логический анализ языка. Адресация дискурса: Сб. статей / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова — М.: Индрик, 2012. — С. 225–233.
- 3) Алпатов 1993 — Алпатов В.М. Об антропоцентрическом и семантикоцентрическом подходе к языку // Вопросы языкознания. —1993. — № 3. — С. 15–26.
- 4) Алпатова 1980 — Алпатова С.Д. Комбинаторные свойства частиц в современном английском языке (Семантический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1980. — 15 с.
- 5) Апресян, Шмелев 2017 — Апресян В.Ю., Шмелев А.Д. «Ксенопоказатели» по данным параллельных корпусов и современных СМИ: русское якобы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». — Вып. 16 (23): в 2 т. — Т. 2. — М.: Изд-во РГГУ, 2017. — С. 17–29.
- 6) Апресян 1980 — Апресян Ю.Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ↔ Текст». — Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1980. — 119 с.
- 7) Апресян 1986 — Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. — 1986. — Вып. 28.— С. 5–33.
- 8) Апресян 1990 — Апресян Ю.Д. Языковые аномалии: типы и функции // Res Philologica: Филологические исследования. Памяти академика Георгия Владимировича Степанова (1919–1986). — М.; Л.: Наука, 1990. — С. 50–71.
- 9) Апресян 1995 — Апресян Ю.Д. Избранные труды: монография.-Лексическая семантика — М.: Языки русской культуры, 1995. — 472 с.

- 10) Апресян 1999 — Апресян Ю.Д. Лингвистическая терминология словаря // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. — М.: Языки русской культуры, 1999. — С. 22–54.
- 11) Апресян 2001 — Апресян Ю.Д. Системообразующие смыслы «знать» и «считать» в русском языке // Русский язык в научном освещении. — 2001. — № 1.— С. 5–26.
- 12) Арутюнова 1976 — Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. — М.: Наука, 1976. — 383 с.
- 13) Арутюнова 1981 — Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. — 1981. — Т. 40. — № 4. — С. 356–367.
- 14) Арутюнова, Падучева 1985 — Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. — 1985. — Вып.16.— С. 5–30.
- 15) Арутюнова 1987 — Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. — 1987. — Вып. 3. — С. 3–19.
- 16) Арутюнова 1990 — Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. — URL: <http://www.tapemark.narod.ru/les/136g.html> (дата обращения: 25.02.2021).
- 17) Арутюнова 2000 — Арутюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине мира // Язык о языке: Сб. статей / Под общ. ред. Н.Д. Арутюновой. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 7–22.
- 18) Асмус 1976 — Асмус В.Ф. Античная философия. — М.: Высшая школа, 1976. — 544 с.
- 19) Ахапкин 2012 — Ахапкин Д.Н. Когнитивная поэтика и проблема дейксиса в художественном тексте // Когнитивные исследования: Сборник научных трудов. — Вып. 5. — М.: Институт психологии РАН, 2012. — С. 252–266.
- 20) Бабаева 2008 — Бабаева Р.И. Незнаменательная лексика в немецком обиходном дискурсе (прагматический аспект): Дис. ... д. филол. н. — М., 2008. — 457 с.

- 21) Баранов, Добровольский 2020 — Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Семантика дискурсивных единиц «между прочим» и «кстати» в текстах Ф.М. Достоевского // Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения: Сб. статей к 90-летию проф. В.Н. Телия / Отв. ред. И.В. Зыкова, В.В. Красных. — М.: Гнозис, 2020. — С. 328–338.
- 22) Баранов, Кобозева 1988 — Баранов А.Н., Кобозева И.М. Модальные частицы в ответах на вопрос // Прагматика и проблемы интенциональности: Сб. статей / Под общ. ред. Н.Д. Арутюновой. — М.: ИВ АН СССР, 1988. — С. 45–69.
- 23) Барт 1994 — Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. — М.: Изд. группа «Прогресс», 1989–1994. — 616 с.
- 24) Бархударов 1975 — Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). — М.: Международные отношения, 1975. — 240 с.
- 25) Бархударов, Беляевская, Загорулько и др. 2000 — Бархударов Л.С., Беляевская Е.Г., Загорулько Б.А., Швейцер А.Д. Английский язык // Языки мира: Германские языки. Кельтские языки. — М.: Academia, 2000. — С. 43–87.
- 26) Бахманн-Медик 2017 — Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. — 504 с.
- 27) Бахтин 1979 — Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Советская Россия, 1979. — 320 с.
- 28) Бенвенист 1974 — Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М.: Прогресс, 1974. — 448 с.
- 29) Блинова 1989 — Блинова О.И. Языковое сознание и вопросы теории мотивации // Язык и личность. — М.: Наука, 1989. — С. 122–126.
- 30) Богданова-Бегларян 2014 — Богданова-Бегларян Н.В. Дискурсивная единица типа (того что): функционирование в устной спонтанной речи и возможности лексикографического описания // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2014. — № 3(45). — С. 252–254.

- 31) Богуславский 1996 — Богуславский И.М. Сфера действия лексических единиц. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 460 с.
- 32) Болдырев 2015 — Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2015. — № 1 (42).— С. 5–12.
- 33) Бондарко 1983 — Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии — Л.: Наука, 1983. — 208 с.
- 34) Бонно, Кодзасов 1998 — Бонно К., Кодзасов С.В. Семантическое варьирование дискурсивных слов и его влияние на линейризацию и интонирование // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К.Л. Киселевой, Д. Пайара. — М., 1998. — С. 382–443.
- 35) Борисова 2011 — Борисова И.А. Дискурсивные слова как идентификационный признак в криминалистических экспертизах // Российский следователь. — 2011. — № 7. — С. 4–6.
- 36) Булыгина, Шмелев 1993 — Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Гипотеза как мыслительный и речевой акт // Логический анализ языка. Ментальные действия: Сб. статей / Под общ. ред. Н.Д. Арутюновой, Н.К. Рябцевой. — М.: Наука, 1993. — С. 78–82.
- 37) Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 572 с.
- 38) Бюлер 1993 — Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка. — М.: Прогресс, 1993. — 501 с.
- 39) Вежбицкая 1978 — Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. — 1978. — Вып. VIII: Лингвистика текста. — С. 402–421.
- 40) Вежбицкая 1999 — Вежбицкая А. Семантика междометий // Семантические универсалии и описание языков. — М.: Языки русской культуры, 1999. — С. 611–647.

- 41) Вендлер 1985 — Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. — 1985. — Вып. 16. — С. 238–250.
- 42) Вепрева 2005 — Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху — М.: Олма-Пресс, 2005. — 384 с.
- 43) Викторова 2014 — Викторова Е.Ю. Дискурсивные слова разного типа в устной и письменной научной речи // Филология и человек. — 2004. — № 4.— С. 15–26.
- 44) Викторова 2015 — Викторова Е.Ю. Дискурсивы, специфические для устной научной речи (на материале лекций) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2015. — № 4 (36).— С. 55–65.
- 45) Виноградов 1963 — Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / Акад. наук СССР. Отд-ние литературы и языка. — М.: Акад. наук СССР, 1963. — 255 с.
- 46) Виноградов 1975 — Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике: избранные труды. — М.: Наука, 1975. — С. 53–87.
- 47) Виноградов 1977 — Виноградов В.В. Избранные труды: лексикология и лексикография. — М.: Наука, 1977. — 318 с.
- 48) Виноградов 1977 — Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов. — 3-е изд., испр. — М.: Высшая, школа, 1986. — 640 с.
- 49) Витгенштейн 2018 — Витгенштейн В. Философские исследования. — М.: АСТ, 2018. — 352 с.
- 50) Воронина 2008 — Воронина И.Е. Программные средства выявления семантического поля слов // Вестник Воронежского государственного университета. Компьютерная лингвистика и обработка естественного языка. — 2008. — № 2.— С. 111–122.
- 51) Гвишиани 1979 — Гвишиани Н.Б. Полифункциональные слова в языке и речи: Учеб. пособие по курсу синтаксиса англ. яз. — М.: Высшая школа, 1979. — 200 с.

- 52) Гик 2015 — Гик А.В. Изменения в структуре современного стихотворного текста: от синтаксиса предложения к «синтаксису» слова // Основные тенденции развития поэтического языка XX–XXI вв. языковые уровни и их взаимодействие. — М.: Азбуковник, 2015. — С. 299–327.
- 53) Григорьев 1979 — Григорьев В.П. Поэтика слова. На материале русской советской поэзии. — М.: Наука, 1979. — 343 с.
- 54) Гришина 2008 — Гришина Е.А. Частица *вот*: варианты, используемые в непринужденной речи // Инструментарий русистики: корпусные подходы / Под ред. А. Мустайоки и др. — 2008. — Вып. 34. — С. 63–91.
- 55) Гришина, Корчагин, Плунгян, Сичинава 2009 — Гришина Е.А., Корчагин К.М., Плунгян В.А., Сичинава Д.В. Поэтический корпус в рамках НКРЯ: общая структура и перспективы использования // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы: Сб. статей / Отв. ред. Н.Г. Плунгян. — СПб.: Нестор-История, 2009. — С. 71–113.
- 56) Дейк 1989 — Дейк Т. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ. яз. Под ред. В.И. Герасимова. — М.: Прогресс, 1989. — 310 с.
- 57) Демьянков 1995 — Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века: Сб. статей / Под общ. ред. Ю.С. Степанова — М.: Институт языкознания РАН, 1995. — С. 239–320.
- 58) Демьянков 2002 — Демьянков В.З. Соотношение обыденного языка и лингвистического метаязыка в начале XXI века // Языкознание: Взгляд в будущее: Сб. статей / Отв. ред. Г.И. Берестнев. — Калининград: ФГУИПП «Янтарный сказ», 2002. — С. 136–154.
- 59) Демьянков 2005 — Демьянков В.З. *Да и нет* в русском и западноевропейских дискурсах: Контрастивно-прагматический анализ // Sprache — Literatur — Kultur: Studien zur slavischen Philologie und Geistesgeschichte: Festschrift für Gerhard Ressel zum 60. Geburtstag / Herausgegeben von Thomas Bruns und Henrieke Stahl. — Frankfurt am Main etc.: Peter Lang, 2005. — S. 137–143.
- 60) Демьянков 2007 — Демьянков В.З. *Текст* и *дискурс* как термины и как слова обыденного языка // Вопросы филологии. — 2007. — № 1. — С. 86–95.

- 61) Демьянков 2012 — Демьянков В.З. Традиционное и креативное в адресации дискурса // Логический анализ языка. Адресация дискурса: Сб. статей / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. — М.: Индрик. — С. 41–49.
- 62) Демьянков 2016 — Демьянков В.З. Об антропоцентрическом направлении в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. — 2016. — Вып. 27. — С. 36–45.
- 63) Демьянков В.З. Прагматика коммуникации и когниция // Когнитивные исследования языка. — 2017. — Вып. 29.— С. 55–63.
- 64) Демьянков 2019 — Демьянков В.З. Приемлемость, уместность и адаптация текста // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2019. — № 4.— С. 9–19.
- 65) Демьянков 2020 — Демьянков В.З. О языковых техниках адаптации мнения // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2020. — № 4.— С. 5–17.
- 66) Демьянков 2021a — Демьянков В.З. О двойных рубежах между мнениями и реальностями в русском дискурсе // Когнитивные исследования языка. — 2021. — № 2(45).— С. 44–56.
- 67) Демьянков 2021б — Демьянков В.З. О *возможности* в логике и в когнитивной семантике // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2021. — № 4. — С. 5–21.
- 68) Демьянков 2022 — Демьянков В.З. Об эпистемических гарантиях в тексте // Управление наукой: теория и практика. — 2022. — Т. 4, № 3.— С. 218–228.
- 69) Киселева, Пайар 1998 — Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К.Л. Киселевой и Д. Пайара. — М.: Метатекст, 1998. — 447 с.
- 70) Киселева, Пайар 2003 — Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое описание / Под. ред. К.Л. Киселевой и Д. Пайара. — М.: Азбуковник, 2003. — 207 с.
- 71) Дмитриовская 1988 — Дмитриовская М.А. Знание и мнение: образ мира. образ человека // Логический анализ языка. Знание и мнение: Сб. статей / Под ред. Н.Д. Арутюновой. — М., 1988. — С. 6–18.

- 72) Добровольский, Левонтина 2015 — Добровольский Д.О., Левонтина И.Б. Модальные частицы и идея актуализации забытого (на материале параллельных корпусов) // По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». — М.: РГГУ, 2015. — Вып. 14 (21): в 2 т. — Т. 1: Основная программа конференции. — С. 138–149.
- 73) Добровольский, Левонтина 2017 — Добровольский Д.О., Левонтина И.Б. Дискурсивные частицы и способы их перевода: «ну» в романе Владимира Сорокина «Очередь» // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». — М.: РГГУ, 2017. — Вып. 16 (23).— С. 106–117.
- 74) Драгомощенко 1994 — Драгомощенко А.Т. Конспект / контекст // Фосфор. — СПб.: Северо-Запад, 1994. — С. 9–13.
- 75) Дронов 2021 — Дронов П.С. Варьирование, трансформация, модификация идиом: уточнение понятий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2021. — № 4. — С. 200–209.
- 76) Егорова 2009 — Егорова М.А. Английские «маркеры дискурса» в гносеологическом и онтологическом аспектах // Вестник Воронежского государственного университета: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2009. — № 1. — С. 18–22.
- 77) Жолковский 2014 — Жолковский А. Поэтика за чайным столом и другие разборы. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 824 с.
- 78) Зализняк 2001 — Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. — 2001. — № 2.— С. 13–25.
- 79) Зализняк 2006 — Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 637 с.
- 80) Зализняк 2013 — Зализняк Анна А. Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания. — 2013. — № 2.— С. 32–51.
- 81) Зализняк 2018 — Анна А. Зализняк. О прагматикализации в сфере дискурсивных слов русского языка // Тезисы конференции:

- Pragmatikalisierung: Sprachwandel zwischen Text und Grammatik. — München: LMU, 2018.
- 82) Зализняк, Падучева 2018 — Анна А. Зализняк, Падучева Е.В. Опыт семантического анализа русских дискурсивных слов: *пожалуй, никак, все-таки* // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. — 2018. — № 3. — С. 628–652.
- 83) Зализняк, Падучева 2019 — Анна А. Зализняк, Падучева Е.В. Русское что-то как дискурсивное слово // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные Технологии. По материалам ежегодной международной конференции Диалог-2019. — М.: РГГУ, 2019. — Т. 18. — С. 726–741.
- 84) Зализняк, Падучева 2020 — Анна А. Зализняк, Падучева Е.В. О слове «отнюдь» // Труды ИРЯ РАН. — 2020. — № 3 (25). — С. 203–218.
- 85) Золотова и др. 2004 — Золотова А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2004. — 544 с.
- 86) Золян 2009 — Золян Т.С. О стиле лингвистической теории Р.О. Якобсона и В.В. Виноградова о поэтической функции языка // Вопросы языкознания. — 2009. — № 1. — С. 3–8.
- 87) Золян 2014 — Золян Т.С. Семантика и структура поэтического текста. — М.: УРСС, 2014. — 336 с.
- 88) Зубова 2010 — Зубова Л.В. Языки современной поэзии. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 431 с.
- 89) Зубова 2017 — Зубова Л.В. Поэтический язык Марины Цветаевой. — СПб.: Геликон Плюс, 2017. — 544 с.
- 90) Зубова 2021 — Зубова Л.В. Грамматические вольности современной поэзии. — М.: Новое литературное обозрение, 2021. — 656 с.
- 91) Зыкова 2014 — Зыкова И.В. Фразеологическая креативность как отражение варьирования в интерпретации мира представителями англоязычной и русскоязычной культур // Когнитивные исследования языка. — 2014. — Вып. XIX. — С. 441–453.

- 92) Зыкова 2017 — Зыкова И.В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. — М.: Гнозис, 2017. — 752 с.
- 93) Зыкова 2019 — Зыкова И.В. Идиоматика русского авангарда в языкотворчестве Велимира Хлебникова: от традиции к эксперименту // Мир русского слова. — Т. 3. — М.: МИРС, 2019. — С. 112–118.
- 94) Зыкова 2021 — Зыкова И.В. Интердискурсивность как лингвокреативная апроприация дискурсов: авангард и Андрей Тарковский // Слово.Ру: балтийский акцент. — 2021. — Т. 12. — № 4. — С. 65–85.
- 95) Зыкова, Киосе 2021 — Зыкова И.В., Киосе М.И. Креативные возможности фразеологии в контрастивном ракурсе: кинодискурс vs дискурс детской литературы // Вестник Нижегородского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2021. — Т. 19. — № 3. — С. 5–19.
- 96) Инькова-Манзотти 2001 — Инькова-Манзотти О.Ю. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках (сопоставительное исследование). — М., 2001. — 434 с.
- 97) Ирисханова 2013 — Ирисханова О.К. О понятии перспективизации в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка: Сб. науч. тр. / Под ред. Н.Н. Болдырева — М.: ИЯ РАН; Тамбов: ИД ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. — С. 43–58.
- 98) Ирисханова 2014 — Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 320 с.
- 99) Ирисханова, Прокофьева 2017 — Ирисханова О.К., Прокофьева О.Н. Фокусирование в устном описательном дискурсе: анализ визуальной перцепции, речи и жестов // Когнитивные исследования языка. — 2017. — № 29. — С. 80–87.
- 100) Иссерс 2008 — Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — Изд. 5-е. — М.: ЛКИ, 2008. — 288 с.

- 101) Ишханова 2007 — Ишханова Д.И. Противительные отношения на различных ярусах синтаксиса: Дис. ... канд. филол. н. — Ставрополь, 2007.
- 102) Казарина 2004 — Казарина Т.В. Три эпохи русского литературного авангарда. — Самара: Самарский университет, 2004. — 620 с.
- 103) Казачихина 2008 — Казачихина И.А. Коммуникативы как объект описания в учебном пособии словарного типа // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. — 2008. — № 60.— С. 115–120.
- 104) Калинин 2005 — Калинин А.Н. Синтагматика и синтаксис парцелированных конструкций в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. н. — Самара, 2005. — 183 с.
- 105) Карасик 2016 — Карасик В.И. Дискурсивные слова как эмблемы личности // Экология языка и коммуникативная практика. — 2016. — № 1.— С. 26–34.
- 106) Кафкова 1979 — Кафкова О. О роли контекста в разных типах коммуникатов // Синтаксис текста: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Г.А. Золотова. — М.: Наука, 1979. — С. 236–247.
- 107) Кибрик 1998 — Кибрик А.Е. Язык // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. — С. 605.
- 108) Кибрик 2014 — Кибрик А.А. Дейксис // Энциклопедия «Кругосвет». [Электронный источник]. — URL: www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DEKSIS.html (дата обращения: 15.06.2019).
- 109) Кибрик, Подлеская 2007 — Кибрик А.А., Подлеская В.И. Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. — 2007. — № 2.— С. 2–23.
- 110) Кибрик, Подлеская 2009а — Кибрик А.А., Подлеская В.И. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования. [Электронный источник]. — URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/pdf/60.pdf> (дата обращения: 20.12.2020).

- 111) Кибрик, Подлеская 2009б — Кибрик А.А., Подлеская В.И. Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса. — М.: Языки славянских культур, 2009. — 736 с.
- 112) Киприянов 1983 — Киприянов В.Ф. Проблемы теории частей речи и словокоммуникативы в современном русском языке. — М.: МОПИ, 1983. — 102 с.
- 113) Киселева, Пайар 1998 — Киселева К.Л., Пайар Д. Введение // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. — М.: Метатекст, 1998. — С. 7–43.
- 114) Клепикова 1999 — Клепикова Т.А. Роль прагматической интерференции в грамматизации // Проблемы прикладной лингвистики: материалы семинара. Ч. 1. — М., 1999. — С. 115–116.
- 115) Кобозева, Захаров 2004 — Кобозева И.М., Захаров Л.М. Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка // Материалы Международной научной конференции «Диалог 2004». — 2004. — С. 292–297.
- 116) Кобозева 2007 — Кобозева И.М. Полисемия дискурсивных слов и попытка ее разрешения в контексте предложения (на примере слова *вот*) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2007». — 2007. — С. 250–255.
- 117) Ковтунова 1986а — Ковтунова И.И. Поэтическая речь как форма коммуникации // Вопросы языкознания. — 1986. — Вып. 1. — С. 3–13.
- 118) Ковтунова 1986б — Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. — М.: Наука, 1986. — 260 с.
- 119) Ковтунова 2006 — Ковтунова И.И. Категория лица в языке поэзии // Поэтическая грамматика: в 2 т. — Т. 1. — М.: ООО Издательский центр «Азбуковник», 2006. — С. 7–72.
- 120) Ковшова 2019 — Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры. — М.: Ленанд, 2019. — 400 с.

- 121) Ковшова 2022 — Ковшова М.Л. Вопросы вариативности во фразеологии и фразеологии // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. — Вып. 7. Материалы VII Конгресса РОПРЯЛ (Екатеринбург, 6–9 октября 2021 года). — Екатеринбург, 2022. — С. 189–194.
- 122) Кодзасов 1996 — Кодзасов С.В. Семантико-фонетическое расщепление русских частиц и просодическая информация в словаре // Словарь. Грамматика. Текст. — М.: ИРЯ РАН, 1996. — С. 97–112.
- 123) Колесов 1994 — Колесов И.Ю. Механизм грамматизации глагола: на материале глаголов, имеющих более двух статусов в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. н. — СПб., 1994. — 242 с.
- 124) Колмогорова 2015 — Колмогорова А.В. «Скажи, Серега!..»: «Скажи» как дискурсивный маркер чужого слова // Экология языка и коммуникативная практика. — 2015. — № 2.— С. 95–106.
- 125) Колокольцева 1999 — Колокольцева Т.Н. Антропоцентризм диалога (коммуникативы в диалоге) // Вопросы стилистики. — 1999. — Вып. 28: Антропоцентрические исследования. — С. 14–25.
- 126) Колокольцева 2001 — Колокольцева Т.М. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи: монография. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. — 261 с.
- 127) Колчина 2020 — Колчина А.С. Медиаграмотность. Власть визуального. [Электронный источник]. — URL: <https://vk.com/@schoolforjournalists-лекси́я-12-mediagramotnost-vlast-vizualnogo> (дата обращения: 22.02.2022).
- 128) Копыленко 1981 — Копыленко И.М. О коммуникативных функциях частиц: Автореф. дис. ... канд. филол. н. — Алма-Ата, 1981. — 203 с.
- 129) Крейдлин 1979 — Крейдлин Г.Е. Служебные слова в русском языке: Дис. ... канд. филол. н. — М., 1979. — 280 с.
- 130) Кронгауз 2009 — Кронгауз М.А. Во власти слов // Ценности и смыслы. — 2009. — № 2.— С. 70–74.
- 131) Крысин 2017 — Крысин Л.П. К соотношению системы языка, его нормы и узуса // Коммуникативные исследования. — 2017. — № 2 (12).— С. 20–31.

- 132) Кубрякова 1981 — Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. — М.: Наука, 1981. — 200 с.
- 133) Кубрякова 2001 — Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика: Доклады VIII международной конференции / Под общ. ред. Е.И. Дибровой. — Т. 1. — М.: СпортАкадемПресс, 2001. — С. 72–81.
- 134) Кустова 1998 — Кустова Г.И. Производные значения с экспериенциальной составляющей // Семиотика и информатика. — 1998. — Вып. 36. — С. 16–34.
- 135) Кутковой 2016 — Кутковой Н.А. Социально-психологические особенности эмоции удивления: Дис. ... канд. психол. н. — М., 2016. — 193 с.
- 136) Лабунская 1999 — Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. — 608 с.
- 137) Левицкий 2001 — Левицкий А.Э. Лексикализация как одна из форм проявления функциональной переориентации единиц современного английского языка // Вісник Луганського державного педагогічного університету імені Тараса Шевченка. — 2001. — № 12. — С. 6–12.
- 138) Левицкий 2018 — Левицкий А.Э. Взаимодействие реального и ирреального в пространстве вымышленного: когнитивно-дискурсивный аспект // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: Сборник научных трудов. — Вып. 2. — М.: КДУ, Университетская книга, 2018. — С. 369–373.
- 139) Левицкий 2019 — Левицкий А.Э. Дискурсивная ситуация и проблема понимания в аспекте референтности и коммуникативности // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2019. — № 1. — С. 12–22.
- 140) Левицкий 2020 — Левицкий А.Э. В поисках абсурда // Абсурд в языке и коммуникации: Сборник статей / Сост., отв. ред. Л.Л. Федорова. — М.: Изд-во РГГУ, 2020. — С. 117–142.
- 141) Левицкий, Никульшина 2023 — Левицкий А.Э., Никульшина Т.Н. Сказочный мир и современность: когда ирреальное становится реальным (на материале русских и английских народных сказок) // Лингвистика, лингводидактика,

- лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития: Материалы VII Международной научно-практической конференции. — Минск, 2023. — С. 13–18.
- 142) Левонтина 2022 — Левонтина И.Б. Частицы речи. — М.: ИЦ «Азбуковник», 2022. — 431 с.
- 143) Лотман 2000 — Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. — СПб.: Искусство, 2000. — С. 159–165.
- 144) Лукина 2011 — Лукина Н.В. Смысловая структура метатекста (на материале творчества Т. Толстой): Автореф. дис. ... канд. филол. н. — Астрахань, 2011. — 26 с.
- 145) Лутовинова 2008 — Лутовинова О.В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации // Изв. Рос. гос. пед. ун-та имени А.И. Герцена: общественные и гуманитарные науки (философия, языкознание, литературоведение, культурология, экономика, право, история, социология, педагогика, психология). — 2008. — № 11 (71).— С. 58–65.
- 146) Майсак 2000 — Майсак Т.А. Грамматикализация глаголов движения: опыт типологии // Вопросы языкознания. — 2000. — № 1.— С. 10–32.
- 147) Майсак 2007 — Майсак Т.А. Грамматикализация // Большая российская энциклопедия: в 30 т. — Т. 7. — М.: Большая российская энциклопедия, 2007. — С. 615.
- 148) Маковеева 2001 — Маковеева С.Е. Частицы в современном английском языке (генезис и функциональный аспект). Дис. ... канд. филол. н. — Архангельск, 2001. — 153 с.
- 149) Малов, Горбова 2007 — Малов Е.М., Горбова Е.В. Дискурсивные слова в русской разговорной речи (на материале анализа спонтанной разговорной речи) // Труды Первого междисциплинарного семинара «Анализ разговорной русской речи». — СПб.: ГУАП, 2007. — С. 31–36.

- 150) Манаенко 2013 — Манаенко Г.Н., Манаенко С.А. Дискурсивные слова и интенциональность аналитического текста политического дискурса // Политическая лингвистика. — 2013. — № 2 (44).— С. 65–71.
- 151) Массалина, Новодранова 2009 — Массалина И.П., Новодранова В.Ф. Дискурсивные маркеры в английском языке военно-морского дела. — Калининград: ФГОУ ВПО «КГТУ», 2009. — 278 с.
- 152) Мейлах 1978 — Мейлах М.Б. Семантический эксперимент в поэтической речи // Russian Literature. — 1978. — Vol. VI. — No. 4.— С. 389–395.
- 153) Милованова 2010 — Милованова М.С. Семантика противительности и категория оценки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2010. — № 4 (2).— С. 639–642.
- 154) Минченков 1999 — Минченков А.Г. Дискурсивная частица: анализ переводческих соответствий в английском и русском языках: Дис. ... канд. филол. н. — СПб., 1999. — 157 с.
- 155) Минченков 2001 — Минченков А.Г. Русские частицы в переводе на английский язык. — СПб.: ООО «Издательство “Химера”», 2001. — 96 с.
- 156) Мишиева 2015 — Мишиева Е.М. Дискурсивные маркеры в молодежной онлайн-коммуникации: на материале английского языка: Дис. ... канд. филол. н. — М., 2015. — 233 с.
- 157) Моисеев 1978 — Моисеев А. Частицы УЖЕ и ЕЩЕ в современном русском языке // Slavia orientalis, 1978. Roch XXVII. — 1978. — № 3.— С. 357–360.
- 158) Моррис 2001 – Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика: антология / Сост. и ред. Ю.С. Степанов. — М.: Академ. Проект, Деловая книга, 2001. – С. 45–97.
- 159) Мокиенко 1986 — Мокиенко В.М. Образы русской речи. — Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1986. — 280 с.
- 160) Мокиенко 1990 — Мокиенко В.М. Загадки русской фразеологии. — М.: Высшая школа, 1990. — 258 с.

- 161) Муравьева 2015 — Муравьева Н.Ю. История термина «наблюдатель» в современной лингвистике // Юбилейный сб. н. трудов, посвященный 165-летию преподаванию русского языка в Венгрии. — Печ, 2015. — С. 99–106.
- 162) Мустайоки 1988 — А. Мустайоки. О семантике русского темпорального ещё // *Studia slavica finlandensia*: Доклады финской делегации на X Съезде славистов. — София, 1988. — С. 99–142.
- 163) Назарян 1987 — Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. — М.: Высшая школа, 1987. — 288 с.
- 164) Николаева 1985 — Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании: на материале славянских языков. — М.: Наука, 1985. — 169 с.
- 165) Николаева 1990 — Николаева Т.М. О принципе некооперации и / или о категориях социолингвистического воздействия // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста: Сб. статей / Под ред. Н.Д. Арутюновой. — М.: Наука, 1990. — С. 213–225.
- 166) Николаева 2008 — Николаева Т.М. Непарадигматическая лингвистика: история «блуждающих частиц» — М.: Языки славянских культур, 2008. — 376 с.
- 167) Овчинникова 2007 — Овчинникова Т.Е. Членение пространства смысла (по данным усилительных частиц) // Труды международной конференции «Диалог 2007». — М.: РГГУ, 2007. — С. 432–435.
- 168) Олизько 2007 — Олизько Н.С. Интердискурсивность как категория постмодернистского письма // Вестник Челябинского государственного университета. — 2007. — № 15.— С. 95–104.
- 169) Орлицкий 2020 — Орлицкий Ю.Б. Стихосложение новейшей русской поэзии. — М.: Языки славянской культуры, 2020. — 1018 с.
- 170) Остин 1986 — Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. — 1986. — Вып. 17.— С. 22–129.
- 171) Падучева 1984 — Падучева Е.В. Референциальные аспекты семантики предложения // Известия АН СССР. — 1984. — № 4.— С. 291–303.

- 172) Падучева 1997 — Падучева Е.В. Семантические роли и проблема сохранения инварианта при лексической деривации // Научно-техническая информация. — 1997. — Сер. 2. — № 2. — С. 23–28.
- 173) Падучева 2004 — Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 607 с.
- 174) Падучева 2005 — Падучева Е.В. Игра со временем в первой главе романа В. Набокова «Пнин» // Язык. Личность. Текст: Сборник статей к 70-летию Т.М. Николаевой / Ред. В.Н. Топоров. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — С. 916–931.
- 175) Падучева 2008 — Падучева Е.В. Коммуникативная расчлененность и пути ее преодоления: инверсия подлежащего // Фонетика и нефонетика: к 70-летию Сандро В. Коздасова. — М.: Языки славянских культур, 2008. — С. 417–426.
- 176) Падучева 2010 — Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. — М.: Языки славянской культуры, 2010. — 480 с.
- 177) Падучева 2011 — Падучева Е.В. Показатели чужой речи: *мол* и *дескать* // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 2011. — Т. 70. — № 3. — С. 13–19.
- 178) Падучева 2013 — Падучева Е.В. Русское отрицательное предложение. — М.: Языки славянской культуры, 2013. — 304 с.
- 179) Падучева 2019 — Падучева Е.В. Эгоцентрические единицы языка. — М.: Изд. дом «ЯСК», 2019. — 440 с.
- 180) Пайар 1995 — Пайар Д. О двух аспектах истинности в высказываниях с дискурсивными словами // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке: Сб. статей / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1995. — С. 133–139.
- 181) Перфильева 2006 — Перфильева Н.П. Метатекст в аспекте текстовых категорий. — Новосибирск: НГПУ, 2006. — 285 с.
- 182) Перцов 2015 — Перцов Н.В. Лингвистика, поэтика, текстология: Избранные статьи. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 704 с.

- 183) Пирс 2000 — Пирс Ч.С. Избранные философские произведения / Пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. — М.: Логос, 2000. — 448 с.
- 184) Плуноян 2001 — Плуноян В.А. Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики / Сб. трудов. — Вып. 1: Глагольные категории. — М.: Русские словари, 2001. — С. 50–88.
- 185) Познер 2015 — Познер Р. Рациональный дискурс и поэтическая коммуникация: методы лингвистического, литературного и философского анализа / Пер. с англ. С.С. Носовой. — Томск: Изд. дом Томского государственного университета, 2015. — 296 с.
- 186) Попова 1968 — Попова Л.В. О дефразеологизации устойчивых сочетаний // Попова Л.В. Проблема устойчивости и вариативности фразеологических единиц: материалы симпозиума. — Тула, 1968. — С. 115–119.
- 187) Потемкина, Рачева 2020 — Потёмкина С.В., Рачёва А.А. Дискурсивные и просодические особенности слова *ну* в устной речи // Язык, культура, ментальность: проблемы и перспективы филологических исследований: сборник II Международной научной конференции. — Курск, 2020. — С. 260–267.
- 188) Подлеская 2013 — Подлеская В.И. Синтаксис и просодия самоисправлений говорящего по данным корпуса с дискурсивной разметкой // Корпусная лингвистика: Труды межд. конференции. — СПб., 2013. — С. 396–404.
- 189) Почебут 2019 — Почебут Л.Г. и др. Социальная психология общения: теория и практика. — М.: ИНФРА-М, 2019. — 389 с.
- 190) Радбиль 2011 — Радбиль Т.Б. «Не» как «оператор неотрицания» в лингвоспецифичных интенциональных контекстах // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем: Сб. статей / Сост. Е.Н. Ремчукова, Н.Л. Чулкина, М.В. Лысякова, Н.В. Новоспаская, О.В. Лазарева. — М.: Изд-во РУДН, 2011. — С. 96–102.
- 191) Радбиль 2012 — Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. — М.: Флинта, 2012. — 312 с.

- 192) Радбиль 2014 — Радбиль Т.Б. Русский язык начала XXI века в свете проблемы языковой концептуализации мира // Русский язык начала XXI века: Лексика словообразование, грамматика, текст / Коллективная монография. — Н. Новгород: Изд-во Нижегородского университета. — С. 8–65.
- 193) Радбиль 2016 — Радбиль Т.Б. Метаязыковые показатели со значением истинности в речевых стратегиях *de re* // Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох: Сб. статей / Отв. ред. И.Б. Левонтина. — М., 2016. — С. 137–148.
- 194) Рассел 2009 — Рассел Б. Проблемы философии. — Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2009. — 260 с.
- 195) Распопов, Ломов 1984 — Распопов И.П., Ломов А.М. Основы русской грамматики. — Воронеж, 1984. — 361 с.
- 196) Ревзина 1999 — Ревзина, О.Г. Поэтический мир М. Цветаевой в произведениях 30-х годов (цикл «Куст» и поэма «Автобус») // Творчество и Коммуникативный процесс. [Электронный источник]. — URL: <http://www.danefae.org/lib/ogrevzina/avtobus.htm> (дата обращения: 07.05.2023).
- 197) Савостина 2011 — Савостина Д.А. Междометие *О!* как средство субъективности в поэтической речи // Вестник Московского государственного областного университета. — 2011. — Вып. 2. — С. 34–38.
- 198) Северская 2010 — Северская О.И. Актуализация поэтического высказывания // Мир лингвистики и коммуникации. [Электронный источник]. — URL: http://tverlingua.ru/archive/21/1_21.pdf (дата обращения: 15.03.2021).
- 199) Северская 2013 — Северская О.И. Поэтическое высказывание и смысловая композиция текста (структурный и коммуникативный аспекты) // Поэтическая грамматика: в 2 т. — Т. 2. — М.: Изд. центр «Азбуковник», 2013. — С. 122–175.
- 200) Северская 2015 — Северская О.И. Паронимическая аттракция как феномен межуровневого взаимодействия в языке и тексте // Основные тенденции

- развития поэтического языка в XX–XXI вв. / Отв. ред. А.Н. Фатеева. — М.: ИЦ «Азбуковник», 2015. — С. 20–107.
- 201) Северская 2020 — Северская О.И. «Побудь со мной, поговори со мной»: стратегии взаимодействия с читателем в современной поэзии // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7. — № 2. — С. 419–436.
- 202) Серль 1986 — Серль Дж.Р. Что такое речевой акт. // Новое в зарубежной лингвистике. — 1986. — Вып. 17. — С. 151–169.
- 203) Сидорова 2000 — Сидорова М.Ю. Грамматика художественного текста. — М.: Изд-во МГУ, 2000. — 416 с.
- 204) Служаева 2016 — Служаева О.О. Недетский случай Всеволода Некрасова: метафизика пустоты // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2016. — № 73. — С. 69–72.
- 205) Соколова 2014 — Соколова О.В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. — М.: Гнозис, 2014. — 304 с.
- 206) Соколова 2015 — Соколова О.В. Дискурсы активного воздействия: Дис. ... д. филол. н. — М., 2015. — 635 с.
- 207) Соколова 2019 — Соколова О.В. От авангарда к неоавангарду. Язык, субъективность, культурные переносы. — М.: Культурная революция, 2019. — 294 с.
- 208) Соколова 2020 — Соколова О.В. Дискурс-«логофаг»: границы лингвокреативности и стереотипности в рекламе // Критика и семиотика. — 2020. — № 1. — С. 114–142.
- 209) Соссюр 1999 — Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. — Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999 — 432 с.
- 210) Степанова 2020 — Степанова А.А. Лингвокреативность фразеологических единиц в эпистолярном дискурсе М.И. Цветаевой // Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения: Сб. науч. ст. к 90-летию проф. В.Н. Телия / Отв. ред. И.В. Зыкова, В.В. Красных. — М.: Гнозис, 2020. — С. 181–193.

- 211) Степанов 1984 — Степанов Г.В. К проблеме единства выражения и убеждения (автор и адресат) // Контекст-1983: Литературно-теоретические исследования: Сб. статей / Ред. В.Р. Щербина, Н.К. Гей, П.В. Палиевский. — М.: Наука, 1984. — С. 20–38.
- 212) Степанов 1974 — Степанов Ю.С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований // Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М.: «Прогресс», 1974. — С. 5–16.
- 213) Степанов 1985 — Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. — М.: Наука, 1985. — 336 с.
- 214) Степанов 1995 — Степанов Ю.С. Язык и наука конца XX века: Сб. статей / Ред. Ю.С. Степанов — М.: РГГУ, 1995. — 432 с.
- 215) Стросон 1986 — Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов: Сб. статей / Сост. и вступ. ст. И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова. — Вып. 17. — Москва: «Прогресс», 1986. С. 130–150.
- 216) Сусов 2006 — Сусов И.П. Лингвистическая прагматика. — М.: «Восток — Запад», 2006. — 200 с.
- 217) Урысон 2007 — Урысон Е.В. Уже и уж: вариативность, полисемия, омонимия? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: тр. междунар. конф. «Диалог 2007» / Под ред. Л.Л. Иомдина [и др.]. — М.: Изд-во РГГУ, 2007. — С. 531–541.
- 218) Фатеева 2003 — Фатеева Н.А. Поэт и проза: книга о Пастернаке. М.: Новое литературное обозрение, 2003. — 399 с.
- 219) Фатеева 2016 — Фатеева Н.А. Языковая креативность: подступы к теме // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2016. — № 7. — С. 13–29.
- 220) Фатеева 2017 — Фатеева Н.А. Поэзия как филологический дискурс. — М.: Языки славянской культуры, 2017. — 360 с.

- 221) Федорова 2014 — Федорова О.В. Экспериментальный анализ дискурса. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 510 с.
- 222) Фещенко 2004 — Фещенко В.В. Языковой эксперимент в русской и английской поэтике 1910–1930-х годов: Дис. ... канд. филол. н. — М., 2004. — 324 с.
- 223) Фещенко 2018a — Фещенко В.В. Эмиль Бенвенист — теоретик поэтического дискурса // Критика и семиотика. — 2018. — № 2. — С. 226–237.
- 224) Фещенко 2018б — Фещенко В.В. Дейксис как присутствие субъекта в поэтическом тексте: теоретические подходы // Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика: Сб. статей / Под ред. Х. Шталя и Е. Евграшкиной. — Berlin: Peter Lang, 2018. — С. 157–169.
- 225) Фещенко 2021 — Фещенко В.В. «Мелодией, смыкающей пределы...»: метаморфозы музыкословия у Елизаветы Мнацакановой // Альманах-огонь. 2021. [Электронный источник]. — URL: <http://fajro.abc-group.ru/ElizavetaMnatsakanova.html> (дата обращения: 15.12. 2022).
- 226) Фещенко 2022 — Фещенко В.В. Язык в языке. Художественный дискурс и основания лингвоэстетики. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 368 с.
- 227) Фещенко, Пробштейн 2022 — Фещенко В.В., Пробштейн Я.Э. Новейшая американская поэзия: четыре школы в одной антологии // Антология новейшей поэзии США: «От “Черной горы” до “Языкового письма”». — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 640 с.
- 228) Хинтиikka 1980 — Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования: сборник избранных статей. — М.: Прогресс, 1980. — 448 с.
- 229) Циммерлинг 2009 — Циммерлинг А.В. Семантика в тексте и вне его: к универсальному определению частиц // Текст. Структура и семантика. Доклады XII международной конференции: в 2 т. — Т. I. — М.: ТВТ Дивизион, 2009. — С. 140–154.
- 230) Циммерлинг 2021 — Циммерлинг А.В. От интегрального к аспектвному. — СПб.: ООО «Нестор-История», 2021. — 652 с.

- 231) Черняков 2007 — Черняков А.Н. Метаязыковая рефлексия в текстах русского авангардизма 1910–20-х гг.: Дис. ... канд. филол. н. — Калининград, 2007. — 196 с.
- 232) Шапир 1995 — Шапир М.И. Эстетический опыт XX века: авангард и постмодернизм // *Philologica*. — 1995. — Т. 2. — № 3/4.— С. 136–143.
- 233) Шапиро 1953 — Шапиро А.Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров: строение предложения. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. — 317 с.
- 234) Шаронов 1996 — Шаронов И.А. Коммуникативы как функциональный класс и объект лексикографического описания // *Русистика сегодня*. — 1996. — № 2.— С. 89–112.
- 235) Шаронов 2009 — Шаронов И.А. Междометия в языке, в тексте и в коммуникации: Дис. ... д. филол. н. — М., 2009. — 320 с.
- 236) Шаронов 2015 — Шаронов И.А. Поиск и описание коммуникативов на основе Национального корпуса русского языка // *Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход*. — М.: Языки славянских культур, 2015. — С. 145–187.
- 237) Шаронов 2016 — Шаронов И.А. Дискурсивные слова и коммуникативы // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2016»*. — М.: РГГУ, 2016. — Вып. 15 (22).— С. 605–615.
- 238) Шаронов 2018 — Шаронов И.А. Семантические и прагматические аспекты описания вводных слов и коммуникативов // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. — 2018. — № 51. — С. 58–68.
- 239) Шахматов 1941 — Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. — Ленинград: Учпедгиз, 1941. — 620 с.
- 240) Шведова 1980 — Шведова Н.Ю. Русская грамматика: в 2 т. — Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. — М.: Наука, 1980. — 789 с.

- 241) Шведова 1980 — Шведова Н.Ю. Русская грамматика: в 2 т.— Т. 2: Синтаксис. — М.: Наука, 1980. — 714 с.
- 242) Шведова 1980 — Шведова Н.Ю. Построения с модальными частицами // Русская грамматика: в 2 т. — Т. 2. — М.: Наука, 1980. — С. 224–226.
- 243) Шилихина 2015 — Шилихина К.М. Изучение дискурсивных маркеров методами корпусной лингвистики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2015. — № 3.— С. 120–125.
- 244) Шмелев 1990 — Шмелев Д.Н. Полисемия // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — С. 382.
- 245) Шмелев 2005 — Шмелев А.Д. Некоторые тенденции семантического развития русских дискурсивных слов (на всякий случай, если что, вдруг) // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — С. 437–451.
- 246) Шумарина 2011 — Шумарина М.Р. Метаязыковая рефлексия в фольклорном и литературном тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. н. — М., 2011. — 47 с.
- 247) Эко 2006 — Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. — СПб.: Петрополис, 2006. — 540 с.
- 248) Якобсон 1921 — Якобсон Р.О. Новейшая русская поэзия: набросок первый. — Прага: Политика, 1921. — 68 с.
- 249) Якобсон 1972 — Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя: Сб. статей / Отв. ред. Б.А. Успенский; Сост. О.Г. Ревзина. — М.: Наука, 1972. — С. 95–113.
- 250) Якобсон 1975 — Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: Сб. статей / Под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова. — М.: Прогресс, 1975. — С. 193–231.
- 251) Якобсон 1985 — Якобсон Р. О. Избранные работы. — М.: Прогресс, 1985. — 460 с.

- 252) Якобсон 1987 — Якобсон Р.О. Работы по поэтике: Переводы / Сост. и общ. ред. М.Л. Гаспарова. — М.: Прогресс, 1987. — 462 с.
- 253) Яковлева 1994 — Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). — М.: Гнозис, 1994. — 344 с.
- 254) Янко 2001 — Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 384 с.
- 255) Abraham 1991 — Abraham W. Discourse Particles: Descriptive and Theoretical Investigations on the Logical, Syntactic and Pragmatic Properties of Discourse Particles in German. — Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 1991. — 338 p.
- 256) Adams, Steadman 2004 — Adams F., Steadman A. Intentional Action in Ordinary Language: Core Concept or Pragmatic Understanding? // Analysis. — 2004. — Vol. 64. — No. 2. — P. 173–181.
- 257) Aijmer 2002 — Aijmer K. English Discourse Particles. Evidence from a Corpus. — Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2002. — 298 p.
- 258) Ameka 1992 — Ameka F. Interjections: The universal yet neglected part of speech // Journal of Pragmatics. — 1992. — No. 18. — P. 101–118.
- 259) Andersen 1998 — The pragmatic marker *like* from a relevance-theoretic perspective // Discourse markers / Eds. A.H. Jucker, Y. Ziv. — Pragmatics and beyond, 1998. — P. 147–170.
- 260) Auer, Maschler 2016 — Auer P., Maschler Y. NU/NÅ: A Family of Discourse Markers. Across the Languages of Europe and Beyond. — Berlin, Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2016. — 517 p.
- 261) Austin 1962 — Austin J. L. How to Do Things with Words: The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955, 1962. — Oxford: Clarendon Press, 1962. — 192 p.
- 262) Becker 1979 — Becker A.L. Text-building, epistemology, and Aesthetics in Javanese shadow theater // The imagination of reality: essays in Southeast Asian coherence systems / Eds. A. Becker, A. Yengoyan. — Norwood: Ablex. — P. 211–241.

- 263) Bell 2010 — Bell D. Nevertheless, still and yet: Concessive cancellative discourse markers // *Journal of Pragmatics*. — 2010. — No. 42 (7). — P. 1912–1927.
- 264) Blakemore 1987 — Blakemore D. *Semantic Constraints on Relevance*. — Oxford, New York: Blackwell, 1987. — 168 p.
- 265) Blakemore 2002 — Blakemore D. *Relevance and linguistic meaning: The Semantics and pragmatics of discourse markers*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2002. — 200 p.
- 266) Blakemore 2006 — Blakemore D. *Discourse markers* // *The Handbook of Pragmatics*. — Malden, Oxford, Victoria: Blackwell Publishing, 2006. — P. 221–240.
- 267) Blakemore 2009 — Blakemore D. Parentheticals and point of view in free indirect style // *Language and Literature*. — 2009. — No. 18. — P. 129–153.
- 268) Bonola 2010 — Bonola A. *Tekstual'nye i pragmaticheskie funkicii russkich chastic: sopostavitel'nyj analiz russkogo ital'janskogo jazykov* // *L'Analisi Linguistica e Letteraria*. — 2010. — No. 18. — P. 173–185.
- 269) Bryson 1983 — Bryson N. *Vision and Painting: The Logic of the Gaze*. — New Haven: Yale University Press, 1983. — 189 p.
- 270) Chafe 1994 — Chafe W. *Discourse, Consciousness and Time. The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing*. — Chicago: Univ. Chicago of Press, 1994. — 392 p.
- 271) Coseriu 1980 — Coseriu E. *Partikeln und Sprachtypen. Zur strukturell — funktionellen Fragestellung in der Sprachtypologie* // *Wege zur Universalien Forschung*. — Tübingen: Narr, 1980. — S. 199–206.
- 272) Culioli — Culioli A. *Pour une linguistique de l'énonciation*. — T. 1: *Opérations et représentations*. — Paris: Ophrys, 1990. — 232 p.
- 273) Derrida J. *De la grammatologie*. — Paris: Minuit, 1967. — 431 p.
- 274) Dewey — Dewey J. *Logic: The Theory of Inquiry*. — New York: SUNY Press. — 1938. — 546 p.
- 275) Dehé, Wochner, Einfeldt 2022 — Dehé N., Wochner D., Einfeldt M. *The interaction of discourse markers and prosody in rhetorical questions in German* //

- Journal of Linguistics, 2022. [Electronic source]. — URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-linguistics/article/interaction-of-discourse-markers-and-prosody-in-rhetorical-questions-in-german/8762D075A538E1D40B40A4D4D66484D6> (accessed: 13.12.2022).
- 276) Dijk van 1979 — Dijk van T. A. Pragmatic connectives // Journal of Pragmatics. — 1979. — No. 3. — P. 447–456.
- 277) Dijk van 1989 — Dijk van T.A. Structures of Discourse and Structures of Power // Annals of the International Communication Association. — 1989. — Vol. 12. — No 1. — P. 18–59.
- 278) Dobrovol'skij 2015 — Dobrovol'skij D.O. Text corpora and bilingual phraseography // Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin. — 2015. — Vol. 5. — No. 5.— P. 23–37.
- 279) Ducrot 1980 — Ducrot O. Les Mots du discours — Paris: Les Editions de Minuit, 1980. — 240 p.
- 280) Duchan, Bruder, Hewitt 1995 — Duchan J. F., Bruder G. A., Hewitt L. E. Deixis in Narrative: A Cognitive Science perspective. — Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1995. — 552 p.
- 281) Feshchenko 2020 — Feshchenko V. V. The Performative turn in Philosophy and Verbal Art: Moscow Conceptualism's Linguistic (non-?)creativity // Зборник Матице српске за славистику. — 2020. — № 97. — P. 87–104.
- 282) Fischer 2006— Fischer K. Approaches to Discourse Particles. — Amsterdam: Elsevier, 2006. — P. 1–25.
- 283) Fischer 2010 — Fischer K. Beyond the sentence: Constructions, frames and spoken interaction // Constructions and Frames. — 2010. — No. 2.— P. 185–207.
- 284) Fraser 1990 — Fraser B. An Approach to Discourse Markers // Journal of Pragmatics. — 1990. — Vol. 14.— P. 383–398.
- 285) Fraser 1996 — Fraser B. Pragmatic Markers // Pragmatics. — 1996. — № 6.— P. 167–190.
- 286) Fraser 1999 — Fraser B. What Are Discourse Markers? / B. Fraser // Journal of Pragmatics. — 1999. — Vol. 31.— P. 931–952.

- 287) Fraser 2006 — Fraser, B. *Toward a Theory of Discourse Markers // Approaches to Discourse Particles.* — Amsterdam: Elsevier, 2006. — P. 189–204.
- 288) Fraser 2009 — Fraser B. *An Account of Discourse Markers // International Review of Pragmatics.* — 2009. — No. 1.— P. 293–320.
- 289) Fridlund 1991 — Fridlund, A. J. *Sociality of Solitary Smiling: Potentiation by an Implicit Audience. // Journal of Personality and Social Psychology.* — 1991. — No. 60. — P. 229–240.
- 290) Furkó, Abuczki 2014 — Furkó P., Abuczki Á. *English discourse markers in mediatised political interviews // Brno Studies in English.* — 2014. — No. 40. — P. 45–64.
- 291) Grice 1975 — Grice H. P. *Logic and conversation // Syntax and Semantics.* — Vol. 3: *Speech Acts.* — New York: Academic Press, 1975. — P. 41–58.
- 292) Halliday, Hasan 1976 — Halliday M.A.K., Hasan R. *Cohesion in English.* — London: Longman, 1976. — 374 p.
- 293) Harris 1952 — Harris Z. *Discourse Analysis // Language.* — 1952. — Vol. 28. — No. 1.— P. 1–30.
- 294) Heine 2003 — Heine B. *Grammaticalization // The Handbook of Historical Linguistics / Eds. B.D. Joseph, R.D. Janda.* — Oxford: Blackwell Publishing, 2003. — P. 575–601.
- 295) Heinrichs 1981 — Heinrichs W. *Die Modalpartikeln im Deutschen und Schwedischen.* — Tübingen: Niemeyer, 1981. — 265 p.
- 296) Hopper Traugott 2003 — Hopper P.J., Traugott E. *Grammaticalization.* — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — 276 p.
- 297) Hyland 2005 — Hyland K. *Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing.* — London, New York: Continuum, 2005. — 230 p.
- 298) Jakobson 1971 — Jakobson R. *Shifters, verbal categories and the Russian verb // Selected Writings of Roman Jakobson.* — Vol. II: *Word and Language.* — The Hague, Paris: Mouton, 1971. — 770 p.
- 299) James 1907 — James, W. *Pragmatism: A New Name for Some Old Ways of Thinking.* — New York: Longmans, Green and Co., 1907. — 308 p.

- 300) Jucker 1993 — Jucker, A. H. The discourse marker *well*: A relevance-theoretical account. // *Journal of Pragmatics*. — 1993. — No. 19 (5). — P. 435–452.
- 301) Jucker, Smith 1998 — Jucker A. H., Smith W. S. And people just *you know like wow*: Discourse markers as negotiating strategies // *Pragmatics and beyond*. — 1998. — No. 5. — P. 171–201.
- 302) Jucker, Ziv 1998 — Jucker A.H., Ziv Y. Discourse markers: Introduction // Jucker A.H., Ziv Y. *Discourse Markers. Descriptions and Theory*. — Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1998. — P. 1–12.
- 303) Knobe 2003 — Knobe, J. Intentional Action and Side Effects in Ordinary Language // *Analysis*. — 2003. — No. 63 (3). — P. 190–194.
- 304) Knott, Sanders 1998 — Knott A., Sanders T. The classification of coherence relations and their linguistic markers: An exploration of two languages // *Journal of Pragmatics*. — 1998. — No. 30. — P. 135–175.
- 305) König 1991 — König E. The meaning of focus particles: a comparative perspective. — London, New York: Routledge, 1991. — 244 p.
- 306) Kroon 1995 — Kroon C. Discourse particles in Latin. A study of *nam*, *enim*, *autem*, *vero* and *at*. — Amsterdam: J.C. Gieben, 1995. — 402 p.
- 307) Kroon 1998 — Kroon C. A framework for the description of Latin discourse markers // *Journal of Pragmatics*. — 1998. — No. 30 (2). — P. 205–223.
- 308) Lakoff 1973 — Lakoff R.T. The logic of politeness: or, minding your P's and Q's // *Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. — Chicago: Chicago Linguistic Society, 1973. — P. 292–305.
- 309) Laplantine 2008 — Laplantine C. *Emile Benveniste: poétique de la théorie. Publication et transcription des manuscrits inédits d'une poétique de Baudelaire: Thèse de doctorat*. — Paris, 2008. — 644 p.
- 310) Leech 1983 — Leech G. N. *Principles of pragmatics*. — London: Longman, 1983. — 250 p.
- 311) Lenk 1998a — Lenk U. Discourse markers and global coherence in conversation // *Journal of Pragmatics*. — 1998. — Vol. 30. — No. 2.— P. 245–257.

- 312) Lenk 1998b — Lenk U. Marking discourse coherence: Functions of discourse markers in spoken English. — Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1998. — 235 p.
- 313) Levontina 2016 — Levontina I.B. “Lexicalized prosody and the polysemy of discourse markers” // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2016”. — Moscow, 2016. — P. 369–381.
- 314) Louwse, Mitchell 2003 — Louwse M.M., Mitchell H.H. Toward a taxonomy of a set of discourse markers in dialogue: A theoretical and computational linguistic account // Discourse processes. — Vol. 35. — Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates Inc., 2003. — P. 199–239.
- 315) Lyons 2005 — Lyons J. Linguistic Semantics. An Introduction. — Cambridge: Cambridge University Press, 2005. — 394 p.
- 316) Maschler 1997 — Maschler Y. Discourse Markers at Frame Shifts in Israeli Hebrew Talk-In-Interaction // Pragmatics. — 1997. — Vol. 7. — No. 2. — P. 183–211.
- 317) Maschler 2009 — Maschler Y. Metalanguage in interaction: Hebrew discourse markers. — Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009. — 280 p.
- 318) Maschler, Schiffrin 2015 — Maschler Y., Schiffrin D. Discourse Markers: Language, Meaning and Context // The Handbook of Discourse Analysis. Second Ed. — Vol. 1. — Oxford: Wiley Blackwell, 2015. — P. 189–221.
- 319) Noveck 2018 — Noveck I. Experimental Pragmatics. The Making of a Cognitive Science. — Cambridge: Cambridge University Press, 2018. — 281 p.
- 320) Omazić, Parizoska 2020 — Omazić, M., Parizoska, J. Reproducibility and Variation of Figurative Expressions: Theoretical Aspects and Applications. — Białystok: Białystok Publishing House, 2020. — 143 p.
- 321) Paillard 2009 — Paillard D. *Prise en charge, commitment ou scène énonciative* // Langue française. — 2009. — No. 162.— P. 109–128.
- 322) Perelman 1993 — Perelman B. Parataxis and Narrative: The New Sentence in Theory and Practice // American Literature. — 1993. — No. 65.— P. 313–324.

- 323) Perloff 2022 — Perloff M. Context is all: the language games of Charles Bernstein // *Gragoatá*. — 2022. — Vol. 27. — No. 57.— P. 86–108.
- 324) Pic, Furmaniak 2012 — Pic E., Furmaniak G. A study of epistemic modality in academic and popularised discourse: The case of possibility adverbs perhaps, maybe and possibly // *Revista De Linguas Para Fines Especificos*. — 2012. — No. 18. — P. 13–44.
- 325) Ran 2003 — Ran Y. The pragmatic functions of the discourse marker “well” // *Foreign Languages*. — 2003. — No. 151. — P. 58–64.
- 326) Raso 2014 — Raso T. Prosodic constraints for discourse markers // Raso T., Melo H. *Spoken Corpora and Linguistic Studies*. — Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2014. — P. 411–476.
- 327) Redeker 1990 — Redeker G. Ideational and pragmatic markers of discourse structure // *Journal of Pragmatics*. — 1990. — No. 14.— P. 367–381.
- 328) Redeker 1991 — Redeker G. Linguistic markers of discourse structure // *Linguistics*. — 1991. — No. 29 (6).— P. 1139–1172.
- 329) Rimé 2009 — Rimé B. Emotion Elicits the Social Sharing of Emotion: Theory and Empirical Review // *Emotion Review*. — 2009. — No. 1 (1). — P. 60–85.
- 330) Ruiz-Belda, Fernández-Dols, Carrera, Barchard 2003 — Ruiz-Belda M.-A., Fernández-Dols J.-M., Carrera P., Barchard K. Spontaneous facial expressions of happy bowlers and soccer fans // *Cognition and Emotion*. — 2003. — No. 17 (2). — P. 315–326.
- 331) Stahl, Evgrashkina 2018 — Stahl H., Evgrashkina E. Субъект в новейшей русскоязычной поэзии. — Berlin: Peter Lang, 2018. — 440 p.
- 332) Schiffrin 1987 — Schiffrin D. *Discourse Markers*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1987. — 364 p.
- 333) Schiffrin 1994 — Schiffrin D. *Approaches to Discourse*. — Oxford: Basil Blackwell, 1994. — 482 p.
- 334) Schiffrin 2001 — Schiffrin D. *Discourse Markers. Language Meaning and Context* // *The Handbook of Discourse Analysis*. — Oxford: Blackwell publishers, 2001. — P. 54–75.

- 335) Scholman, Rohde, Demberg 2017 — Scholman M.C.J., Rohde H., Demberg V. “On the one hand” as a cue to anticipate upcoming discourse structure // *Journal of Memory and Language*. — 2017. — No. 97. — P. 47–60.
- 336) Schourup 1999 — Schourup L. *Discourse Markers* // *Lingua*. — 1999. — Vol. 107. — P. 227–265.
- 337) Silliman 1987 — Silliman R. *The new sentence*. — Roof books, 1987. — 93 p.
- 338) Sperber, Wilson 1986 — Sperber D., Wilson D. *Relevance: Communication and cognition*. — Oxford: Blackwell, 1986. — 338 p.
- 339) Spenader, Lobanova 2009 — Spenader J., Lobanova G. *Reliable Discourse Markers for Contrast* // *Proceedings of the Eight International Workshop on Computational Semantics*. — Tilburg: Association for the Computational Linguistics, 2009. — P. 210–221.
- 340) Stockwell 2002 — Stockwell P. *Cognitive Poetics. An Introduction*. — London: Routledge, 2002. — 224 p.
- 341) Traugott 1995 — Traugott E. *Subjectification in grammaticalisation* // *Subjectivity and Subjectivisation: Linguistic Perspectives*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1995. — P. 31–54.
- 342) Urgelles-Coll 2012 — Urgelles-Coll M. *The syntax and the semantics of discourse markers*. — London: Bloomsbury Academic, 2012. — 192 p.
- 343) Weirzbicka 1987 — Weirzbicka A. *English Speech Act Verbs*. — Canberra: Academic Press Australia, 1987. — 397 p.
- 344) Wittgenstein 1953 — Wittgenstein L. *Philosophical investigations* / Transl. by G.E.M. Anscombe. — New York: Macmillan, 1953. — 232 p.

Лексикографические источники

- 345) Ожегов www — Толковый словарь С.И. Ожегова онлайн. [Электронный источник]. — URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 24.12.2022).
- 346) Путеводитель 1993 — Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / Под ред. А.Н. Баранов, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина. — М.: Помовский и партнеры, 1993. — 205 с.

- 347) Морковкин 2003 — Морковкин В.В. Объяснительный словарь русского языка: структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы. — М.: АСТ, Астрель, 2003. — 426 с.
- 348) Ушаков 2004 — Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка: Ок. 60 000 слов / Сост В.В. Виноградов и др.; Ред. Д.Н. Ушаков. — М.: АСТ, 2004. — 1268 с.
- 349) Шимчук, Щур 1999 — Шимчук Э., Щур М. Словарь русских частиц. — Берлин: Peter Lang, 1999. — 147 с.
- 350) Woodham www — Woodham R. Actually / in fact / well // BBC Learning English. Ask About English. [Электронный источник: архивная версия]. — URL: <https://www.bbc.co.uk/worldservice/learningenglish/grammar/learnit/learnitv247.shtml> (дата обращения: 13.06.2021).
- 351) Cambridge www — Cambridge dictionary. [Электронный источник]. — URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 1.03.2020–24.12.2022).
- 352) Collins www — Collins Online dictionary. [Электронный источник] — URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 12.02.2023).
- 353) Oxford — Oxford dictionary / Ed. A. Stevenson. — Oxford, New York: Oxford University Press, 2011. — 1682 p.
- 354) Merriam-Webster www — Merriam-Webster dictionary. [Электронный источник]. — URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 24.12.2022).
- 355) Rojavin, Rojavin 2019 — Rojavin M., Rojavin A. Russian Function Words: Meanings and Use: Conjunctions, Interjections, Parenthetical Words, Particles, and Prepositions. — London: Routledge, 2019. — 284 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Статистические данные о частотности употребления в АПК и в национальных корпусах (НКРЯ и СОСА)

Русскоязычные ДС

ДС	НКРЯ	АПК	% ДС от общего кол-ва слов в НКРЯ	% ДС от общего кол-ва слов в АПК
1. в общем	34803	37	0,009294432454	0,005557734
2. следовательно	25045	28	0,006688476879	0,004205852
3. с другой стороны	17886	19	0,004776606007	0,002853971
4. итак	27098	28	0,007236747712	0,004205852
5. точнее	482	58	0,0001287221344	0,008712123
6. бесспорно	3533	14	0,0009435172215	0,002102926
7. возможно	58330	204	0,01557751473	0,030642639
8. вероятно	50652	47	0,01352704056	0,007059824
9. уже	744501	28	0,1988252236	0,101841713
10. вот	617905	1569	0,1650167022	0,235677946
11. да	115763	570	0,0309154781	0,085619139
12. нет	110886	980	0,02961303442	0,147204836
13. пожалуйста	29517	41	0,00788276191	0,00615857
14. о!	55038	97	0,01469835857	0,014570275
15. ну	330245	43	0,08819469143	0,006458988

Англоязычные ДС

ДС	В СОСА	В АПК	% ДС от общего кол-ва слов в СОСА	% ДС от общего кол-ва слов в АПК
1. so	2900627	102	0,2900627	0,0255
2. therefore	89982	125	0,0089982	0,03125
3. thus	118656	317	0,0118656	0,07925
4. for example	154432	146	0,0154432	0,0365
5. on the other hand	38328	36	0,0038328	0,009
6. anyway	97991	80	0,0097991	0,02
7. nonetheless	17588	47	0,0017588	0,01175
8. I think	683681	303	0,0683681	0,07575
9. in fact	149632	150	0,0149632	0,0375
10. perhaps	191436	333	0,0191436	0,08325
11. here	197863	29	0,0197863	0,00725
12. now	1653664	23	0,1653664	0,00575
13. there	2912479	18	0,2912479	0,0045
14. yeah	318137	117	0,0318137	0,02925
15. no	439426	212	0,0439426	0,053
16. like	127170	57	0,012717	0,01425
17. please	247482	164	0,0247482	0,041
18. well	747006	120	0,0747006	0,03
19. wow	62286	23	0,0062286	0,00575

Всего слов в основном корпусе НКРЯ: 374 449 975 (11.11.2023)

СОСА: 1 000 000 000

АПК АЯ: 400 000

АПК РЯ: 665 750

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

Конвенциональное функционирование ДС [НКРЯ, СОСА]

Русскоязычные ДС**Бесспорно**

Поэтому, по мнению чиновников, его прежняя криминальная деятельность смягчается «реабилитационными факторами». **Бесспорно**, он более не опасен. [Александр Латкин. Демонстратор совести. Знаменитому хакеру разрешили выходить в Интернет // «Известия» (2003.01.22)].

Вероятно

Исторические переломы, **вероятно**, всегда трудны для искусства, обремененного социальными амбициями. [О свойствах постоянных величин // «Экран и сцена» (2004.05.06)].

В общем

Можно обучить всю ИТ-команду на курсах и даже попытаться сдать сертификационный экзамен. **В общем**, можно взяться за дело собственными силами и, вполне вероятно, в конце концов удастся достичь результата. [Наталья Дубова. Вокруг ITSM // «Computerworld», 2004].

Возможно

Нужно внимательно взглянуть в суть личности, и, **возможно**, за неприметным обликом таится что-то очень стоящее, неординарное и доброе. [Форум: рецензии на фильм «Служебный роман» (2006–2010)].

Вот

[...] Сергей мечтает стать известным музыкантом, Оля мечтает о красивой жизни. И **вот** появляются они — красивые, богатые, самодостаточные — отец и сын. Один крупный бизнесмен, второй нобелевский лауреат. И вся эта убогая жизнь серых, никчемных людей, в этом болоте враз меняется [Форум: комментарии к фильму «Все будет хорошо» (2008–2011)].

Вот оно, единение двух родственных душ — сцена, когда они изображают американскую семью, принимающую гостей [Форум: комментарии к фильму «Все будет хорошо» (2008–2011)].

Да

– Иван, а у Вас есть разрешение на оружие? (вкл. обрез) — **Да**. Сейчас оформляю нарезное. [Форум: Горный двухподвесочный (2010)].

Итак

Например, в “доброй сказке” результатом встречи героя (тип Н) с антагонистом (тип А) могут быть варианты (+, -), (+, d), но никак не (d, +). Трагедия, наоборот, изобилует печальными как для субъекта, так и для объекта встречи вариантами: (-, -), (d, d) и т. д. Отметим, что в [1] предлагается иной подход — там определяются возможные встречи персонажей (кто и с кем) в зависимости от их типа, считая исходы встреч фиксированными. База данных. **Итак**, основу предлагаемого метода составляет множество всевозможных параметризованных шаблонов. [В. Э. Карпов, Т. В. Мещерякова. Об автоматизации нетворческих литературных процессов // «Информационные технологии», 2004].

Нет

— Немного ж тебе надо для счастья! — **Нет**, мне для счастья нужно много, в этом и проблема) возможность свернуть себе шею-лишь один компонент) [Переписка в icq между agd-ardin и Герда (17.03.2008)].

Ну

— Леда, признавайтесь, вы были прототипом фильма Брат. — **Ну**... если говорить откровенно (только с Вами, конечно), мое настоящее имя Никита) — Так логичнее. Ок, я никому не скажу! [Форум: Горный двухподвесочный (2010)].

О!

— Что ж, тогда завтра мы с вами отправляемся на прогулку? — Ну пошли...) но стоит ли так жертвовать планами ради сего бессмысленного мероприятия? — **О**, я фанат отсутствия смысла) — **О**, это многое объясняет) [Переписка в icq между agd-ardin и Герда (17.03.2008)].

Пожалуйста

Пожалуйста, не сочтите за труд, дайте совет, как растянуть 24 часа [Форум: Горный двухподвесочный (2010)].

С другой стороны

Этот текст по своей сути был вовсе даже не законом, а особого рода патриотическим высказыванием о русском языке, содержащим, с одной стороны, его восхваление («декларативная часть»), *с другой стороны*, не вполне ясную угрозу, не вполне понятно кому адресованную. [Максим Кронгауз. Родная речь как юридическая проблема // «Отечественные записки», 2003].

Следовательно

Как правило, перемещения на относительно короткие расстояния менее чувствительны к экономическим условиям по сравнению с перемещениями на большие расстояния. *Следовательно*, в условиях кризиса этот вид перемещений оказался менее уязвимым. [Снижение масштабов внутренней миграции населения в России: опыт оценки динамики по данным текущего учета // «Вопросы статистики», 2004].

Точнее

У меня в районе никто не воспринимает портал как крупный сайт, *точнее*, о нем вообще не знают, а создание сайтов и портал в частности считают моим личным делом, т. е. баловством. [Форум: Мужчина в школе (Взгляд на Мужчину в школе снаружи и изнутри) (2011)].

*Англоязычные ДС**Anyway*

If it were me that believed in gods n other nonsense, I'd leave people alone to their own devices and let the gods decide what to do with them. *Anyway*, I'm all for equal rights. People are people regardless of gender, skin color, political bias, religion conviction, etc. [Blog: <http://forums.canadiancontent.net/us-american-politics/111391-moral-men-women-will-deny.html>. Moral men and women will deny women equal rights (2012)].

Already

Already, they've added a daily business section, hired a new business editor, hired an award-winning fulltime restaurant reviewer and numerous other changes that are going to make our paper even better than it was before. [Blog <http://www.niemanlab.org/2012/10/the-orange-county-register-is-hiring-dozens-of-reporters-focusing-on-print-first-expansion/> (2012)].

For example

Many top decks and duelists make use of multiple engines. However, they have to use the same? oil?, meaning they have to work well with each other and have some synergy; otherwise the deck will fall apart. For example, there is no point running the Barbaros/ Skill Drain engine in Wind-Ups since it will do as much damage to you as it will to your opponent. [Blog <http://forum.tcgplayer.com/showthread.php?313454-The-Essential-Parts-of-a-Deck-%97-Part-1> 2012 The Essential Parts of a Deck — Part 1].

Here

Up to this point she's been nothing but a vague romantic interest for Gamby, a character absent of any agency or any real depth. ***Here***, she becomes something more fully realized. [MAG: A.V. Club (2016)].

Hmm. - ***Here***, I'll get your Hollywood camping gear. ***Here***, hold this, Angel. [The Warning (2015)].

I think

There are a lot more Republican seats up. But they're in red states. There are really only a couple of targets of opportunity here. So one reason there aren't more marquee Democrats, ***I think***, is because it's a difficult circumstance. They have to win Colorado. [SPOK: PBS: PBS NewsHour (2019)].

In fact

In a larger context though, of course race plays a role in the way we respond to Chris Brown. ***In fact***, in reading some Chris Brown news while writing this post, I learned that the organization that targeted Chris Brown's most recent album with domestic abuse warning stickers is now putting stickers on John Lennon albums [Blog <http://bitchmagazine.org/post/block-chris-browns-stupid-face-google-chrome-feminist-magazine-internet> (2012)].

Like

ZENDAYA-SPIDER-MAN: It was my, it was my first time in New York actually, and the night before this, I stayed at my cousin and my niece were with me, and we stayed up all night, ***like***, just playing around the whole night, and the next thing you know, it was, ***like***, 4:00 in the morning, and then I was ***like***, I have “Good Morning America” in ***like*** an hour. [News: Good Morning America (2019)].

No

Whoa, I got like 2k more followers. That's it! This wrong must be righted. I challenge you to a... — Dance-off? — *No*, that wouldn't even be fair. I challenge you to a... [Lego DC Super Hero Girls: Brain Drain Year: 2017].

Nonetheless

It is a relatively simple blunder to obtain caught in whenever your purpose is to essentially multiply your amount of social enthusiasts. *Nonetheless*, networks like Facebook are actually working to eliminate fake likes from pages. [Blog <http://bigfatpromo.com/2012/10/social-media-advertising-is-true-as-well-as-it-operates/> (2012)].

On the other hand

According to the rangers, the coyotes have been hunting in packs, especially now that their numbers have been rising. *On the other hand*, they don't seem to bother people. # The only animal that has killed a person in the park was an obnoxious mountain goat. [Blog <http://newswatch.nationalgeographic.com/2012/02/03/would-real-wolves-act-like-the-wolves-of-the-grey/> (2012)].

Perhaps

There is only a feed, not a link. *Perhaps*, for you, it would be interesting to read from some of his feed, if it. [Blog <http://chicagoboyz.net/archives/33362.html> (2012)].

Please

It is an important newspaper here in Spain. *Please*, sorry for my English if it sounds strange. [BLOG <http://blog.georgetownvoice.com/2009/10/16/georgetown-sophomore-seeks-personal-assistant-takes-premature-self-importance-to-whole-new-level/> (2012) Georgetown sophomore seeks personal assistant, takes premature].

So

Okay. I have to stay and feed the sigils, *so*, you know, take your time. [The Magicians (2015: 65 episodes)].

Therefore

Critics blame the die-off on the federal Bureau of Reclamation's temperature control plan, which is used to determine the timing and flow of water out of Shasta Dam and *therefore* the temperature of the river at critical stages. — Tara Duggan, San Francisco Chronicle, 4 Jan. 2022.

Thus

As access to quality public schools is essential for the working-class, it is apposite that the basic organization of the working-class — the union, is being used in this fight to defend public education. *Thus* the Chicago Teachers Union's (CTU) battle with Chicago Public Schools (CPS) should not just be embraced by advocates of public education but by the entire labor movement as well. [BLOG <http://kdpedpolicy.org/2012/09/18/the-current-str/> (2012) The Chicago teachers' strike matters for more than education].

Well

MJ: When you first wrote the mantra “Eat food. Not too much. Mostly plants”, did you have any idea what kind of reaction you'd get? MP: *Well*, I studied my poetry in school, and I knew there was something about the way it sounded that made it easy to remember [MAG: Mother Jones (2009)].

Wow

– People like are the disgrace of Armenian name! — *Wow!* Are you out of your mind? How is this Sargsyan's fault? [BLOG <http://www.armenianweekly.com/2012/09/04/the-axe-effect/> (2012) The Axe Effect: Thousands Protest in Front of Hungarian Parliament].

Yeah

Sure it will attract new customers but I think the idea would be more of “All that tech? *yeah*, we can do that too, and with crap laying around” or some other sort of face slap. [Blog: <http://www.insidegamingdaily.com/2012/09/21/sony-talks-vitaps3-competition-with-wii-u/> (2012)].